

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3/4 (76/77) — 2015

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново; доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Ивановский государственный университет, г. Иваново; доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет;
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3/4 (76/77) — 2015

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (Ivanovo State University, Ivanovo)
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University, Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
Higher School of Economics, Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

ББК 74.03(2)

О. А. Хасбулатова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ В 1918—2015 гг.: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена профессиональному образованию мужчин и женщин как важному компоненту человеческого капитала. На основе изучения документальных и статистических источников выявлена гендерная специфика российской образовательной политики на различных исторических этапах 1918—2015 гг. Сделан вывод, что в сфере профессионального образования гендерная асимметрия проявлялась в наименьшей степени. Среди проблем, требующих решения, обозначены гендерная сегрегация в выборе профессий и на рынке труда, дифференциация суммарной материальной выгоды от инвестиций в образование у женщин и мужчин.

Ключевые слова: профессиональное образование женщин и мужчин, человеческий капитал, гендерные аспекты государственной образовательной политики, гендерная сегрегация в выборе профессий и на рынке труда.

O. A. Khasbulatova. Professional education of men and women in Russia: socio-historical analysis

The article is devoted to the historical and sociological analysis of the state educational policy. Based of the wide spectrum of documents and statistics the author illustrates the state investments in professional education of women and men during 1918—2015.

The professional education is an important part of the human capital. Its role is increasing in postindustrial society.

Three periods were investigated: 1918—1940, 1941—1990, 1991—2015. The main goal is to reveal the direction, dynamics and level of effectiveness of the state investments of the USSR and the Russian Federation in professional education of women and men.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 3—16

© Хасбулатова О. А., 2015

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

In conclusion the author summarizes the main results of the study and claims that gender aspects of state educational policy were shaped during those years. According to the author found the gender asymmetry in professional education was not as big as it was in some other areas. The women have had access to all the types of professional education. The young men and women have greater access to the professional education in contemporary Russia.

Some problems to be solved are: gender segregation in professions and labor market; the gap in the professional self-realization capabilities; the gender differentiation of the economic benefit of the educational investment.

Key words: professional education of women and men, human capital, gender aspects of the state educational policy, gender segregation in professions and labor market.

На современном этапе развития мировой экономики конкурентоспособность любого государства основывается на качестве человеческого капитала как ключевом элементе национального богатства, обеспечивающем долгосрочный рост экономики и благосостояние населения. С середины XX в., по мере научного осмысления понятия «человеческий капитал», развитие профессионального образования стало выступать как инвестиции в человеческий капитал, вместе с самообразованием и государственными вложениями в науку и здравоохранение. Поскольку образование, накопленные обществом знания, экономика и благополучие населения взаимосвязаны, становится актуальным осуществление социологического и гендерного анализа государственной политики в области профессионального образования в России в исторических рамках 1918—2015 гг. Научное осмысление этапов государственных инвестиций в профессиональное образование мужчин и женщин позволит создать целостное представление о гендерной специфике формирования и развития человеческого капитала в России.

Становление профессионального образования в 1918—1940 гг.

В 1918—1920-х гг. в советской России на 100 человек приходилось 18,2 мужчины и 53,3 женщины, которые не умели читать и писать [Хасбулатова, 2005: 111]. Среди профессионально занятого населения уровень грамотности у мужчин был также значительно выше, чем у женщин. Так, на 100 рабочих-мужчин приходилось 78,4 грамотных, на 100 работниц только 38,3 грамотных [Брилинг, 1919: 67]. Органы образования советской республики стояли перед решением двух крупных государственных задач: обеспечить всеобщее образование детей и ликвидировать неграмотность взрослого населения. Общеизвестны методы, с помощью которых эти задачи решались: широкая разъяснительная работа среди женщин, особенно в сельской местности; организация изб-читален, курсов по обучению грамотности (ликвидационные пункты), школ для малограмотных и др. В результате введения в стране всеобщего начального образования (1930 г.) и семилетнего обучения (1931 г.) неграмотность в городах была в основном ликвидирована. В сельской местности этот процесс шел более медленными темпами.

Одновременно с ликвидацией неграмотности государство было озабочено необходимостью подготовки квалифицированных кадров для экономики и социальной сферы. В 1930-х гг. советское правительство решало прежде всего задачи количественного развития сети профессиональных учебных заведений. Структура профессионального обучения того периода предусматривала профессионально-технические школы (фабрично-заводские училища), дневные и вечерние техникумы и институты. В связи с потребностями региональной промышленности в 1929 г. фабрично-заводские училища были переданы на баланс промышленных предприятий. Среди молодежи была развернута широкая эффективная пропаганда профессионально-технического обучения. В наборе учащихся в профессиональные учебные заведения принимали участие промышленные предприятия, колхозы, профсоюзы, партийные и комсомольские организации.

Следует отметить, что государственная образовательная политика первых десятилетий советской власти опиралась на теоретические взгляды известного ученого-экономиста С. Г. Струмилина, в частности на его работу «Проблемы экономики труда», где содержатся выводы о высокой рентабельности обучения в вузах, бесплатного высшего образования для выходцев из рабочих и крестьян с обязательной 3-летней работой выпускников вузов по распределению, установлением им заработной платы на уровне не ниже квалифицированных рабочих. Исходя из этой концепции, органы государственного управления уделяли особое внимание развитию системы высшего образования.

К середине 1920-х гг. система высшего профессионального образования объединяла вузы Главпрофобра, коммунистические вузы, которые были открыты в Москве, Ленинграде и имели рабочие факультеты в 13 губерниях. В большинстве вузов количество студентов в 3—5 раз превышало число студентов. Например, в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова училось 1124 мужчины и 202 женщины, в Ветеринарном институте — 603 мужчины и 97 женщин, в Лесном институте — 2084 мужчины и 359 женщин [Аракелова, 1997: 206]. Такое соотношение сохранялось и на вечерних факультетах. Скажем, на ярославской фабрике «Красный Перекоп» из 8000 работниц в вузах училось только 4, на курсах по подготовке в вузы и техникумы обучалось 24 девушки. В Нижегородской губернии в вузах и техникумах не училось ни одной работницы [там же].

И хотя формальные препятствия для поступления девушек в вузы отсутствовали, сказывались традиционные культурные нормы о предназначении полов, высокая трудовая и бытовая загруженность, низкая самооценка молодых женщин, их ориентация на семью и воспитание детей. В этих условиях партийные комитеты стали применять административные меры для ускорения темпов подготовки специалистов из числа женщин. Постановлениями ЦК ВКП(б) «Женщин — во втузы, техникумы и рабфаки» (23 июля 1928 г.), «О брони для девушек во втузах, техникумах и рабфаках» (22 февраля 1929 г.) была введена 25 %-я квота для девушек на рабфаках высших технических учебных заведений, 35 %-я квота на рабфаках текстильных институтов и техникумов [Женщин — во втузы... , 1928; О брони для девушек во втузах... , 1929]. Кроме того, партийные комитеты получили директиву о предоставлении ряда льгот

работницам, дочерям работниц и батрачкам при поступлении в вузы и техникумы. Так, производственный стаж принимаемых снижался до двух лет. Они могли быть приняты даже при неудовлетворительной сдаче двух неосновных предметов. Для детей работниц и батрачек, поступивших во вузы, бронировались места в детские учреждения Наркомпроса и Наркомздрава [Увеличим кадры... , 1929: 6]. В середине 1930-х гг. в соответствии с решением ЦК ВКП(б) была установлена разрядка на прием девушек в сельскохозяйственные учебные заведения из расчета 35 % учебных мест [Хасбулатова, 2005: 160]. Данные меры, а также разъяснительная работа среди девушек и их родителей дали положительные результаты. К 1940 г. девушки составляли 58 % от числа студентов высших учебных заведений [там же: 220]. В целом к концу первой пятилетки на промышленных предприятиях СССР доля женщин со средним специальным и высшим образованием превышала 20 % [Опыт КПСС... , 1981: 43].

Вместе с тем анализ показывает, что уже на начальном этапе развития советской системы профессионального образования начала формироваться тенденция горизонтальной гендерной сегрегации в сфере вузовского образования, когда в институтах, готовивших кадры для тяжелой промышленности и машиностроения, юноши составляли подавляющее большинство, а в гуманитарных вузах большинство студентов составляли девушки. Так, в Горной академии училось 1284 юноши и 57 девушек, в Институте инженеров путей сообщения — 1627 и 44, в Электротехническом институте им. М. В. Ломоносова — 1853 и 59. В Академии социального воспитания, в педагогических вузах большинство составляли девушки [Аракелова, 1997: 126—127]. Правовые основы для такой гендерной асимметрии отсутствовали. Однако различия в социализации юношей и девушек оказывали заметное влияние на выбор профессии.

В 1930-х гг. значимой технологией подготовки квалифицированных кадров для развивающейся промышленности стало вовлечение жен инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих в общественную деятельность с последующим обучением востребованным рабочим профессиям. В этот период женщины составляли всего 35,5 % профессионально занятого населения. По инициативе наркомов С. Орджоникидзе и Л. Кагановича, партийных комитетов на предприятиях тяжелой промышленности, железнодорожного транспорта, в строительных организациях развернулось движение жен-общественниц. Для пропагандистской работы среди этой категории женщин в 1936 г. был учрежден журнал «Общественница». К 1941 г. сеть советов жен была достаточно обширной и насчитывала 5955 женских организаций, объединивших 274 000 женщин только на железнодорожном транспорте. В нефтяной промышленности в это движение включилось 10 000 домохозяек, в пищевой промышленности — более 20 000 и т. д. [Хасбулатова, 2004: 43]. Первоначально руководители Коммунистической партии, наркомы всех ведущих отраслей промышленности обратились к женам с призывом включиться в борьбу за культуру быта, помогать мужьям выполнять и перевыполнять производственные планы, создавать им «такую обстановку, чтобы жизнь их была бодрой, радостной, веселой» [Кривонос, 1937: 10]. Но уже в 1938 г. по призыву руководителей Коммунистической партии домашние хозяйки включились в движение

за овладение профессиями своих мужей. Следует отметить, что этот призыв не относился к женам научных работников и руководителей. Речь шла о рабочих профессиях. Так, во всех трестах Азнефтедобычи были созданы курсы для жен нефтяников, в которых училось 1400 домашних хозяек [Хасбулатова, 2005: 183]. Профессиональные курсы для женщин были организованы на железнодорожном транспорте, в машиностроительной и оборонной промышленности, в гражданской авиации, в угольной промышленности и других отраслях. Тем самым решалась задача пополнения промышленности рабочими кадрами. Именно в этот период женщины получили доступ к профессиям, которые традиционно считались мужскими. Таким образом, технология привлечения общественной инициативы была вписана в социальный инструментарий вовлечения женщин в сферу профессионального образования.

Анализ показывает, что в предвоенный период (с 1 сентября 1940 г.) в целях увеличения количества рабочих правительство ввело платное обучение в 8—10-х классах средних школ, техникумах и вузах. Нововведение лишило многих граждан, особенно жителей села, возможности продолжить образование после 8-го класса. В это же время появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР», который объявил мобилизацию молодежи для учебы в школах фабрично-заводского обучения с последующей отработкой на предприятии в течение 4 лет. Это решение было отменено только в 1956 г. Данная технология профессионального образования применялась в целях подготовки квалифицированных рабочих кадров, однако она носила принудительный характер и препятствовала юношам и девушкам получать среднее специальное и высшее образование. За это время количество выпускников 8—10-х классов средних школ, техникумов и вузов в СССР сократилось практически вдвое [Платное образование в СССР, 1956].

Результатом целенаправленной деятельности государства по формированию системы профессионального образования и обеспечению гендерного равноправия при подготовке квалифицированных рабочих кадров и специалистов стало выравнивание соотношения мужчин и женщин среди рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Если в 1929 г. это соотношение составляло 27 и 73 % в пользу мужчин, то в 1940 г. — уже 38 против 62 % [Женщины в СССР, 1966: 89]. В 1941 г. число работниц и женщин-служащих составило 12 млн, что в 3,5 раза больше, чем в 1929 г. В домашнем услужении и на поденной работе трудилось лишь 2,4 % женщин, остальные были заняты в промышленности, в государственном аппарате, учились [Литвинова, Попова, 1975: 13].

Государственная политика по профессиональному образованию мужчин и женщин в 1941—1990 гг.

Второй этап новейшей истории охватывает полвека и включает такой драматический период, как Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Условия военного времени, когда значительная часть экономически активного населения, в основном мужчин, была призвана в ряды Красной армии, внесли коррективы в государственную образовательную политику. В Постановлении ЦК КПСС 1942 г. «О Международном коммунистическом женском дне 8 Марта»

отмечалось, что «ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должно быть вне общественного труда» [О Международном коммунистическом женском дне... , 1968]. В решение этой масштабной задачи были вовлечены все типы профессиональных учебных заведений, предприятия и сами женщины, которые активно овладевали всеми рабочими профессиями. В результате за 1941—1945 гг. среди рабочих и служащих число женщин увеличилось более чем на 15 млн и составило 56 % от общего числа работающих [Великая Отечественная война... , 1985: 270].

Участие мужчин в военных действиях изменило гендерный состав студентов высших учебных заведений. Удельный вес женщин среди студентов вузов резко увеличился. Если в 1940/41 учебном году они составляли 58 %, то в 1945/46 году — более 81 % [Советский тыл... , 1986: 123]. Среди специалистов с высшим образованием насчитывалось 42,3 % женщин, однако среди преподавателей вузов их было чуть более 30 % [Хасбулатова, 2005: 220—221]. Данное соотношение не случайно. Анализ показывает, что при всей заинтересованности в профессиональном образовании женщин государство не применяло специальных технологий по продвижению женщин в сферу науки. До окончания войны прием в аспирантуру был практически свернут. Профессорский состав насчитывал 197 женщин и 6422 мужчины, среди доцентов женщины составляли 11,2 % [Советский тыл... , 1986: 123; Сиверцева, 1995: 43]. Таким образом, можно сделать вывод, что в области гендерной образовательной политики 1940—1945 гг. при сохранении юридической основы равноправия полов сохранялась гендерная асимметрия в системе подготовки научных и инженерных кадров.

В 1950—1960-х гг. темпы вовлечения молодежи в сферу образования были достаточно высокими. На всех ступенях общего образования была достигнута гендерная симметрия. В соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью (1958) перед общеобразовательной школой впервые была поставлена задача введения обязательной профессиональной подготовки учащихся старших классов к производительному труду в промышленности и сельском хозяйстве. Для учащихся 8—10-х классов была введена профессиональная подготовка по машиностроительным, текстильным, сельскохозяйственным профессиям. Организация системы политехнического обучения предусматривала воспроизводство в новых поколениях социополового разделения труда, т. е. выбор профессиональных навыков, получаемых учащимися в старших классах, определялся не желанием ученика, а половой принадлежностью. Например, в Ивановской области старшеклассницы городских школ овладевали профессией ткачихи, юноши — профессией станочника, в сельских школах осваивались профессии доярки и тракториста. Таким образом, со школьной скамьи в сознание молодежи внедрялся стереотип о «мужских» и «женских» профессиях.

В сфере высшего и среднего профессионального образования в этот период было подготовлено в 1,5 раза больше специалистов, чем в предыдущие 5 лет [Народное образование в СССР, 1967: 277]. Среди студентов вузов и учащихся техникумов девушки составляли 47 % [Женщины в СССР, 1966: 74]. Гендерная асимметрия в выборе профессий оставалась неизменной. Число женщин, занимающихся научной работой, увеличилось с 59,0 тыс. в 1950 г. до 111,1 тыс. в 1959 г. [там же: 56].

Последний исторический период в жизнедеятельности Советского государства, 1970—1990 гг., был провозглашен официальной идеологией периодом развитого социализма, а с 1985 г. — периодом перестройки. Руководство страны и правящая Коммунистическая партия считали, что проблемы, связанные с развитием образования, научно-технического потенциала, повышением уровня благосостояния и культуры народа «в целом успешно решены» [Материалы XXVI съезда КПСС, 1981: 3]. Поэтому в данный период политика в сфере профессионального образования мужчин и женщин реформам не подвергалась. В 1975 г. в СССР насчитывалось 856 вузов, а в 1990 г. — 898, в том числе в РСФСР — соответственно 483 и 507 вузов [Социальное развитие СССР, 1990: 235, 236]. Главными преимуществами высшего образования были его бесплатность и доступность для выпускников школ независимо от половой принадлежности. Женщины составляли 54 % студентов высших учебных заведений, 57 % — учащихся техникумов [Женщины в СССР... , 1990: 32]. Распределение специальностей по половому признаку оставалось неизменным. Две трети студентов инженерно-технического профиля, обучавшихся в советских вузах в 1970—1980-х гг., составляли мужчины, одну треть — женщины [Арефьев А., Арефьев М., 2012: 10].

К 1990 г. среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины составляли уже свыше 61 % [Женщины в СССР... , 1990: 3]. По сравнению с 1980 г. их численность возросла более чем в два раза [там же: 26]. Темпы роста уровня образования у женщин были выше, чем у мужчин.

Профессиональное образование в Российской Федерации в 1991—2015 гг.

На этапе постсоветского периода, в 1991—2015 гг., подготовка кадров специалистов осуществлялась в рамках нового государства — Российской Федерации. Право получения профессионального образования независимо от пола было закреплено в Конституции РФ.

Следует отметить, что в современной России параллельно с государственными стали функционировать негосударственные коммерческие учебные заведения всех типов. В результате источники инвестиций в человеческий капитал расширились: к государственным источникам финансирования добавились средства населения. Анализ статистических данных показывает, что объем оказания негосударственных образовательных услуг в обозначенный период возрастал. Так, число государственных высших учебных заведений увеличилось в 1993—2011 гг. с 548 до 634, или на 13,5 %, а негосударственных — с 78 до 446, или на 82,5 % [Россия в цифрах... , 2012: 152]. В 2014/15 учебном году число негосударственных вузов сократилось до 402 [Образовательные организации... , 2015]. Вместе с тем платные образовательные услуги оказываются также в большинстве государственных вузов, в результате число студентов вузов, обучающихся на основе полного возмещения затрат на обучение, достигает 54 % от общего числа студентов [Социальный атлас...]. Данные статистики свидетельствуют о том, что общее число студентов современных

российских вузов в 1,8 раза превышает число студентов в СССР, хотя численность населения в Российской Федерации в 2 раза меньше.

Анализ обеспечения прав мужчин и женщин на профессиональное образование в современных условиях показывает, что в этом направлении в России сохраняется гендерное равноправие. Так, среди студентов высших учебных заведений 54 % составляют девушки, 46 % — юноши [Женщины и мужчины России, 2014]. Достаточно сбалансирован гендерный состав женщин и мужчин, обучающихся в аспирантуре и докторантуре.

Однако среди студентов негосударственных вузов девушек существенно больше, чем юношей (62 против 56 %) [Баскакова, 2011]. Частично это можно объяснить отсутствием в негосударственных вузах военных кафедр. Учитывая, что Министерством образования и науки РФ взят курс на создание крупных региональных опорных государственных высших учебных заведений, можно предположить, что небольшие вузы, которые не войдут в число опорных, будут увеличивать количество мест для обучения на платной основе. Каким образом это отразится на гендерном составе студентов, пока трудно спрогнозировать. Мировая практика показывает, что при высокой стоимости обучения профессиональное образование девушек может рассматриваться семьями как менее выгодное вложение.

Что касается ступеней начального и среднего профессионального образования, то половой состав обучающихся имеет здесь определенные различия. Так, в системе начального профессионального образования на протяжении постсоветского периода число обучающихся юношей почти в два раза выше, чем девушек, а именно: 62 % юношей против 38 % девушек в 2002 г. и соответственно 64 и 36 % в 2012 г. [Женщины и мужчины России... , 2002: 69; Женщины и мужчины России... , 2012: 96]. В образовательных учреждениях среднего профессионального образования среди студентов 48 % девушек и 52 % юношей [Женщины и мужчины России, 2014], т. е. достигнута гендерная симметрия. В настоящее время в рамках реформы образования обе ступени объединены в рамках профессиональных колледжей, однако это не влечет каких-либо изменений в гендерном составе обучающихся.

Вместе с тем, как и в предыдущие исторические периоды, в системе профессионального образования на всех уровнях сохраняется горизонтальная гендерная сегрегация: девушки сосредоточены на гуманитарных и социальных специальностях, а юноши — на технических. К примеру, в 1995 г. девушки составляли 46 % среди студентов специальностей промышленности и строительства, 32 % — транспорта и связи, 80 % — экономики и права, 87 % — здравоохранения, 91 % — просвещения [Женщины России, 1995: 84]. В 2006 г. ситуация мало изменилась. Юноши выбирали такие специальности, как энергетика (84 % от числа студентов по этой специальности), металлургия, машиностроение (78 %), авиационная и ракетно-техническая техника (82 %), электронная техника (78 %), транспорт (84 %). Кроме того, появились новые группы специальностей, где стали преобладать юноши, среди них информационная безопасность, где обучалось 82 % юношей и 18 % девушек, информатика и вычислительная техника — 74 и 26 % соответственно. У девушек набор специальностей остался в рамках гуманитарного направления: образование, здравоохранение,

экономика и управление, социальные науки (соответственно 76, 72, 71 и 80 % от числа студентов этого профиля) [Женщины и мужчины России... , 2006: 86—87]. В 2014 г. соотношение практически не изменилось [Женщины и мужчины России, 2014].

Оценивая тенденцию социополового подхода при выборе юношами и девушками специальностей, я разделяю точку зрения российских и зарубежных ученых, которые считают причиной горизонтальной гендерной сегрегации в России культурные нормы, отличия в социализации между мужчинами и женщинами [Gerber, Schaefer, 2004: 45], а также уровень оплаты труда в тех или иных профессиях [Киммел, 2006: 286—287]. Это означает, что в профессиях, где преобладают мужчины, установлен более высокий средний уровень оплаты труда и, наоборот, в профессиях, где преобладают женщины, уровень оплаты труда ниже. В качестве примера можно привести данные об уровне оплаты труда в отраслях промышленного производства и социальной сферы. Так, на современном этапе, по данным статистики, средняя начисленная заработная плата в строительстве, на транспорте и других отраслях, где преимущественно заняты мужчины, практически в два раза выше, чем в отраслях с высоким уровнем женского труда (здравоохранение, образование, культура) [Женщины и мужчины России... , 2012: 160].

Следует отметить, что ситуация с различным уровнем оплаты труда в отраслях производственной и социальной сфер сложилась уже к 1940-м гг. и устойчиво сохранялась в течение всего советского периода. Данную тенденцию можно проследить на примере размера заработной платы, устанавливаемого государством в производственном секторе и в здравоохранении в 1940—1986 гг. Если в 1940 г. размер среднемесячной заработной платы в здравоохранении составлял 73 % от размера заработной платы в промышленно-производственном секторе, то в 1960 г. — 64 %, в 1986 г. — 62 % [Народное хозяйство СССР... , 1987]. Выше отмечалось, что эта тенденция сохранилась и в постсоветский период, что способствует сохранению горизонтальной гендерной сегрегации в профессиональной сфере. В последние годы в соответствии с Указом Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. государство начало предпринимать целенаправленные меры по повышению уровня заработной платы работникам всех бюджетных отраслей до уровня средней заработной платы в соответствующем регионе. Можно спрогнозировать, что по мере выполнения Указа процент мужчин среди работников традиционно «женских» отраслей будет увеличиваться.

В целом в современной России сложился достаточно высокий уровень профессионального образования населения. 79,6 % женщин и 72,5 % мужчин, занятых в экономике, имеют соответствующее профессиональное образование [Женщины и мужчины России... , 2012: 123]. По данным исследователей, в 2000 г. в общей численности занятых мужчин 20,0 % имели высшее образование, в 2010 г. — 25,6 %. У женщин динамика роста была выше: в 2000 г. 23,6 % профессионально занятых женщин имели высшее образование, в 2010 г. — уже 32,2 %. Таким образом, за 10 лет численность мужчин с высшим образованием выросла на 31,5 %, а женщин — на 48,9 % [Хоткина, 2014].

Более высокий уровень высшего профессионального образования женщин по сравнению с мужчинами объясняется изменением ситуации на российском рынке труда в постсоветский период, когда снижение промышленного сектора экономики и параллельный рост потребности в секторе услуг переориентировали молодежь на профессии, которые традиционно считались женскими, среди них экономика, право, социальные науки и ряд других. В настоящее время руководство страны обращает внимание Министерства образования РФ на необходимость увеличить количество бюджетных мест на инженерные специальности с тем, чтобы обеспечить соответствие выпускников и специальностей рынку труда. Это повлечет рост числа мужчин среди специалистов с высшим образованием.

Профессиональное образование в СССР и Российской Федерации: гендерный аспект (Вместо заключения)

Социолого-исторический анализ российской государственной политики по профессиональному образованию мужчин и женщин в 1918—2015 гг. позволяет сделать вывод, что в этой сфере инвестиций в человеческий капитал на протяжении последних 60 лет гендерная асимметрия проявляется в наименьшей степени.

Однако следует отметить, что в советский период меры государства по вовлечению юношей и девушек в сферу профессионального образования носили противоречивый характер. С одной стороны, в советской России формировалась система юридического и фактического равноправия полов в сфере профессионального образования вплоть до введения квот для женщин при поступлении в вузы в 1920—1930-х гг. Женщины наравне с мужчинами получили доступ ко всем типам профессиональных учебных заведений.

С другой стороны, в этот же период начала формироваться гендерная сегрегация в системе среднего специального и высшего образования, в системе общего образования был внедрен социополовой подход к профессиональной ориентации школьников, использовались принудительные технологии профессионального образования и трудоустройства выпускников профессиональных учебных заведений. Искусственное занижение в условиях плановой экономики размера заработной платы в отраслях с преобладанием женского труда отрицательно сказалось на эффективности профессионального образования женщин, ограничило сферу их профессиональной самореализации.

Анализ показывает, что в современной России государством обеспечивается равноправие полов в таком важном активе человеческого капитала, как профессиональное образование. В 1991—2015 гг., благодаря единому государственному экзамену и системе платного обучения, юноши и девушки получили более широкий доступ к профессиональному образованию. Состав студентов вузов и колледжей по полу свидетельствует о сложившемся за этот период гендерном балансе. Вместе с тем современная политика государства по профессиональному образованию мужчин и женщин обладает рядом характеристик советского периода. Это сохранение более низкого уровня заработной платы в традиционно «женских» отраслях и, как следствие, устойчивая гендерная

сегрегация в выборе профессий. В результате при обучении с полным возмещением затрат для женщин равной с мужчинами остается лишь плата за образование, а возможности реализовать свои профессиональные знания и получить равное с мужчиной материальное вознаграждение различаются. Я разделяю точку зрения ученых, полагающих, что российским женщинам сложнее, чем мужчинам, восполнить свои затраты на образование [Баскакова, 2011]. В этой связи представляется актуальным продолжить реализацию государственных мер по уменьшению дифференциации заработной платы между отраслями производственного и социального секторов.

Среди актуальных проблем повышения эффективности профессионального образования мужчин и женщин целесообразно выделить различия в величине их трудового стажа в связи с установленными границами трудоспособного возраста и выполнением женщинами репродуктивной функции; несоответствие между высоким уровнем профессионального образования женщин и их низкой востребованностью в сферах государственного, муниципального управления и управления профессиональными организациями; наличие гендерной сегрегации не только в выборе профессий, но и на рынке труда; дифференциацию для мужчин и женщин суммарной материальной выгоды от инвестиций в образование. Обозначенные проблемы не умаляют важной роли государства в формировании профессионального потенциала мужчин и женщин, они лишь подчеркивают значимость научного осмысления гендерных аспектов формирования человеческого капитала в современной России.

Библиографический список

- Аракелова М. П.* Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 20-е годы: опыт организации и уроки: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 267 с.
- Арефьев А. Л., Арефьев М. А.* Об инженерно-техническом образовании в России // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 1—23.
- Баскакова М. Е.* Мужчины и женщины в системе образования. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06...Baskakova.pdf> (дата обращения: 26.10.2015).
- Брилинг А.* Возраст и грамотность рабочих по предварительным данным Всероссийской профессиональной переписи 1918 г. // Вестник статистики Центрального статистического управления. 1919. Август — сентябрь. С. 54—72.
- Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
- Женщин — во вузы, техникумы и рабфаки: Постановление ЦК ВКП(б) от 23 июля 1928 г. // Работница. 1928. № 37.
- Женщина в СССР: краткий статистический справочник. М.: Госкомстат СССР, 1960. 102 с.
- Женщины в СССР // Вестник статистики. 1966. № 1.
- Женщины в СССР, 1990: статистические материалы / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 63 с.

-
- Женщины и мужчины России, 2002: статистический сборник / Госкомстат России. М., 2002. 205 с.
- Женщины и мужчины России, 2006: статистический сборник / Росстат. М., 2006. 255 с.
- Женщины и мужчины России, 2012: статистический сборник / Росстат. М., 2012. 299 с.
- Женщины и мужчины России. 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/lssWWW.exe/Stg/03-01/doc (дата обращения: 19.07.2015).
- Женщины России: статистический сборник / Госкомстат России. М., 1995. 98 с.
- Киммел М. Гендерное общество: пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 464 с.
- Кривонос А. Вместе с мужем // Общественница. 1937. № 7—8. С. 10—11.
- Литвинова Г. И., Попова Н. В. Исторический опыт решения женского вопроса в СССР // Вопросы истории. 1975. № 11. С. 3—18.
- Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. 223 с.
- Народное образование в СССР. М.: Просвещение, 1967. 541 с.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет. 1987. URL: <http://istmat.info/node/9304> (дата обращения: 08.11.2015).
- О брони для девушек во вузах, техникумах и рабфаках: Постановление ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1929 г. // Работница. 1929. № 37.
- О Международном коммунистическом женском дне 8 Марта: Постановление ЦК КПСС // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917—1967: в 6 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 87.
- Образовательные организации высшего образования. 2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (дата обращения: 01.11.2015).
- Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. 269 с.
- Платное образование в СССР. 1956. URL: <http://profiok.com/about/news/detail/php> (дата обращения: 25.10.2015).
- Россия в цифрах, 2012: краткий статистический сборник / Росстат. М., 2012. 573 с.
- Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 35—44.
- Советский тыл в годы Великой Отечественной войны / под ред. Ю. С. Кукушкина. М.: Высшая школа, 1986. 190 с.
- Социальное развитие СССР: статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 398 с.
- Социальный атлас российских регионов. URL: http://atlas.socpol.ru/averviews/social_sphere/index.shtml (дата обращения: 28.09.2015).
- Увеличим кадры красных специалистов // Работница. 1929. № 33. С. 5—6.
- Хасбулатова О. А. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство // Женщина в российском обществе. 2004. № 1—2. С. 43—56.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хоткина З. Страна умниц: гендерные аспекты карьеры. URL: <http://polit.ru/article/2014/08/23/career/> (дата обращения: 25.10.2015).
- Gerber T. P., Schaefer D. R. Horizontal stratification of higher education in Russia: trends, gender differences, and labor market outcomes // Sociology of Education. 2004. Vol. 77. P. 32—59.

References

- Arakelova, M. P. (1997) *Gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin Rossiiskoi Federatsii v 20-e gody: Opyt organizatsii i uroki*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Russian state policy to women in 1920s: Administration and lessons: Dis. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Aref'ev, A. L., Aref'ev, M. A. (2012) Ob inzhenerno-tekhnicheskome obrazovanii v Rossii [About the engineering education in Russia], *Vysshiee obrazovanie v Rossii*, no. 3, pp. 1—23.
- Baskakova, M. E. (2011) Muzhchiny i zhenshchiny v sisteme obrazovaniia [Men and women in the education system], available from <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06...Baskakova.pdf> (accessed 26.10.2015).
- Briling, A. (1919) Vozrast i gramotnost' rabochikh po predvaritel'nym dannym Vserossiiskoi professional'noi perepisi 1918 g. [The age and literacy of workpeople on the base of preliminary data of All-Russian census 1918], *Vestnik statistiki Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniia*, August — September, pp. 54—72.
- Obrazovatel'nye organizatsii vysshego obrazovaniia* (2015) [Educational institutions of higher education], available from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (accessed 01.11.2015).
- Gerber, T. P., Schaefer, D. R. (2004) Horizontal stratification of higher education in Russia: trends, gender differences, and labor market outcomes, *Sociology of Education*, vol. 77, pp. 32—59.
- Khasbulatova, O. A. (2004) Dvizhenie zhenshchin-obshchestvennits v 1930-e gody kak tekhnologii gosudarstvennoi politiki po vovlecheniiu domashnikh khoziaek v obshchestvennoe proizvodstvo [The movement of active women during 1930s as a method of the state policy for the involving of the housewives into national economy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 43—56.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy during XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovo State University.
- Khotkina, Z. (2014) Strana umnits: gendernye aspekty kar'ery [The country of the clever woman: gender issues of the career], available from <http://polit.ru/article/2014/08/23/career/> (accessed 25.10.2015).
- Kimmel, M. (2006) *Gendernoe obshchestvo* [Gender society], Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia.
- Kozlov, M. M. (ed.) (1985) *Velikaia Otechestvennaia voina: Entsiklopediia* [Great Patriotic War: Encyclopedia], Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Krivosos, A. (1937) Vmeste s muzhem [With her husband], *Obshchestvennitsa*, no. 7—8, pp. 10—11.
- Kukushkina, Iu. S. (ed.) (1986) *Sovetskii tyl v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Soviet rear during Great Patriotic War], Moscow: Vysshiaia shkola.
- Litvinova, G. I., Popova, N. V. (1975) Istoricheski opyt resheniia zhenskogo voprosa v SSSR [The historical experience in the woman's question in the USSR], *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 3—12.
- Narodnoe obrazovanie v SSSR* (1967) [Public education in the USSR], Moscow: Prosveshchenie.
- Narodnoe khoziaistvo SSSR za 70 let* (1987) [National economy of the USSR during 70 years], available from <http://istmat.info/node/9304> (accessed 08.11.2015).

-
-
- Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa* (1981) [The experience of CPSU in the woman's question], Moscow: Mysl'.
- Platnoe obrazovanie v SSSR* (1956) [Paid education in USSR], available from <http://profiok.com/about/news/detail/php> (accessed 25.10.2015).
- Rossia v tsifrakh, 2012: Kratkii statisticheskiĭ sbornik* (2012) [Russia by numbers, 2012: Short statistical book], Moscow: Rosstat.
- Sivertseva, N. L. (1995) *Velikaiia Otechestvennaia voĭna i vysshaia shkola* [Great Patriotic War and high education], *Sociologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 35—44.
- Sotsial'nyi atlas rossiiskikh regionov* [Social atlas of Russian regions], available from http://atlas.socpol.ru/averviews/social_sphere/index.shtml (accessed 28.09.2015).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2002: Statisticheskiĭ sbornik* (2002) [Russian women and men: The statistical compilation], Moscow: Goskomstat Rossii.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2006: Statisticheskiĭ sbornik* (2006) [Russian women and men: The statistical compilation], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2012: Statisticheskiĭ sbornik* (2012) [Russian women and men: The statistical compilation], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* (2014) [Russian women and men], available from http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/lssWWW.exe/Stg/03-01/doc (accessed 19.07.2015).
- Zhenshchiny Rossii: Statisticheskiĭ sbornik* (1995) [Russian women: The statistical compilation], Moscow: Goskomstat Rossii.
- Zhenshchiny v SSSR* (1966) [Women in the USSR], *Vestnik statistiki*, no. 1.
- Zhenshchiny v SSSR: Kratkii statisticheskiĭ spravochnik* (1960) [Women in the USSR: Short statistical directory], Moscow: Goskomstat Rossii.
- Zhenshchiny v SSSR, 1990: Statisticheskie materialy* (1990) [Women in the USSR. 1990: Statistical materials], Moscow, Finansy i statistika.

ББК 66.3(2Рос),4

Н. А. Шведова

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: УМНАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА

Осознание логической цепочки «человеческий капитал — права человека — гендерное равенство — устойчивое развитие — прогресс — качество жизни» диктует важность недопущения проявления гендерного неравенства в процессе развития. Гендерное равенство — это и цель развития, и разумный подход к экономической политике, поскольку развитие рассматривается как процесс расширения свобод в равной степени для каждого человека — женщин и мужчин.

Автор считает, что актуальность постановки вопроса обусловлена прежде всего тем, что гендерное равенство важно само по себе, а также пониманием того, что раскрепощение женского человеческого потенциала оказывает сильное воздействие на производительность труда. Производительность ведет к повышению экономической эффективности, что является условием достижения и других ведущих целей в области развития.

Ключевые слова: гендерное равенство, человеческий капитал, права человека, устойчивое развитие, качество жизни, гендерное неравенство, умная гендерная политика.

N. A. Shvedova. Human capital development and gender equality: smart gender politics

Awareness of the logical chain “human capital — human rights — gender equality — sustainable development — the progress and quality of life” dictates the importance of avoiding gender inequalities in the process of development. Gender equality is both the development objective and reasonable approach to economic politics, because development is seen as a process of expanding freedoms equally for every individual — for all women and men. The topicality of the question is primarily due to the fact that gender equality is important in itself, and also due to understanding that the emancipation of women's human development has a strong impact on work performance. That in its turn leads to increased economic efficiency, which is a condition for achieving other key development goals.

Key words: gender equality, human capital, human rights, sustainable development, quality of life, gender inequality, smart gender politics.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 17—30

© Шведова Н. А., 2015

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc., Head of the Centre of Socio-Political Studies, the Institute for the USA and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Два важнейших обстоятельства обуславливают актуальность постановки вопроса, почему важно не допускать проявления гендерного неравенства в процессе развития. Во-первых, гендерное равенство важно само по себе. Во-вторых, высокая степень гендерного равенства означает раскрепощение женского человеческого потенциала, что оказывает сильное воздействие на производительность труда, а это, в свою очередь, способствует повышению экономической эффективности и достижению других ключевых целей в области развития. Гендерное неравенство отражается и на мужском человеческом потенциале, который сковывается в результате гендерных стереотипов и предрассудков. Гендерное равенство неизбежно оказывает цивилизованное позитивное воздействие и на мужчин. Становится очевидной связь между развитием и гендерным равенством. Гендерное равенство — это цель развития, устремленного к повышению качества жизни людей, и инструмент процесса развития, поскольку обеспечивает разумный подход к экономической политике. Почему? Потому что развитие рассматривается как *процесс расширения свобод в равной для каждого человека степени — для женщин и мужчин, что объективно выгодно для любого общества*. А. Эйнштейн подметил: «Вся ценность человеческого общества определяется тем, какие возможности оно предоставляет для развития личности» (цит. по: [Организация Объединенных Наций. А/69/700... , 2014: 8]). А разве общество не состоит из женских и мужских личностей?

Складывается цепочка: производительность — повышение экономической эффективности — достижение других ключевых целей в области развития. Это не что иное, как логический круг цивилизационного бытия: *человеческий капитал — права человека — гендерное равенство — устойчивое развитие — прогресс — качество жизни — человеческий капитал*. Данная конструкция вполне заслуживает обозначения как *гуманитарная формула цивилизационного развития*. Необходимо осознание того, что проявление гендерного неравенства в процессе развития недопустимо. Вот почему нужна умная гендерная политика.

В *Обобщающем докладе Генерального секретаря ООН по повестке дня в области устойчивого развития на период после 2015 г.*, подготовленном для Глобального Саммита (сентябрь 2015 г.), справедливо приведена характеристика главных факторов, препятствующих развитию. А. Сен, лауреат Нобелевской премии по экономике, заявил: «Развитие требует устранения главных источников несвободы: нищеты и тирании, скудости экономических возможностей и постоянных социальных лишений, убожества структур, обслуживающих население, а также нетерпимости либо чрезмерной активности репрессивных учреждений» [ibid. : 36].

Конечно, положение женщин в мире за последнюю четверть века претерпело существенные перемены к лучшему в таких сферах, как образование, здравоохранение, занятость на рынке труда, источники дохода. Сегодня 136 стран прямо гарантируют в своих конституциях равенство всех граждан и недопущение дискриминации мужчин и женщин. Сто лет назад (1911 г.) лишь в двух странах женщинам позволялось голосовать [Шведова, 2014], а сегодня, в 2015 г., право голоса стало универсальным. «...В 60 парламентах мира имеются комитеты по гендерному равенству. Это означает, что женщины различных

партий парламента стараются работать совместно, чтобы преодолеть различия политических партий» [Lizin, 2006], — заявила в свое время президент Сената Бельгии А.-М. Лизин.

На 59-й ежегодной сессии Комиссии ООН по положению женщин (март 2015 г.) была принята Политическая декларация, в которой участники подтвердили положения Пекинской декларации и Пекинской платформы действий, роль гражданского общества и установили целевую дату для завершения гендерного неравенства. Это была подготовка к Глобальному Саммиту глав государств и правительств (сентябрь 2015 г.). Важно отметить, что Политическая декларация содержит обязательство принять дальнейшие меры для обеспечения полного, эффективного и ускоренного осуществления Пекинской платформы действий. Эти меры намечены для реализации по следующим направлениям:

- совершенствование применения законов, политики, стратегий;
- укрепление и расширение поддержки институциональных механизмов обеспечения гендерного равенства;
- трансформация дискриминационных норм и гендерных стереотипов;
- значительное увеличение инвестиции для обеспечения гендерного равенства;
- усиление подотчетности для выполнения существующих обязательств;
- расширение потенциала, сбор данных, мониторинг и оценка.

Глава структуры «ООН-Женщины» говорит о том, что женщины хотят, чтобы их лидеры возобновили свои обещания, чтобы лидеры вновь выразили приверженность Пекинской декларации, Пекинской платформе действий, а также ускорили и смелее проводили их реализацию. Они хотят видеть больше женщин среди лидеров. И они хотят, чтобы эти женщины наравне с мужчинами отважились изменить экономические и политические парадигмы. Гендерное равенство должно быть достигнуто до 2030 г., чтобы мы могли усилить вялое течение прогресса [Message of the Executive Director... , 2015].

Зачем женщины у власти

Если исходить из посыла о том, что политика — это отношения по поводу власти, а власть — это доступ к ресурсам, контроль за ними и распоряжение ими, то совершенно очевидно, что без доступа к власти половина человечества лишена справедливой доли своего влияния. Власть женщин — не является самоцелью. Она объективно необходимый инструмент для достижения гендерного равенства и справедливости — ключевых предпосылок прогресса и устойчивого развития человечества. «Когда мы раскроем потенциал женщин, мы сможем обеспечить будущее для всех», — говорится в послании Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна по случаю Международного женского дня 2015 г. [UN Secretary-General's Message... , 2015]. Трудно усомниться в справедливости этих слов. Осталось дело за практикой.

20 лет назад была принята Пекинская декларация и Пекинская платформа действий, дальновидный план реализации прав и возможностей женщин. Напомним: в Пекинской конференции приняли участие 189 стран и 4000 организаций гражданского общества. Действительно грандиозное событие. Женщины отбыли из Пекина с большими надеждами и с твердыми обещаниями из уст

самого высокого уровня добиваться достижения гендерного равенства, справедливости. Без сомнения, за два десятилетия, миг для истории и, по меньшей мере, четверть индивидуальной жизни, был достигнут определенный прогресс. Однако он был медленным и неравномерным. В результате «сегодня нет ни одной страны, достигшей равенства» [ibid.]. Возникает вопрос: продвижение женщин — прогресс или вялотекущий процесс? И почему важно преодолеть реальное отчуждение «женского фактора» в политической жизни страны?

Мировой опыт свидетельствует о том, что в отсутствие у женщин и мужчин равных возможностей активно участвовать в общественной и политической жизни и влиять на законы, политику и ее разработку, институты и политика рискуют оказаться социально недостаточными и систематически ориентированными на интересы узких более влиятельных сил. Дело в том, что политика и решения, разработанные и принимаемые только мужчинами, отражают лишь часть человеческого опыта и потенциала, они в определенном смысле малоэффективны. На практике такая политика и такие решения не склонны учитывать гендерные последствия и экономические и социальные факторы, которые оказывают влияние на жизнь женщин. В результате — политика социально недостаточна.

При этом партнерство в политике — это источник полной и представительной демократии, создающей реальные возможности учета многополюсных интересов в обществе. Женщины вносят свой особый вклад в общественную жизнь. Они не только лучше мужчин представляют и могут представить свои интересы, но и смогут влиять на политическую систему, занимая руководящие посты. С точки зрения здорового общества паритетное представительство женщин в выборных и назначенных позициях власти — это дело справедливости и равенства. Гендерно- и географически-сбалансированные институты, правительства (сообщества) — источник эффективности, всесторонних и устойчивых результатов.

Мало помалу и в российском обществе зреет осознание важности и необходимости участия женщин как в политическом процессе, так и на уровнях принятия решений. Показательным в этом смысле представляется опрос, проведенный еще 6 марта 2013 г. Левада-центром. Был задан вопрос: «Одобряете ли вы участие женщин в политике?» Результат, возможно, для некоторых оказался удивительным: 75 % опрошенных ответили утвердительно; 43 % — относительное большинство жителей России — ответили утвердительно на вопрос о желательности в ближайшие 10—15 лет увидеть женщину на посту президента России.

Конечно, можно привести и результаты иных опросов, которые прозвучат менее оптимистично. Однако, так или иначе, просматривается тенденция к увеличению внимания к позиции женского населения России и к усилению роли женщин и их голосов в принятии жизненно важных решений для всей страны. Гендерная слепота — отказ от признания важности гендерного фактора — это тупик для эволюции человеческой цивилизации.

Согласно классической теории поведения меньшинства, женщины, которые успешны в мире мужчин, поглощают доминирующую культуру до такой степени, что они, как правило, отмежевываются от других женщин, недооценивают

свой собственный успех (или, напротив, переоценивают его) и воспринимают любую дискриминацию, с которой они встречаются, как результат собственных недостатков. (Часто такие женщины говорят: «Нет никакой дискриминации по принципу пола, я же смогла!») При этом не хотят честно проанализировать свой собственный путь в политику.) Согласно документам ООН (1992 г.), требуется вполне определенное меньшинство, 30—35 %, чтобы влиять на культуру групп и содействовать альянсам между членами группы.

Что изменилось за двадцать лет (1995—2015 гг.) в мире и в Европе

Политическое участие женщин, в том числе в процессе принятия решений, было всегда в центре внимания мирового сообщества, ООН и, в частности, заботы Совета Европы. Равное участие женщин и мужчин во всех аспектах политической и общественной жизни — это принцип, который поддерживают все государства — участники ОБСЕ. *Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека* ведет работу по активизации участия женщин в политической и общественной жизни, выявляя дискриминационные законы и правила, а также поддерживая распространение примеров хорошей практики в области обеспечения участия женщин в демократических процессах.

По данным Межпарламентского союза на 1 августа 2015 г., 22,3 % *парламентариев* [Women in National Parliament... , 2015] составляют женщины, по сравнению с 11,3 % в 1995 г., когда состоялась 4-я Всемирная Пекинская конференция по положению женщин. За два десятилетия доля женщин-парламентариев выросла в два раза — почти на полпроцента за каждый год. После заметного роста за последние годы рост средней доли женщин в парламентах во всем мире выравнивался в 2014 г., поднявшись всего на 0,3 пункта — до 22,1 %. Женщины получили 2147 из 10 265 мест для избрания или продления мандата в 2014 г. [Women in Parliament... , 2014]. На 1 августа 2015 г. общее число женщин-депутаток однопалатных парламентов или нижних палат составило 8517 человек (22,6 %) из 38 133 депутатов. Это означает рост на 0,5 пункта [Women in National Parliament... , 2015].

На 1 августа 2015 г. было 44 страны (из 190 стран, представивших сведения), в нижней палате парламентов которых женщинам принадлежало от 30,0 % до 68,3 % депутатских мест (в двух из них количество женщин превысило 50 %-й порог, в одном — 60 %-й).

В 38 странах мира женщины составляют от 0 до 10 % членов высшего законодательного органа страны. Характерно: 17 стран среди группы из первых 44 — это государства Европы (38,6 %), 16 — страны Африки (36,3 %), 9 — государства Центральной или Южной Америки (20,4 %), по 1 стране — из Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона.

Группа стран с высоким рейтингом представительства женщин стала более разнообразной: если в 1995 г. в первой десятке привычно доминировали 8 европейских стран, то в настоящее время в нее вошли 4 из Африки южнее Сахары и по 3 из Северной и Южной Америки и Европы.

Почти в три раза сократилось число парламентов однопалатных и нижних палат, в которых от 10 % мандатов принадлежат женщинам: в 1995 г. таких стран было 109, а на 1 августа 2015 г. — 38. В 2015 г. количество парламентов,

не имеющих женщин-депутаток (однопалатные и нижняя палата), снизилось с 10 до 5 стран, т. е. сократилось вдвое.

Таким образом, если исходить из того, что к развитым странам относят преимущественно страны Европейского региона, то оказывается, что представленность женщин в парламентах в этом регионе почти такая же, как и в странах африканского континента. Между тем последние, как правило, относят к группе развивающихся стран. Если к ним прибавить и страны Центральной и Южной Америки, что составит почти 60 %, то напрашивается очевидный вывод о том, что фактор промышленно-развитых стран в тенденции к росту представленности женщин в парламенте не играет единственной и преобладающей роли. Вывод кажется парадоксальным, потому что исторически доказано: приход женщин во власть современным политическим путем (т. е. через избирательный процесс) сопряжен со степенью развитости стран (экономической и политической).

Ясно, что количественный индикатор требует к себе очень осторожного и чуткого отношения и отмеченные выше характеристики представленности женщин в странах разного уровня развития говорят о необходимости тщательного изучения иных факторов (комплексных культурологических характеристик гендерной политической культуры), влияющих на гендерное, в частности женское, представительство в парламентах.

Кроме изменений в политических обстоятельствах, решающим фактором роста числа женщин-парламентариев стало принятие избирательных гендерных квот, которые в 1995 г. «сработали» в небольшом числе государств, тогда как в 2015 г. — более чем в 120.

РФ занимает 98-е место в мире (из 190 стран — участников рейтинга) после Гвинеи-Бисау и Румынии, перед Буркина Фасо и Гватемалой с 13,6 % в Государственной думе (в арабских странах в нижней палате 19 %) и 17,1 % в Совете Федерации. Беларусь занимает 42-е место: 27,3 % (30 из 110 мест) в нижней палате и 32,8 % (19 из 58 мест) в верхней палате, позади Афганистана и перед Филиппинами. Для сравнения: в странах Тихоокеанского региона, где самые низкие показатели, в верхней палате 36 % составляют женщины-депутатки, в арабских странах — почти 9 %. США занимают 75-е место в рейтинге Межпарламентского союза (19,4 % — 84 женщины из 434 человек в палате представителей и 20 % — 20 из 100 в Сенате) после Кении и перед Таджикистаном. Канада на 49-м месте (25,3% — 77 из 304 в палате общин и 38,8 % — 33 из 85 в Сенате) после Суринама перед Мавританией [ibid.].

Представительство женщин в парламентах мира в период с 1995 по 2015 г. изменилось следующим образом: в национальных парламентах ЕС выросло с 16,3 до 28,0 %, в ЕС — с 19,6 до 37,0 %, в США — с 11,7 до 19,4 %, глобально — с 12,7 до 22,1 % [Lokar, 2015].

При сохранении нынешних темпов в 30 % (критическая масса) паритет в парламентах будет достигнут: во всех 28 парламентах ЕС — через 11—50 лет, в ЕС — через 15 лет, в конгрессе США — через 38—79 лет, в Федеральном собрании России — через 76—175 лет, глобально — через 28—79 лет [ibid.].

Женщины-министры, мэры, женщины в органах власти на местном уровне. В течение последних двух десятилетий женщины были руководителями правительств и государств в целом ряде государств — членов ОБСЕ. Так, они

были премьер-министрами в Канаде, Хорватии, Дании, Финляндии, Германии, Исландии, Польше, Словакии, Украине и Великобритании и действовали или продолжают действовать как спикеры парламентов в ряде других стран.

Однако если последние тенденции продвижения женщин сохранятся, без введения согласованных и целенаправленных мер политики паритет в выборных должностях будет достигнут в регионе ОБСЕ через 50 лет, а по всему миру — через 150 лет [Handbook... , 2014: 26]. Очевидно, что представительство женщин на выборных должностях медленно продвигается и в регионе ОБСЕ, хотя здесь показатели достаточно высокие.

Министры. Женщины по-прежнему недостаточно представлены в кабинетах министров во всех регионах мира. В период с 1 января 2014 г. по 1 января 2015 г. число женщин-министров в правительствах 191 страны выросло с 670 до 715. Это означает, что лишь 17,7 % всех государственных министров в мире — женщины. Или в среднем один из шести членов кабинета в мире — женщина. Начиная с 2005 г. процент женщин-министров увеличился только на 3,5 процентных пункта. «Мы далеки от мира, в котором должно быть обеспечено гендерное равенство и участие женщин в политической жизни», — заявил президент Межпарламентского союза С. Чоудхари. «Эти данные должны стать тревожным звонком для мобилизации политической воли, чтобы изменить мышление и принять меры, которые будут стимулировать прогресс в этом вопросе» [The Inter-Parliamentary Union... , 2015].

В настоящее время женщины занимают 30 или более процентов министерских кресел в 30 странах. Первая пятерка, согласно рейтингу Межпарламентского союза, это Финляндия (62,5 %, или 10 женщин из 16 человек), Кабо-Верде (52,9 %, или 9 из 17), Швеция (52,2 %, или 12 из 23), Франция и Лихтенштейн (50 %, или 8 из 16 и 2 из 4 соответственно). По сравнению с 2014 г. число таких стран сократилось, их было 36, что означает потерю женщинами своих портфелей. Перу, Малави, Дания, Бельгия и Парагвай — страны с самым высоким уровнем потерь — от двух до шести министерских постов.

Только восемь стран: Босния и Герцеговина, Бруней, Венгрия, Пакистан, Саудовская Аравия, Словакия, Тонга и Вануату — не имеют женщин в правительстве [ibid.].

Российская Федерация занимает 81-е место с 6,5 % министерских портфелей (или 2 из 31), позади Кувейта, обгоняя Ирак. США занимают 26-е место с 26,1 % министерских портфелей (или 6 из 23), а Канада — на 20-м месте с 30,8 % (или 8 из 26) [The Women in Politic... , 2015]. На региональном уровне в странах Америки сохраняется сравнительно высокий показатель представленности женщин-министров — в среднем 22,4 %. Европа занимает второе место, Африка — на третьем.

Что касается сфер деятельности и юрисдикции министерств, возглавляемых женщинами, то здесь наблюдается прежняя тенденция: в их руках, как правило, социальные вопросы, образование, семья и проблемы женщин. Число женщин, занимающих министерские посты таких ведомств, как оборона, финансы, бюджет и иностранные дела, которые считаются более престижными, а значит, более влиятельными (доступ к ресурсам, контроль за ними и распоряжение ими, которыми ведает то или иное ведомство, могут разительно

отличаться), выросло незначительно. По сравнению с 2014 г. число министерств по финансам и бюджету или внутренним делам, которые возглавляли женщины, претерпело сокращение [The Inter-Parliamentary Union... , 2015].

Мэры и советники, власть на местах. Наблюдается значительное разнообразие в местных структурах управления. Каждая страна имеет свою собственную систему регионального и местного самоуправления, иногда внутренне разнородные типы и формы местных советов, органов и исполнительных структур. Что касается глав городов, то 5,1 % мэров столиц в мире — женщины, а 94,9 % мэров — мужчины. 6,5% мэров городов с населением больше 1 млн человек — женщины, 93,5 % — мужчины. 20 % — состава советов городов — женщины, 80 % — мужчины [Women as... , 2010]. И на этом уровне явное преобладание мужчин.

Женщины в муниципальных советах в Европе составляют от 12 до 70,1 %. Самый высокий показатель в Беларуси — 70,1 %, в РФ — 52,3 %, Исландии — почти 40 %, Финляндии — 36,2 %, Франции — 34,7 % [ibid.]. Следует подчеркнуть, что этот уровень власти если и имеет некоторые ресурсы, то они, как правило, незначительны и возможности влияния ограничены. Поэтому здесь много женщин. Тем не менее с точки зрения приобретения общественно-политического опыта и закалки уровень местной власти имеет большое значение, поскольку является школой лидерства.

Таким образом, за прошедшие два десятилетия определяются следующие тенденции:

— улучшение представительства женщин в национальных парламентах по всему миру было устойчивым, но медленным;

— все регионы показали прогресс в улучшении гендерного баланса в национальных парламентах начиная с 1995 г.;

— Западная Европа имела самый высокий показатель женского представительства;

— гендерно- и географически-сбалансированные институты, правительства (сообщества) — источник эффективности, всесторонних и устойчивых результатов.

В целом, по оценкам исследователей, на политическом олимпе женщины все еще редкое явление во второй декаде XXI в., а прогноз на будущее не утешительный: при нынешних темпах гендерный паритет в правительстве, парламентах случится лишь в XXII в.

Как решить проблему гендерного неравенства на уровне принятия решений

Генеральный секретарь ООН заявил: «Это век женщин: мы не сможем реализовать наш потенциал полностью, если половина человечества будет находиться в невыгодном положении... Раздаются призывы покончить со всеми формами гендерного неравенства и дискриминации и насилием в отношении женщин, детей и подростков» [Организация Объединенных Наций. A/69/700... , 2014:15].

Факторы увеличения представительства женщин на уровне принятия решений:

— наличие в стране национального механизма гендерного равенства;

- дружественная для женщин избирательная система (избирательные законы, партийные законы, закон о финансировании избирательных кампаний);
- гендерные квоты;
- гендерно-чувствительные процедуры и правила в партиях, в избранных органах;
- политическая воля, фокус на «селекционером» (партийные машины, серые кардиналы по отбору политических кадров);
- давление снизу и изнутри, активное независимое женское движение, без которого трудно надеяться на политическую волю к проведению умной гендерной политики.

Во многих странах *избирательные гендерные квоты* считаются эффективной мерой по улучшению гендерного баланса в парламенте, хотя споры по их поводу не утихают. В настоящее время системы квот нацелены на достижение того, чтобы женщины составляли по меньшей мере 30, 40 или даже 50 %. Многие страны в мире применяют гендерные квоты, чтобы компенсировать препятствия, с которыми приходится сталкиваться женщинам.

Гендерные квоты — компенсация за препятствия и накопленную историческую несправедливость в органах власти. Избирательная квота для женщин может быть прописана в конституции, предусмотрена в национальном законодательстве страны или сформулирована в уставе политической партии. Одна страна может иметь несколько типов квот. Если взять первые 20 стран, в которых представительство женщин в парламенте от 40,0 до 63,8 %, то в 5 странах (25 % от общего числа) квоты не используются, а в остальных 75 % — либо законодательная, либо партийная квота присутствует. Значит, в преобладающем большинстве случаев этот инструмент срабатывает.

Правительства могут поддерживать примеры позитивной практики, демонстрируя стремление к реализации умной политики, поскольку это отвечает их приверженности Пекинской декларации, в которой сказано: «Мы убеждены, что расширение возможностей женщин и их полное участие на основе равенства во всех сферах жизни общества, включая участие в процессе принятия решений и доступ к власти, имеют основополагающее значение для достижения равенства, развития и мира» [Fourth World Conference... , 1995]. К этому надо добавить призыв исполнительного директора структуры «ООН-Женщины»: «Если сегодня лидеры сделают приоритетным гендерное равенство, если они начнут сейчас творить добро, чтобы реализовывать эти 20-летней давности обещания, мы сможем достичь гендерного равенства по крайней мере к 2030 году» [The Inter-Parliamentary Union... , 2015].

Примеры позитивной практики по продвижению женщин в политику. Регион стран ОБСЕ [EIGE's Work... , 2014]

1. Чехия. Увеличение количества женщин, избранных в Европейский парламент в 2014 г., — 23,8 % мест (2009 г. — 18,2 %). Этот результат связывают с положительной практикой Международной программы наставничества и обучения (тренинга), которая проводилась в Чешской Республике. Женщины обрели компетенцию, мотивацию и силу для участия в политике. Новаторство этого проекта заключалось в том, что парламентарии из стран «устоявшейся

демократии», с большим опытом политической парламентской работы, в данном случае из партий Норвегии и Дании, осуществляли наставничество над подопечными из Чехии. Реализовывала проект НПО «Форум 50 %». Работа шла внутри страны, также проводились тренинги для подготовки кандидатов в Европарламент. В процессе реализации проекта стали очевидны его позитивные стороны: инновационные методы наставничества, мотивация новых подходов и идей, ценный международный обмен знаниями и опытом строительства конструктивных взаимоотношений между наставниками и подопечными, практическая ориентация для работы в политическом учреждении, возможности расширения политических сетей. Компактность и конкретность данного проекта делают его легко транслируемым и применимым в других странах, создают стимул к созданию наставничества внутри страны между действующими политиками и кандидатами.

2. *Швеция.* Борьба с мужским доминированием в политике. Цель проекта — стимулировать общественные дебаты о власти. Проект осуществляла Национальная федерация женщин — социал-демократок (S-WOMEN). Проведение исследований в области теории мужской власти, тренингов, подготовка публикаций, в частности «Power Handbook». Руководство содержит советы для женщин, как добиться доступа к власти. Публикация переведена на многие языки и распространена по странам. Позитив заключается в том, что она адаптировалась для определенных групп и СМИ, что имело огромное значение при распространении по стране и проведении дискуссий, в том числе и в школах.

3. *Португалия.* Проект «От женщины — к женщине». Целевая группа — молодые женщины. Португальская сеть молодежи за гендерное равенство (при поддержке Европейского социального фонда), используя шведский опыт, осуществила проект, нацеленный на группы этнических меньшинств (девушек и юношей). Были подготовлены пособия, публикации, обеспечено хорошее освещение в СМИ под лозунгом «Женщины могут делать это!».

4. *Франция.* Делегация за права женщин. В 1999 г. делегации за права женщин и равные возможности женщин и мужчин (в Генеральной Ассамблее ООН и сенате Франции) появились, чтобы создать парламентский орган для внедрения гендерной озабоченности по всей цепочке законодательного процесса. Это сыграло ключевую роль в создании паритета.

5. *Хорватия.* Кампания НПО «CESI» — феминистская организация, борющаяся за гендерное равенство. Были использованы уличные представления («столб позора»); определялись политические партии, которые не соблюдали 40 %-ю гендерную квоту для избирательного списка, нарушителей выставляли на веб-портале; отслеживались и предавались огласке сексистские заявления политиков. Трудно оценить точно эффект этой кампании, но на местных и национальных выборах женское политическое представительство выросло.

6. *Ирландия.* Кампании за увеличение количества женщин в политике на низовом уровне. Инициатор — Национальный женский совет Ирландии, национальная зонтичная организация сети женских местных групп страны. Было выработано 6 путей строительства дружественного женщинам парламента, кампания поддерживала гендерную квоту, которая в настоящее время требует минимум 30 % кандидатов.

7. *Германия.* Политика власти женщин. Инициатива нацелена на поддержку политического представительства женщин на местном уровне. Она восполняет недостаток внимания политических партий этому вопросу. Проект включает: развитие совместной деятельности по горизонтали, осуществление стратегии видимости, разработку и поддержку местных инициатив и обмен международным опытом, создание информационных веб-сайтов. Проект поддерживается федеральным правительством.

8. *Нидерланды.* Изменение партийной практики дискриминации. Борьба с ультра-консервативной партией, не позволяющей женщинам быть избранными для политической деятельности. Противостояние ей двух фундаментальных принципов/прав: недискриминационной религиозной свободы и свободы ассоциаций. Несколько женских ассоциаций предприняли юридические действия, прошли суды, включая Европейский суд по правам человека (2012 г.). Было принято решение: партия не может исключать женщин. В марте 2014 г. в муниципалитет была избрана первая женщина, которая была включена в избирательный список партии.

9. *Испания.* Женская квота. В 2007 г. в Испании была представлена квота (40 %-й минимум и 60 %-й максимум для каждого пола) во всех сферах принятия решений — в экономической, социальной, политической. В арсенале «система молнии»: избирательные листы не принимаются, если не соблюдены нормы. Предусмотрены санкции. В результате наблюдается увеличение числа избранных женщин. Инициатива получила сильную поддержку гражданского общества, общественного мнения.

Выводы

Мировое сообщество в лице ООН выражает глубокую озабоченность в отношении положения половины человечества — женщин. В Обобщающем докладе Генерального секретаря по повестке дня в области устойчивого развития на период после 2015 г. сказано: «Наш долг — обеспечить женщинам, молодежи и детям доступ к полному спектру медицинских услуг. Мы должны сформировать абсолютную нетерпимость в отношении гендерного насилия и сексуальной эксплуатации. Женщины и девочки должны иметь возможность наравне с мужчинами пользоваться финансовыми услугами и осуществлять свое право собственности на землю и иное имущество... Развитие человеческого потенциала также означает уважение прав человека» [Организация Объединенных Наций. А/69/700... , 2014: 21]. В документе также подчеркивается: «Несмотря на существенный прогресс, достигнутый нами в последние годы, во всех регионах мира еще очень многое предстоит сделать для устранения неравенства между мужчинами и женщинами, усиления роли женщин и реализации их прав... Повестка дня должна учитывать мнения женщин» [ibid.]. В докладе предложены *шесть обязательных элементов успеха в деле достижения целей устойчивого развития*. Среди них следующие:

— достоинство, которое необходимо для ликвидации нищеты и борьбы с неравенством;

— люди, которым необходимо обеспечить здоровый образ жизни, образование и вовлечение в активную социальную жизнь женщин и детей;

— процветание, которое подразумевает создание прочной, всеобъемлющей, нацеленной на преобразования экономики;

— планета, в рамках которой предполагается защита экосистем в интересах всех обществ;

— правосудие, которое необходимо для обеспечения безопасного и мирного общества и создания прочных государственных институтов;

— партнерство, что предусматривает укрепление глобальной солидарности в интересах устойчивого развития.

Следует отметить справедливость сказанного Генеральным секретарем ООН: «Мы должны отказаться от старого менталитета, привычек и пагубных моделей поведения. Мы должны в полной мере осознать взаимосвязь пагубных моделей поведения. Мы должны в полной мере осознать взаимосвязь таких важнейших элементов, как достоинство, люди, процветание, наша планета, справедливость и партнерство. Мы должны построить сплоченное общество во имя достижения международного мира и стабильности» [ibid.: 44].

В другом полезном документе — Обзоре Межпарламентского союза, в котором исследуется работа женщин в высшем законодательном органе за 20 лет, говорится об «извлеченных уроках». В нем подчеркнуто, что прогресс не является «неизбежным» и требуется «бдительность и постоянное действие», и высказана рекомендация о необходимости воспользоваться политическими возможностями, чтобы стимулировать прогресс. В частности, замечено, что периоды реконструкции предлагают «окна возможностей» для изменения. Необходимо изменение гендерных ролей, и прежде всего большее число женщин должно быть привлечено в ряды лидеров, на уровень принятия решений. Применение гендерных квот как одна из эффективных мер оправдало себя в 120 странах [IPU Presentation... , 2015].

Нет сомнения в том, что не следует уповать на единственную панацею. Любая самая успешная стратегия должна быть реализована с учетом демократического опыта страны, ее текущих политических проблем, международных обязательств, социально-культурного и исторического наследия. Верно и то, что прогресс в достижении гендерного равенства отличается *приливно-отливным характером*, однако состоявшиеся подвижки имеют тенденцию к поступательному историческому движению, в котором аккумулируется энергия прогрессивных демократических сил, в том числе и мирового женского движения.

Библиографический список

Организация Объединенных Наций A/69/700. Генеральная Ассамблея. Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия. Дорога к достойной жизни к 2030 году: искоренение нищеты, преобразование условий жизни всех людей и защита планеты. 4 декабря 2014. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/670/03/PDF/N1467003.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.12.2014).

Шведова Н. А. Гендерная политическая культура: новые тенденции // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2014. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=400> (дата обращения: 07.06.2015).

EIGE's Work on Gender Mainstreaming. Good Practices in Promoting Gender Equality in Political Decision Making: Analytical Report. Warsaw, 2014. 28 p.

- Fourth World Conference on Women. Beijing Declaration. 1995. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/declar.htm> (дата обращения 08.05.2014).
- Handbook on Promoting Women's Participation in Political Parties. Warsaw: OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights, 2014. 210 p.
- Inter-Parliamentary Union. The World of Parliaments. 2006. Issue 24. URL: <http://www.ipu.org/news-e/24-4.htm> (дата обращения: 28.02.2007).
- IPU Presentation OSCE/ODIHR Expert Meeting on 20th Anniversary of Beijing Platform for Action. May 2015. URL: <http://www.osce.org/odihr/160126> (дата обращения: 28.06.2015).
- Lizin A.-M.* Parity must be the goal for each one of us // Inter-Parliamentary Union. The World of Parliaments. 2006. Issue 24. URL: <http://www.ipu.org/news-e/24-4.htm> (дата обращения: 04.05.2014).
- Lokar S.* 20 Years after Beijing New Challenges for Political Empowerment of Women from Civil Society Perspective: the Report of Executive Director of CEE Network for Gender Issues. Warsaw, 2015. 16 p.
- Message of the Executive Director: "We Call on Countries to «Step It up» for Gender Equality". Message of Phumzile Mlambo-Ngcuka, Executive Director of UN Women, for International Women's Day 2015. 2 March 2015. URL: <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2015/3/executive-director-message-for-iwd-2015> (дата обращения: 04.03.2015).
- The Inter-Parliamentary Union (IPU). Press Release. Geneva. 10 March 2015. Sluggish Progress on Women in Politics Will Hamper Development. URL: <http://www.ipu.org/press-e/pressrelease201503101.htm> (дата обращения: 14.03.2015).
- The Women in Politics 2015 Map. Situation on 1 January 2015. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/wmnmmap15_en.pdf (дата обращения: 04.02.2015).
- UN Secretary-General's Message for 2015. URL: <http://www.unwomen.org/en/news/in-focus/international-womens-day#sthash.xpnxITwd.dpuf> (дата обращения: 10.03.2015).
- Welcome Remarks Addressed by UN Women Executive Director Phumzile Mlambo-Ngcuka at the CSW59 Side Event "Looking into the Future: the Place of Sport for Women's Empowerment post-2015" Co-Organized by UN Women and the International Olympic Committee, Held on 16 March in New York. URL: <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2015/3/gender-equality-and-womens-empowerment-has-been-a-marathon#sthash.o7H6ZB2a.dpuf> (дата обращения: 20.03.2015).
- Women as Councilors and Mayors. UN Statistics Division 2010. The World's Women 2010. Trends and Statistics. URL: http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/Worldswomen/WW2010Report_by%20chapterBW/Power&decmaking_BW.pdf (дата обращения: 11.04.2012).
- Women in National Parliament. 2014. URL: <http://www.ipu.org/pdf/publications/WIP20Y-en.pdf> (дата обращения: 28.06.2015).
- Women in National Parliament. Situation on 1 August 2015. URL: <http://www.ipu.org/wmne/classif.htm> (дата обращения: 03.09.2015).
- Women in Parliament: 20 Years in Review. 2014. URL: <http://www.ipu.org/pdf/publications/WIP20Y-en.pdf> (дата обращения: 27.06.2015).

References

- Fourth World Conference on Women. Beijing Declaration (1995), available from <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/declar.htm> (accessed 14.06.2014).
- Handbook on Promoting Women's Participation in Political Parties (2014), Warsaw: OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights.

-
- Lokar, S. (2015) *20 Years after Beijing New Challenges for Political Empowerment of Women from Civil Society Perspective: The Report of Executive Director of CEE Network for Gender Issues*, Warsaw.
- Message of Executive Director (2015): "We call on countries to «step it up» for gender equality". Message of Phumzile Mlambo-Ngcuka, Executive Director of UN Women, for International Women's Day (2015), available from <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2015/3/executive-director-message-for-iwd-2015> (accessed 10.03.2015).
- Shvedova, N. A. (2014) Gendernaia politicheskaiia kul'tura: novye tendentsii [Gender political culture: the new trends], *Rossiiia i Amerika v XXI veke: Ėlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no 1, available from <http://www.rusus.ru/?act=read&id=400> (accessed 06.07.2015).
- The Inter-Parliamentary Union (IPU). Press Release. Sluggish Progress on Women in Politics Will Hamper Development (2015), available from <http://www.ipu.org/press-e/pressrelease201503101.htm> (accessed 14.03.2015).
- The Women in Politics 2015 Map (2015), available from http://www.ipu.org/pdf/publications/wmmmap15_en.pdf (accessed 04.02.2015).
- UN Secretary-General's Message for 2015 (2015), available from <http://www.unwomen.org/en/news/in-focus/international-womens-day#sthash.xpnxITwd.dpuf> (accessed 10.03.2015).
- Organizatsiia Ob'edinennykh Natsiĭ A/69/700. General'naia Assambleia. Posleduiushchie mery po itogam Sammita Tysiacheletiiia (2014) [United Nations A/69/700. General Assembly. Follow-up to the Millennium Summit], available from <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/670/03/PDF/N1467003.pdf?OpenElement> (accessed 07.12.2014).
- Welcome Remarks Addressed by UN Women Executive Director Phumzile Mlambo-Ngcuka at the CSW59 Side Event "Looking into the future: the place of sport for women's empowerment post-2015" co-organized by UN Women and the International Olympic Committee, held on 16 March in New York (2015), available from <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2015/3/gender-equality-and-womens-empowerment-has-been-a-marathon#sthash.o7H6ZB2a.dpuf> (accessed 20.03.2015).
- Women as Councilors and Mayors. UN Statistics Division 2010. The World's Women 2010. Trends and Statistics (2010), available from http://www.unstats.un.org/unsd/demographic/products/Worldswomen/WW2010Report_by%20chapterBW/Power&decmaking_BW.pdf (accessed 11.04.2012).
- Women in National Parliament (2014), available from <http://www.ipu.org/pdf/publications/WIP20Y-en.pdf> (accessed 11.06.2015).
- Women in National Parliament. Situation on 1 August (2015), available from <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (accessed 03.09.2015).
- Women in Parliament: 20 Years in Review (2014), available from <http://www.ipu.org/pdf/publications/WIP20Y-en.pdf> (accessed 27.06.2015).

ББК 60.542.21

Э. А. Васильченко

ЖЕНЩИНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Охарактеризованы тенденции развития женского социума на Дальнем Востоке в современных условиях. На основе статистических данных анализируется соотношение численности мужчин и женщин, проживающих в Приморье, раскрываются причины проблем низкой рождаемости, неустойчивости браков, женской безработицы. На примере Хабаровского края показана деятельность женских организаций в поддержку государственной политики по повышению авторитета семьи и статуса женщин, укреплению семейных ценностей.

Ключевые слова: социум, женщины, Дальний Восток, семья, политика, демография.

E. A. Vasilchenko. Women of the Far East in modern conditions

The author described the development trend of women's society in the Far East, in modern conditions, compared them with similar tendencies of the Soviet period. On the basis of statistical data, the author has analyzed the ratio of the number of men and women living in the Maritime region at the beginning of 2014. Comparing the corresponding figures for the Khabarovsk Territory, the author revealed the causes of imbalance of the sexes. The author touches upon fertility problems, instability of marriages, female unemployment, professional and educational activity of women, as well as residents of the Far East wages. On the example of Khabarovsk Krai the author describes the work of women's organizations in support of the government policy to increase the authority of the family and the status of women, the strengthening of family values. The author revealed the aims and objectives of many women's organizations. The article analyzes the technology of women's organizations activities: the exchange of experience at the level of the Association of Cities of Siberia and the Far East; a partnership of local governments and women's organizations; successful attempts to attract men to the challenges faced by women's organizations. The author is concerned about the negative trend which is gaining strength in the Far East — the outflow of the population into the western regions of the country. In his opinion, a significant role in this process is played by women; so the author calls for women's organizations to move from words to action on the difficult way of imbuing the minds and hearts with patriotism.

Key words: society, women, the Far East, family, policy, demography.

Женщины в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 31—36

© Васильченко Э. А., 2015

Васильченко Эльвира Александровна — доктор исторических наук, профессор, декан социального факультета, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия, sfknagtu@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Dean of the Social Faculty, Komsomolsk-na-Amure State Technical University, Komsomolsk-na-Amure, Russia).

За 25 лет постсоветского периода, когда реформировался государственный и общественный строй, изменились социально-экономические отношения, произошли некоторые перемены и в женском сообществе Дальнего Востока. Однако основные тенденции развития женского социума фактически не изменились.

Автор счел возможным рассмотреть особенности развития женского сообщества на примере Хабаровского и Приморского краев, которые являются наиболее показательными субъектами региона. Здесь развито промышленное производство и социальная инфраструктура. В этих краях проживают около 2 млн женщин.

На основе изучения статистики можно сделать вывод, что на Дальнем Востоке существует диспропорция полов, о чем свидетельствуют, например, данные по Хабаровскому краю (см. табл.) [Распределение населения... , 2014].

**Распределение населения Хабаровского края по полу и возрасту
на 1 января 2014 г.**

Возрастная группа, лет	Общая численность населения, чел.	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Женщины в общей численности населения, %
0–4	84838	43719	41119	49,4
5–9	70350	36011	34339	48,8
10–14	56465	30513	28952	48,7
15–19	69527	37661	31866	45,8
20–24	114778	65846	48932	42,6
25–29	124318	64897	59621	48,0
30–34	112411	57176	56235	50,0
35–39	104540	51854	52686	50,4
40–44	94971	46133	48838	51,9
45–49	81844	39017	42827	52,3
50–54	91096	42722	49373	53,6
55–59	90170	38883	51287	56,9
60–64	86298	34596	50702	58,8
65–69	53407	20465	32942	61,7
70–74	41830	13877	27963	66,8
75–79	33608	9680	23928	71,2
80–84	15978	3825	12153	76,1
85–89	8356	1712	6643	79,5
90–94	1827	326	1501	82,2
95–99	268	43	225	84,0
100 и старше	34	8	26	76,5
<i>Всего</i>	1339912	638764	701148	52,3

Сравнивая аналогичные показатели соотношения мужского и женского населения Хабаровского и Приморского краев, следует отметить, что различия между ними незначительные.

На 1 января 2014 г. в Приморском крае проживало 1008,7 тыс. женщин (52 % численности населения). Здесь на 100 мальчиков рождались 94 девочки. Это соотношение меняется после 45 лет, когда наблюдается устойчивое преобладание женщин. В возрасте 65 лет женщин в 2 раза больше, чем мужчин.

В Хабаровском крае на 100 мальчиков рождались 93 девочки. Устойчивое преобладание женщин наблюдается после 37 лет. Жительницы края в 72-летнем возрасте по численности вдвое превосходят мужчин [Дементьев, 2015].

Диспропорция полов объясняется известными причинами: более слабой стрессоустойчивостью мужчин в условиях кризиса, потерями в результате расцвета криминала в 1990-х гг., склонностью мужчин к вредным привычкам (алкоголизм, наркотики, табакокурение и др.).

На примере Приморского края можно рассмотреть и другие тенденции развития женского сообщества.

Рост рождаемости отмечается во всех субъектах Дальнего Востока. В 2014 г. в Приморье этот показатель составил 12,9 рождений на одну тысячу населения. Наиболее высокая рождаемость традиционно наблюдается в крупных городах (Владивосток, Уссурийск, Находка, Артем). Одновременно на 11 % снизилась младенческая смертность.

Сохраняется тенденция неустойчивости браков. В 2014 г. на 1000 браков приходилось 615 разводов (в 2013 г. — 607). При этом прослеживается явная тенденция увеличения количества поздних браков.

Стабильным остается высокий уровень профессиональной активности женщин. Более половины работников организаций Приморского края составляют женщины. Не все из них пользуются правом выхода на пенсию, треть продолжают работать в пенсионном возрасте.

Женщины присутствуют во всех сферах трудовой деятельности, но сугубо «женской» по-прежнему остается бюджетная сфера, где занята каждая третья работающая женщина. В здравоохранении, сферах социальных услуг, образования, организации отдыха и развлечений, культуры и спорта доля женщин составляет от 70 до 85 %. Уверенно себя чувствуют женщины в организациях финансирования, пенсионного обеспечения, банковской деятельности и торговли (61—65 %).

Вместе с тем среди женщин Приморского края сохраняется тенденция безработицы (49 % от всех безработных). В 2012 г. средний возраст безработной женщины составил 35 лет, в 2014 г. он вырос до 37 лет. Причины безработицы среди женщин остаются прежними: сокращение на предприятии, наличие маленьких детей, предпенсионный возраст.

Осознавая сложность своего положения, женщины активно проявляют себя в образовательной сфере. Они стремятся получить профессию активнее мужчин. Среди студентов вузов женщины составляют 54 %, их больше среди аспирантов и докторантов.

Производственная деятельность не освобождает женщин от домашних забот. По-прежнему в большинстве семей вся нагрузка по ведению домашнего хозяйства лежит на плечах женщин. В Приморье в каждой пятой семье женщина — основной кормилец.

Анализ показывает, что заработная плата является главной составляющей денежных доходов женщин и уступает заработной плате мужчин. По результатам выборочного обследования заработной платы по профессиям, в 2014 г. уровень заработной платы женщин Приморского края был меньше, чем у мужчин, в среднем в 1,4 раза.

Можно сделать вывод, что тенденции развития женского сообщества в условиях реформирования в постсоветский период фактически не изменились и в той или иной степени характерны для всех субъектов Дальнего Востока. Современной женщине приходится нести тяжелый груз социальных проблем, приспосабливаться к убыстряющемуся ритму жизни и переменам в обществе.

Вместе с тем женщины-дальневосточницы проявляют активность в решении проблем региона и своей собственной судьбы. Формируется структура женских организаций: созданы союзы женщин на уровне краев и областей, а также городов и муниципальных образований. В крупных поселениях действуют женсоветы.

На примере Хабаровского края можно проследить, какие цели и задачи ставят перед собой женские организации и как пытаются их реализовать. 30 сентября 2014 г. состоялся Первый съезд женщин Хабаровского края под девизом «Женщины края — за возрождение семейных ценностей» [Женщины Хабаровского края..., 2014]. Решения съезда были направлены на усиление действий женских организаций в поддержку государственной политики по повышению авторитета семьи, профилактике сиротства, укреплению духовно-нравственных семейных устоев.

В работе съезда приняли участие 152 человека — представители субъектов Дальневосточного федерального округа, некоммерческих общественных объединений и органов власти края. Участники съезда отметили, что укрепление семьи и ее поддержка, а также укрепление супружества, материнства и отцовства, семейного образа жизни должны быть одной из главных целей и приоритетов государственной политики.

Съезд обсудил конкретные предложения по улучшению положения семьи и женщин. Среди них — организация планомерной работы по медико-социальному сопровождению молодых женщин и матерей из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; открытие кризисного отделения для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию; создание межрайонных участковых служб по работе с семьями в отдаленных районах края, усиление пропаганды традиционных семейных ценностей.

В практике реализации своих решений женские организации применяют новые технологии, среди которых проведение межрегионального собрания женщин для аккумуляции позитивного опыта Ассоциации сибирских и дальневосточных городов по взаимодействию и социальному партнерству в разработке и реализации программ по значимым социальным вопросам. Так, по инициативе Союза женщин г. Хабаровска и Союза женщин Новосибирской области 15 августа 2013 г. в Хабаровске состоялся межрегиональный женский форум «Взаимодействие органов муниципальной власти, женской общественности Ассоциации сибирских и дальневосточных городов в решении актуальных социальных вопросов на современном этапе».

Женскую общественность на форуме представили Хабаровский городской союз женщин; Хабаровское региональное отделение Российского детского фонда; Союз женщин Хабаровского края; Союз женщин «Славянка»; Союз деловых женщин; Комитет солдатских матерей; организация «Возрождение семьи»; Центр патриотического воспитания «Взлет»; общественная организация родителей «Аридонс», имеющая детей-инвалидов; краевой и городской родительские

советы; районные советы ветеранов и другие общественные организации, возглавляемые женщинами.

На форуме было заявлено о необходимости дальнейшего объединения усилий органов местного самоуправления и общественных организаций в укреплении института семьи и статуса женщин, в реализации планов социально-экономического развития города и края.

Другой технологией стало социальное партнерство между администрацией краевого центра и Хабаровским городским союзом женщин. В феврале 2012 г. такое соглашение было подписано. Его цель — повышение статуса женщин города, их участие в политической, экономической, социально-культурной жизни Хабаровска, укрепление института семьи, создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей, защита интересов женщин-матерей путем принятия соответствующих программ и решений.

В 2014 г. при активном участии городского Союза женщин была использована еще одна технология — привлечение ресурса мужчин к реализации целей и задач, поставленных перед женскими организациями. Был учрежден Совет отцов при администрации Хабаровского края. Его цель — совместно с Союзом женщин бороться с бедностью семей, с социальным нездоровьем. Деятельность этого объединения направлена на повышение духовно-нравственной культуры семьи и общества, сохранение базовых семейных ценностей и традиций, воспитание молодого поколения в любви к родному городу и краю для того, чтобы дети не стремились покинуть Дальний Восток.

По поводу последнего стоит сказать, что эта задача пока остается лишь декларацией. За годы реформ постсоветского периода Дальний Восток пережил трудные времена. Он потерял экономическую привлекательность для тех, кто ранее хотел приехать в этот регион на жительство. Из предпочтений остался дальневосточный коэффициент к заработной плате да сниженный пенсионный возраст. Зачастую заработная плата с коэффициентом у дальневосточника оказывается ниже, чем без коэффициента у жителей западных областей страны, поскольку более высокий уровень доходов нивелируется суровыми климатическими условиями проживания и дороговизной товаров.

Катастрофическое наводнение осенью 2013 г. и небывалые снегопады зимой 2014 г. стали сильным толчком в процессе оттока населения с Дальнего Востока. Уставшие от капризов природы дальневосточники устремились в теплые западные регионы страны, особенно в Краснодарский край, и в Санкт-Петербург. Легкость приобретения жилья в этих и других регионах, поступление детей в центральные вузы по итогам ЕГЭ делают реальной смену места жительства у многих семей.

Инициаторами покинуть Дальний Восток зачастую выступают женщины. Официальная статистика не раскрывает истинного положения дел, занижая показатели оттока населения. На самом деле уезжают не десятки, а сотни семей, ссылаясь на тяжелый климат и бесперспективность региона. Уезжают в основном молодые люди в трудоспособном возрасте, получившие хорошее образование и имеющие востребованные профессии, а также пенсионеры.

Очевидно, что проводимая до настоящего времени государственная политика по закреплению населения на Дальнем Востоке пока не дает заметных результатов. Вызывает сомнение и последняя инициатива Государственной думы

о бесплатном выделении одного гектара земли тем, кто поедет на Дальний Восток. Проблема заключается в том, что страна сегодня не крестьянская, как полтора века тому назад. Земля не является привлекательным фактором. Ехать за землей на Дальний Восток не имеет смысла, поскольку неиспользованной земли достаточно в европейской части страны. Более того, дальневосточная земля в условиях рискованного земледелия требует огромных физических и финансовых затрат.

3 сентября 2015 г., выступая перед участниками Первого восточного экономического форума, президент В. В. Путин обозначил в качестве главных приоритетов на Дальнем Востоке активную политику социального развития, формирование современной транспортной, образовательной инфраструктуры, строительство доступного жилья, создание качественной системы оказания медицинских услуг [Стенограмма выступления... , 2015]. Цели впечатляющие, но государство не сможет решать эти задачи в одиночку. Многое предстоит сделать общественности, в том числе женской. Настало время не декларациями, а конкретными действиями сохранять население Дальнего Востока, воспитывать у молодого поколения патриотизм и любовь к родному краю.

Библиографический список

- Дементьев А. Женщины Приморья в цифрах статистики // Lotosnews. 2015. 27 февраля. URL: <http://lotosnews.ru/zhenshhiny-primorya-v-cifrax-statistiki> (дата обращения: 20.08.2015).
- Женщины Хабаровского края возродят семейные ценности. Сентябрь 2014 // KhabTIME: полная картина происходящего. URL: http://khabtime.info/news/show/?id_blog=15356 (дата обращения: 20.08.2015).
- Распределение населения Хабаровского края по полу и возрасту на 1 января 2014 года // Хабаровскстат (Территориальный орган Государственной службы статистики по Хабаровскому краю). URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 20.08.2015).
- Стенограмма выступления Владимира Путина на Восточном экономическом форуме. 2015. URL: www.rg.ru/2015/09/04/forum-site.html (дата обращения: 07.09.2015).

References

- Dement'ev, A. (2015) Zhenshchiny Primor'ia v tsyfrakh statistiki [Women of Primorye in statistics], *Lotosnews*, 27th February, available from <http://www.lotosnews.ru/zhenshhiny-primorya-v-cifrax-statistiki> (accessed 20.08.2015).
- Raspredelenie naseleniia Khabarovskogo kraia po polu i vozrastu na 1 ianvaria 2014 goda (2014) [Distribution of the population of the Khabarovsk region by sex and age on January 1st, 2014], *Khabarovskstat* (Territorial'nyĭ organ Gosudarstvennoĭ sluzhby statistiki po Khabarovskomu kraiu), available from http://www.habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/population/ (accessed 20.08.2015).
- Stenogramma vystupleniia Vladimira Putina na Vostochnom ekonomicheskom forume (2015) [Transcript of the Vladimir Putin's report on the East Economic Forum], available from <http://www.rg.ru/2015/09/04/forum-site.html> (accessed 07.09.2015).
- Zhenshchiny Khabarovskogo kraia vozrodiat semeinye tsennosti (2014) [Women of Khabarovsk region will revive the family values], *KhABTIME: Polnaia kartina proiskhozhdiashchego*, available from http://www.khabtime.info/news/show/?id_blog=15356 (accessed 20.08.2015).

ББК 74.483(2)5

Г. А. Будник

ВЫСШЕЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

На основе анализа историографии, статистических и интернет-источников рассматривается становление и развитие высшего инженерно-технического образования женщин в конце XIX — начале XXI в. Приводятся примеры организации учебы и профессиональной деятельности женщин-инженеров. Выявляются основные гендерные стереотипы в сфере высшего образования и трудовых отношений. Делается вывод о мифологичности традиционного мнения о неспособности женщин учиться в техническом вузе и работать на инженерной должности. Формулируются тенденции в сфере высшего инженерно-технического образования женщин.

Ключевые слова: высшее инженерно-техническое образование, Россия, СССР, женщины-инженеры, гендерные стереотипы.

G. A. Budnik. Higher engineering education of women: history and current trends

The formation and development of higher engineering education of women from the beginning of the nineteenth century to the beginning of the twenty-first century are considered on the basis of historiography, statistics and Internet resources analysis. The article demonstrates the most common gender stereotypes in higher education and labour relations. The examples of organization of learning on Women's polytechnic courses (St. Petersburg, 1906) are provided, the author follows the fortunes of their first graduates. On the basis of statistics the dynamics of growth in the number of girls in higher engineering colleges is analyzed. It is suggested that the increase in the number of women in the universities of this profile is largely linked with the socio-economic development of the USSR: industrialization, the Great Patriotic War. The fate of women engineers is considered. On the basis of the analysis of periodicals and Internet resources the author concludes that traditional views of a woman's inability to study at a technical university and work as an engineer are but a myth. The author expresses her opinion on current trends in higher engineering and technical education of women. On the one hand, traditional gender stereotypes in higher engineering and technical education and industrial relations still reside in public opinion of Russian people. Public authorities, administration of universities, scientific and industrial organizations, the media do little to create a positive image of a woman engineer as well as to inform girls about the professional

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 37—44

© Будник Г. А., 2015

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново, Россия, budn@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of History and Philosophy, Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia).

growth of graduates of the higher technical school. On the other hand, the number of girls seeking to pursue engineering as a profession is growing steadily. In the field of higher education and workplace relations, there is a tendency towards leveling of gender differences.

Key words: higher engineering education, Russia, the USSR, women-engineers, gender stereotypes.

История высшего образования в России изучена достаточно глубоко и всесторонне. Вместе с тем проблема профессионального становления женщин требует дальнейшего изучения. Данная статья является попыткой рассмотрения гендерных стереотипов, сложившихся в сфере профессиональной подготовки и трудоустройства женщин — выпускниц высшей инженерно-технической школы с конца XIX до начала XXI в. Можно выделить два базовых гендерных стереотипа в этой сфере, утвердившихся в массовом сознании российского общества. Во-первых — представление о том, что женщины не способны освоить предметы, изучаемые в высших технических учебных заведениях, уверенность в том, что их предназначение — педагогика, медицина, культурно-просветительная деятельность. Во-вторых — убеждение в том, что женщины не могут качественно выполнять функции инженера на производстве, не способны эффективно руководить трудовым коллективом.

В конце XIX в. в возможность высшего технического образования для женщин мало кто верил. Особенно дикой, вспоминает профессор В. Я. Курбатов, казалась мысль о женщинах-архитекторах, потому что «взбираться по лестнице трудно при длинных юбках», которые носили в то время [Богомазова и др., 1967: 8—9]. Однако под влиянием общественности, а также с учетом все возрастающей потребности в кадрах инженеров в 1906 г. в Петербурге открылись Женские политехнические курсы. Здесь было создано 4 факультета: архитектурный, инженерно-строительный, электромеханический, химический. Занятия начались 15 января 1906 г. Преподавание велось по предметной системе. Экзамены можно было сдавать в течение всего года. Обучение на первых двух курсах проходило по общей для всех слушательниц программе. Учебный план, к примеру, электромеханического факультета был весьма обширным. В нем предусматривались дисциплины теоретической и прикладной механики и электротехники. Начиная со второго курса обучения много времени уделялось курсовым проектам по котлам, паровым турбинам или машинам, электрическим машинам постоянного и переменного тока и трансформаторам, а также лабораторным работам. Деканом электромеханического факультета был Б. Л. Розинг — изобретатель первой электронной системы для получения изображения с помощью электронно-лучевой трубки. Его работы послужили основой для развития электронных систем телевидения. Преподавание на факультете вели широко известные в научно-техническом мире профессора. Темы дипломных проектов были: тепловая электрическая станция, линия передачи высокого напряжения и т. д.

В 1912 г. на Женских политехнических курсах состоялся первый выпуск. Дипломы защитили 3 студентки: одна — с химического факультета, две — с электромеханического. Успешная защита слушательницами дипломных проектов,

замена женщинами-инженерами инженеров-мужчин, ушедших на фронт в годы Первой мировой войны, привели к тому, что курсы были преобразованы в 1916 г. в Петроградский женский политехнический институт. В нем работали уже 100 преподавателей и обучались более 1500 студентов. Институт готовил инженеров разной специализации.

Как же дальше сложилась профессиональная судьба первых женщин — инженеров? В работе «Первые женщины — инженеры» приводится ряд воспоминаний выпускниц Женских политехнических курсов. Так, инженер-механик А. И. Соколова-Маренина после окончания курсов решила повысить свою квалификацию в США. Приехав в страну, она попыталась устроиться работать по специальности, но везде получала отказ. В США в то время не было не только женщин-инженеров, но даже женщин, работавших в мастерских. Тогда Соколова решила «превратиться» в мужчину. И сразу получила работу. Вскоре хорошо себя зарекомендовала — помогало специальное образование. Но ей хотелось работать по специальности, и она устроилась на завод, где изготовлялось оборудование для электрического освещения. И там работа шла успешно. Затем вернулась в Россию, где продолжила работать по специальности. Из воспоминаний Н. Д. Гончаровой: в 1908 г. она и ее подруга были зачислены на практику на электростанцию «Гелиос» (ныне 2-я Ленинградская ГЭС). Чтобы приступить к работе, они дали подписку: «В случае моей гибели... в смерти моей прошу никого не винить». Сначала они работали в лаборатории, а когда хорошо себя там зарекомендовали, их допустили на две недели в машинный зал и в котельную. Котел стоял на ремонте. Они долго добивались у администрации разрешения осмотреть его. С большим трудом им это разрешили. Затем они проходили практику и на других заводах, везде успешно. Позднее Н. Д. Гончарова работала инженером, начальником турбинного отдела [там же: 17—18].

В годы Первой мировой войны потребность в квалифицированных кадрах усилилась. Отдельные высшие учебные заведения стали принимать на учебу женщин. В 1916 г. Особое совещание по реформе высшей технической школы также признало возможным допущение женщин в специальные институты «при наличии свободных мест и одинаковых условиях относительно образовательного ценза» [Иванов, 1991: 296]. Однако вплоть до 1917 г. в высшей школе обучались в основном мужчины.

В XX—XXI вв. число девушек, стремящихся получить высшее, в том числе и инженерно-техническое, образование неуклонно растет. Так, в 1927/28 учебном году среди студентов высших учебных заведений женщины составляли 28 %, в 1950/51 — 53 %, в 1970/71 — 49 %, в 2006/07 — 58 % [Народное хозяйство СССР... , 1972: 445; Россия в цифрах... , 2007: 137—138]; соответственно в учебных заведениях производства, строительства, транспорта и связи — 13, 30, 38, 46 % (последняя цифра приводится за 2004/05 учебный год) [Народное хозяйство СССР... , 1972: 445; Российский статистический ежегодник... , 2006: 270].

Можно назвать несколько причин быстрого увеличения количества женщин среди студентов технических вузов. Прежде всего, это образовательная политика СССР, создавшая условия для поступления в высшие учебные заведения женщин. Кроме того, с конца 1920-х гг. в стране началось бурное промышленное строительство, что вызвало острую потребность в квалифицированных

специалистах. Открываются технические вузы. С началом Великой Отечественной войны женщины стали заменять мужчин, ушедших на фронт. Юноши призывались в армию, и в студенческих аудиториях становилось все больше девушек-студенток. С начала XXI в., несмотря на рост популярности у молодежи профессий юристов, экономистов, социологов, психологов, на инженерные специальности поступает учиться достаточно большое количество девушек.

Вместе с тем до сих пор в нашей стране существуют гендерные стереотипы, в соответствии с которыми считается, что девушкам трудно овладевать «мужскими» профессиями. Анализ интернет-ресурсов, в первую очередь форумов, свидетельствует, что большинство их участников-мужчин считают, что «женщина генетически не способна мыслить как создатель и как инженер» [Женщина-инженер, 2014; Ответы mail.ru, 2012].

Между тем, как свидетельствуют материалы форумов в Интернете, а также беседы автора со студентками и выпускницами Ивановского государственного энергетического университета (на протяжении 1990—2000-х гг. проведены 23 интервью и беседы), данные стереотипы являются мифом. Девушки, которые осознанно выбрали профессию инженера, имеют хорошую успеваемость, успешно проходят практику и устраиваются на работу. Можно привести высказывания трех участниц форума, на котором обсуждался вопрос: «Девушки, которые учились на инженеров, не пожалели вы потом об этом?» «Я... в Политехе училась на мехмаше. Сложностей не возникало. И лекции прогуливала, и сдавала без проблем. И спецпредметы были интересны, и АСУ, и промэлектроника, и ГАК, и схемы станков, и техмаш, и ОКР. И работаю инженером, и работа мне нравится. Просто при выборе специальности надо представлять, чем заниматься будешь». «Выучилась на инженера-механика. Еще и с красным дипломом закончила. Сразу устроилась на работу и продолжила обучение в магистратуре. В отличие от учебы в школе, в институте, ВСЕ предметы были интересны и легко давались. У препода по сопромату была любимой и лучшей ученицей. Что касается работы — нравится. <...> Спустя 5 лет не только занимаюсь проектами, но и управляю вверенным мне подразделением». «...Нет разницы между женщиной-инженером и мужчиной-инженером, есть хорошие специалисты, а есть плохие, от пола это не зависит» [Я — личность, 2013]. Анализ вышеприведенных интернет-материалов, а также документы из архива автора позволяют заключить, что, в отличие от мужчин, женщины менее подвержены влиянию гендерных стереотипов в сфере высшего образования и профессиональной деятельности.

В ответах женщин-инженеров на интернет-форумах также развенчивается миф о неспособности женщин к инженерной деятельности. В настоящее время даже в такой типично «мужской» отрасли, как энергетика, третья часть работающих — женщины [Энергия России, 2006].

В качестве примера успешной самореализации в профессиональной сфере расскажем о судьбе одной из женщин-энергетиков — С. А. Мотыгиной. Работать в «большую энергетику» страны она пришла одновременно с началом Великой Отечественной войны. Диплом инженера-электрика по специальности «Электрические станции, сети и системы» Софья Андреевна защитила 8 мая 1945 г. и уехала по направлению на Уфимскую ТЭЦ-1, где стала работать

старшим инженером, а с 1947 г. — начальником электролаборатории. В мае 1952 г. С. А. Мотыгину перевели на Иркутскую ТЭЦ-1 в г. Ангарск. Софья Андреевна активно участвовала в строительстве, монтаже и пуске агрегатов электростанции в качестве начальника электролаборатории, а с 1956 г. — начальника электрического цеха. Ее усилиями он был выведен из наиболее аварийных в передовой. Одновременно она училась в заочной аспирантуре Всесоюзного заочного энергетического института в Москве, работая над темой повышения надежности электроснабжения строящегося в Ангарске предприятия «П/я № 79» Министерства среднего машиностроения СССР, имеющего особенно важное значение для устойчивой работы Иркутской энергосистемы. В 1960 г. С. А. Мотыгина была награждена орденом Ленина, переведена на должность главного инженера строящейся Иркутской ТЭЦ-9 и защитила кандидатскую диссертацию, получив ученую степень кандидата технических наук. С 1964 по 1972 г. она — директор Иркутской ТЭЦ-9. Сочетая производственную деятельность с преподавательской работой в Иркутском политехническом институте, она два года была заведующей кафедрой электрических станций, сетей и систем, затем была утверждена в ученом звании доцента той же кафедры. В 1972 г. решением Министерства энергетики СССР была переведена директором строящейся экспериментальной Ростовской ТЭЦ-2 и до 1996 г. работала в энергосистеме «Ростовэнерго». В 1996 г. РАО «ЕЭС России» удостоило Софью Андреевну высшей профессиональной награды — «Ветеран энергетики». В этом же году она ушла на заслуженный отдых. Общий трудовой стаж в энергетике — 52 года [Маякова, 2003].

Между тем, по мнению как участников интернет-форумов, так и центров занятости, гендерная дискриминация при трудоустройстве на работу выпускниц инженерно-технических вузов существует [Я — личность, 2013; Томск: Центр занятости... , 2012].

На сайте «Woman.Ru» участницы форума сообщали о том, что им «часто приходится слышать, что они занимаются не своим делом, что предназначение женщин — рожать детей». Одна из участниц дискуссии написала, что работает в отделе IT, по специальности является инженером радиопередающих устройств и часто сталкивается с дискриминацией: «...однажды прошла все собеседования, осталось формальное с гендиректором. Но он прямым текстом сказал, что это не женская профессия, он лучше возьмет парня». Есть и другие мнения — о доброжелательном отношении коллег и начальства, но их меньшинство [там же].

Наглядным примером сохранения гендерных стереотипов выступают сами интернет-ресурсы. Так, на сайте «Инженеры России» содержится биографический материал о 243 инженерах. Однако женщин среди них только четыре. Это С. С. Тубольцева (1940—2000 гг.) — советский ученый, специалист в области машиностроения, кандидат технических наук, доцент кафедры общепромышленных дисциплин машиностроительного факультета филиала Карагандинского политехнического института в г. Петропавловске (ее исследования были связаны с разработкой горнодобывающих машин); Н. А. Дыховичная (1914—2006 гг.) — после окончания в 1936 г. Московского инженерно-строительного института занималась проектированием объектов авиационной

промышленности; В. В. Чёрная (1914—1999 гг.) — ученый-химик, доктор наук, профессор, инженер (затем монахиня, настоятельница московского Новодевичьего монастыря в 1994—1999); В. Е. Юрасова (р. 1928 г.) — советский и российский физик, известный своими трудами в области радиационной физики твердого тела, физической электроники, доктор физико-математических наук [Инженеры России, 2010].

В обстоятельных, хорошо иллюстрированных материалах сайта «Руксперт» «Знаменитые изобретатели и инженеры России» приведены материалы о профессиональной деятельности только двух женщин: В. Х. Кирлиан, которая вместе с мужем С. Д. Кирлианом изобрела кирлианографию (газоразрядная фотография), и З. В. Ермольевой, получившей впервые в СССР пенициллин и организовавшей его промышленное производство в годы Великой Отечественной войны [Знаменитые изобретатели... , 2015].

На сайте «Лучшие изобретения женщин в истории» размещен материал о 31 женщине-изобретательнице. Среди них только 3 россиянки [Лучшие изобретения... , 2014].

Показательными в этом отношении являются и материалы, посвященные ежегодному конкурсу «Инженер года», проводимому Российским союзом научных и инженерных общественных объединений. Так, в 2014 г. победителями, награжденными дипломами и памятным медалями «Лауреат конкурса» и занесенными в реестр профессиональных инженеров России по версии «Профессиональные инженеры», стали 184 человека, среди которых было только 26 женщин [Победители и участники... , 2014].

Вместе с тем реалии XXI в.: увеличение количества девушек среди абитуриентов инженерно-технических вузов, успешная трудовая деятельность женщин-инженеров — постепенно приводят к нивелированию гендерных различий. В высшей школе большинство студентов относятся к своим однокурсницам как к равным партнерам, уважают их добросовестное отношение к учебе, трудолюбие и терпение. Примерно в трети групп в Ивановском государственном энергетическом университете старостами являются девушки, что положительно воспринимается юношами. В таких группах, как правило, выше процент успеваемости. Анализ многотиражных газет предприятий энергетической отрасли свидетельствует о публикации в них материалов, позитивно характеризующих профессиональную деятельность женщин-инженеров.

Подводя итоги, целесообразно сформулировать основные тенденции развития женского инженерно-технического образования в России. Первое. На протяжении минувшего столетия женщины России стремились получить инженерное образование; многие из выпускниц высшей технической школы становились высококвалифицированными, авторитетными специалистами. Второе. В сфере высшего технического образования и трудовых отношений наметилась тенденция постепенного нивелирования гендерных различий. Третье. В настоящее время женщины менее подвержены влиянию гендерных стереотипов, чем мужчины. Четвертое. В деятельности администрации высших инженерно-технических учебных заведений и промышленных организаций, в средствах массовой информации отсутствует целенаправленная работа по созданию позитивного имиджа женщины-инженера, информированию

девушек о профессиональном росте выпускниц высших технических учебных заведений. Полагаю, что дальнейшее развитие женского инженерно-технического образования в значительной степени зависит от направленности государственной образовательной политики.

Библиографический список

- Богомазова З. П., Каценеленбоген Т. Д., Пузыревская Т. Н. Первые женщины — инженеры. Л.: Лениздат, 1967. 220 с.
- Женщина-инженер: форум // Engineers around: сайт. 2014. URL: <http://engineersaround.jimdo.com/2014/06/30/> (дата обращения: 06.08.2015).
- Знаменитые изобретатели и инженеры России // Руксперт: сайт. 2015. URL: http://ruksper.ru/Знаменитые_изобретатели_и_инженеры_России (дата обращения: 06.08.2015).
- Иванов А. И. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991. 392 с.
- Инженеры России: сайт. 2010. URL: <http://rus-eng.org/eng/page/1/1.htm> (дата обращения: 06.08.2015).
- Лучшие изобретения женщин в истории // Peoples.ru: сайт. 2014. URL: http://www.peoples.ru/friday/the_best_inventions_of_women_in_the_history.html (дата обращения: 06.08.2015).
- Маякова Г. Г. Единственная // Сибирский энергетик. 2003. № 3. URL: <http://www.irkutskenergo.ru/qa/664.2.html> (дата обращения: 06.08.2015).
- Народное хозяйство СССР, 1922—1972 : юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1972. 848 с.
- Ответы mail.ru: форум // Mail.ru: сайт. 2012. URL: <https://otvet.mail.ru/question/72099331> (дата обращения: 06.08.2015).
- Победители и участники Всероссийского конкурса «Инженер года» — 2014 // Российский союз научных и инженерных общественных объединений: сайт. URL: <http://www.rusea.info/eoaywinners/13/46> (дата обращения: 06.08.2015).
- Россия в цифрах, 2007: краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2007. 494 с.
- Российский статистический ежегодник, 2005: статистический сборник. М.: Росстат, 2006. 819 с.
- Томск: Центр занятости населения провел декаду «Женщины и занятость» // Rusenerg.ru: сайт. 2012. URL: <http://www.rusenerg.ru/ekonomika/366-tomsk-centr-zanyatosti-naseleniya-provel-dekadu-zhenschiny-i-zanyatost.html> (дата обращения: 06.08.2015).
- Энергия России. 2006. № 4 (215). URL: <http://www.rao-ees.ru/ru/news/gazeta/215-2006/Energy215.pdf> (дата обращения: 05.08.2015).
- Я — личность: форум // Woman.Ru: женский журнал; сайт. 2013. URL: <http://www.woman.ru/psycho/personality/thread/4259992/> (дата обращения: 06.08.2015).

References

- Bogomazova, Z., Katsenelenbogen, T., Puzyrevskaia, T. (1967) *Pervye zhenshchiny-inzhenery* [The first female engineers], Leningrad: Lenizdat.
- Inzhenery Rossii (2010) [Engineers of Russia], available from <http://www.rus-eng.org/eng/page/1/1.htm> (accessed 06.08.2015).

- Ivanov, A. I. (1991) *Vysshaia shkola v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher school in Russia at the end of the XIXth c. and at the beginning of the XXth c.], Moscow: Akademiia nauk SSSR, Institut istorii SSSR.
- Luchshie izobreneniia zhenshchin v istorii (2014) [The best inventions of women in the history], *Peoples. ru*, available from http://www.peoples.ru/friday/the_best_inventions_of_women_in_the_history.html (accessed 06.08.2015).
- Narodnoe khoziaistvo SSSR, 1922—1972* (1972) [The national economy of the USSR, 1922—1972], Moscow: Statistika.
- Rossiiskii statisticheskiĭ ezhegodnik, 2005* (2006) [Russian statistical yearbook, 2005], Moscow: Rosstat.
- Rossia v tsifrakh, 2007* (2007) [Russia in figures, 2007], Moscow: Rosstat.
- Znamenitye izobretateli i inzhenery Rossii (2015) [Famous inventors and engineers of Russia], *Ruxpert*, available from http://www.ruxpert.ru/Знаменитые_изобретатели_и_инженеры_России (accessed 06.08.2015).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 88.576.8

З. Х. Саралиева, А. В. Щекотуров

«Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ ТАКОЙ ДЕВОЧКОЙ, ЧТОБЫ ПОСУДУ ВСЕГДА МЫТЬ»: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ ПОКОЛЕНИЯ «Z»

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 45—58

Проводится анализ ведущих институтов социализации с точки зрения гендерной чувствительности подростка. Ценности современного поколения обусловлены трансформацией общественных институтов, развитием информационных технологий и виртуальной реальности. Слабая изученность данных особенностей поколения «Z» в отечественном научном дискурсе определила интерес к теме. В фокусе исследования находятся три аспекта гендерной чувствительности: оценка подростком значимости каждого института гендерной социализации в его жизни, осознание степени гендерной маркированности социального института и характер принятия транслируемых гендерных норм, традиций и ценностей. Результаты исследования показывают, что Интернет, семья и школа являются теми институтами, к воздействию которых подростки проявили наибольшую гендерную чувствительность. Выводы и предположения о дальнейшем развитии темы представлены в заключении статьи.

Ключевые слова: гендерная чувствительность, подросток, идентичность, институт социализации, теория поколений, поколение «Z».

Z. H. Saralievа, A. V. Shchekoturov. “I don’t want to be a girl who always washes dishes”: the institutional analysis of “Z” generation adolescents’ gender sensitivity

The analysis of main institutes of socialization in terms of adolescents’ gender sensitivity is presented in the article. Values of modern teen’s generation are determined by transformation of social institutes, growth of IT technologies

© Саралиева З. Х., Щекотуров А. В., 2015

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (Dr. Sc., Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia).

Щекотуров Александр Вячеславович — кандидат социологических наук, ассистент кафедры менеджмента и государственного управления, Институт экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, alexsanya@mail.ru (Cand. Sc., Lecturer at the Department of Management and Public Administration, Institute of Economics and Entrepreneurship of Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia).

and virtual reality. These features of “Z” generation are only slightly touched upon by domestic scholars; so this lack of knowledge helps to formulate main research questions. Three key aspects of gender sensitivity are in the focus of the investigation: how adolescents estimate the significance of each institution in their lives, whether they realize the level of gender marking of these social institutions, and how adolescents refer to the character of transmitted gender norms, traditions and values. In-depth interviews method is the research method used. The study shows that such institutions as the Internet, a family and a school have greater impact on teenagers’ gender sensitivity. Analysis of friends and peers has revealed that gender attributes have significance only for girls; most boys are in “masculine vacuum” — they don’t raise questions about masculinity neither at home nor at school, or anywhere else. However, boys may emphasize their masculinity due to sexual experience. The question of the gender self-expression freedom among peer group associates with gender stratification and depends on the social, gender and sexual sensitivity to social and structural norms. None of the teenagers has noticed any gender issue in music. Analysis of adolescents’ attitude to magazines, TV and cinema has shown that both girls and boys feel gender pressure but they are against reproducing it. The authors strongly believe that virtual socialization changes the mechanisms of gender socialization. The imitation of gender norms and values will be decreased during gender identity construction. The most powerful ways to create the identity will be the development of gender sensitivity, identity experiments, and independent choice of preferences. Girls will be pioneers in this process because they are more resourceful and inventive than boys in their use of the Internet.

Key words: gender sensitivity, adolescent, identity, institution of socialization, generation theory, “Z” generation.

Согласно теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, общество сегодня состоит из шести социальных поколений: «победители» (рожденные в 1901—1922 гг.), «молчаливые» (1923—1942 гг. рождения), «беби-бумеры» (1943—1964 гг.), «X» (1965—1982 гг.), «Y» (1983—2000 гг.) и «Z» (с 2000 г.) [Strauss, Howe, 1997]. Поколение «Z» только начало формироваться, поэтому говорить о характеристиках и закономерностях поведенческих практик еще рано, но уже можно констатировать, что их ценности обусловлены трансформацией общественных институтов, развитием информационных технологий и виртуальной реальности.

Постановка проблемы исследования

Подростковая увлеченность онлайн-играми и социальными сетями решительно предполагает активное участие в процессе конструирования собственной идентичности с одновременным изменением характера социализации — сменой пассивного принятия норм их осмысленным и взвешенным выбором. В результате подросток не только сравнивает себя с другими людьми, но все больше строит свой собственный образ и образ группы, к которой он принадлежит или не принадлежит. Эту мысль выразил И. С. Кон: «Формирование личности конкретного, отдельно взятого мальчика оказывается результатом, с одной стороны, его социализации, того, как он усваивает предлагаемые ему

школьные знания, гендерные роли и навыки общения, а с другой — его осознанного и неосознанного сопротивления институциональному и групповому давлению, которое одновременно притягивает и отталкивает его. Мальчик не просто усваивает данные ему нормы, а более или менее самостоятельно выстраивает собственную маскулинность» [Кон, 2009: 128].

Исходя из высокой значимости цифровых технологий в жизни современных подростков была сформулирована гипотеза о том, что именно к Интернету как институту социализации они проявят наибольшую гендерную чувствительность. Для проверки данной гипотезы были поставлены следующие задачи: 1) определить влияние основных социальных институтов на формирование гендерной идентичности современных подростков; 2) выявить степень гендерной чувствительности цифрового поколения к основным институтам социализации; 3) установить характер отношения поколения «Z» к трансляции институтами социальных норм, традиций и ценностей: пассивное восприятие или высокая рефлексия и сознательный выбор?

Методологический смысл данного исследования в том, что оно позволяет проследить характер изменений гендерных различий подростков в условиях трансформации социальной структуры. Как справедливо отмечает Г. Г. Силласте, смена общественного строя меняет «сложившуюся ранее социальную структуру, всю систему социальных отношений в экономике, политике, духовной и социальной сферах жизнедеятельности» и вызывает неизбежные «сложные процессы адаптации личности и всех социальных групп к произошедшим изменениям социальной среды». «Трансформация социальной структуры, — пишет она, — сопровождается расширением видов и форм деятельности, способов социального взаимодействия различных групп, институтов и слоев населения, а также отношений между ними» [Силласте, 2012: 156].

Метод исследования

Авторское исследование основано на анализе 20 глубинных интервью с подростками (12 девушек, 8 юношей) в возрасте 14—17 лет из пяти школ г. Нижнего Новгорода. Критериями получения релевантной информации стали: оценка подростком значимости каждого института социализации в его жизни, осознание степени гендерной маркированности социального института и характер принятия транслируемых норм, традиций и ценностей.

Результаты исследования

Институт массмедиа. Интерес современных подростков к различным элементам популярных медиа, как и предполагалось, неоднороден. Наименее востребованными стали журналы и вообще вся прочая печатная продукция:

Я читаю журналы очень редко, предпочитаю пользоваться Интернетом. А если я и читаю журналы, то только о моде. Там изображены нежненькие, аккуратненькие, красивенькие девушки, как цветочки. Эти образы существуют в реальной жизни (девушка, 15 лет);

Информация о человеческих полах там обычно на стереотипах и строится (девушка, 16 лет).

Некоторые ребята увидели разнообразные каноны маскулинности и фемининности и дали в ряде случаев противоположную оценку:

Если я и читаю, то «Вокруг света», и все. Там было про эмансипацию женщин. Это неправильно. Есть же порядки, традиции. А эмансипация противоречит устоям консерватизма (юноша, 17 лет);

Я раньше читала журналы, где встречались самые разные образы. Отношусь к этому положительно: однообразие неинтересно. Если каждый чем-то отличается от других, так и должно быть. Есть разные мужчины, есть разные женщины (девушка, 14 лет).

Журналы представляют собой такой источник информации, в котором тема формирования гендерной идентичности особенно эксплицитна, в частности, если они ориентированы на девушек. Около половины места в большинстве популярных журналов для девушек посвящено рекламе, в основном одежды и косметики, которые также являются главной темой статей. Такие журналы, как «Твой стиль», «Bravo International for Girl», «Лиза. Girl», «Oops», предлагают обильную информацию о мальчиках и сложностях гетеросексуальных отношений.

Как тематика журналов, так и их гендерная оценка соответствуют общему мировоззрению подростков, которые, таким образом, в большей степени закрепляют свою приверженность к определенным гендерным идеалам, чем их создают.

Следующей составляющей медиаиндустрии является радио и музыкальная продукция. Как показали ответы респондентов, прослушивание музыки и радиопередач связано прежде всего с рекреацией или получением какой-либо определенной информации. Специфика представленных там образов маскулинности и фемининности, их гендерная оценка никак не отражены в представлении подростков:

Музыка помогает отвлечься, что-то решить или сделать (девушка, 14 лет);

Музыку очень люблю слушать. Слушаю те песни, которые понимаю и в которых есть смысл. Классика для покоя, рок для вздора (юноша, 16 лет).

Дж. Арнетт пишет, что прослушивание музыки является наиболее часто используемой стратегией, к которой прибегают подростки для того, чтобы справиться с переживаниями, когда они злы, тревожны или несчастны. Прослушивание музыки в уединении и размышление над текстами песен применительно к своей собственной жизни составляет часть процесса эмоциональной саморегуляции подростков [Arnett, 1995: 523].

Наиболее изученными в медиаотрасли являются кино и телевидение. Это обусловлено их высокой популярностью и, как следствие, большим влиянием на формирование взглядов и личности подростков. Г. Г. Силласте отмечает, что происходящая «переориентация СМИ, и особенно телевидения, на пропаганду больших ожиданий, красивой жизни и ее новых клише затронула не только взрослое поколение россиян, но и особенно “полоснула” по живому неустойчивому молодежному сознанию» [Силласте, 2012: 598].

Женские и мужские образы, представляемые в телевизионных программах, в большинстве случаев сильно стереотипизированы. Мужчины выглядят предприимчивыми, активными, деловыми, женщины прежде всего очень привлекательны, зависимы, заботливы. Образ женщины в отечественной рекламе,

как подчеркивает И. Н. Тартаковская, показан в двух вариантах — либо как прилежной домохозяйки, либо как сексуально-эстетического объекта, который в силу приобретения какой-то вещи становится еще неотразимей: «Если она и предстает в роли эксперта, то чаще всего эксперта в области косметики — в лучшем случае это лекарства или корм для собак и кошек. В основном же женщина предстает в рекламе как предмет потребления, не очень в этом смысле отличный от того, что она конкретно рекламирует» [Тартаковская, 1997: 72].

Большинство опрошенных подростков подметили смысловую противоположность представленных на телевидении мужских и женских образов, причем всякий раз подчеркивали, что это характеризует современную действительность:

Я смотрю ситкомы. Научные данные я могу из книжек получить, в телевизоре мне кажется это нудным... Возьмем, к примеру, сериал «Интерны». У них преподаватель Быков к доктору Черноус относится с самого начала стал плохо только из-за того, что она женщина. И у нас в медицинском лицее все говорят, что мужчины-врачи гораздо лучше, чем женщины-врачи. Получается, что это как-то отражает действительность. Я, конечно, с этим не согласна, и меня это напрягает, все же я девушка и хочу стать врачом (девушка, 15 лет);

Мои любимые каналы — это СТС, ТНТ, «Disney», иногда «Первый канал». Смотрю иногда новости, а так в основном молодежные ситкомы и мультфильмы. Даже в тех ситкомах, которые я смотрю, образы женственности и мужественности сходятся с моими представлениями. Действительно, женственная девушка — девушка нежная, воздушная. А мужчина — сильный хозяин в доме (девушка, 15 лет).

Интересно, что двое подростков обратили внимание на частое присутствие шуток, которые обычно затрагивают стереотипы о женщинах. И если юноше это казалось вполне естественным, то девушка была твердо убеждена, что они во многом выдуманы. Ниже приводятся выдержки из размышлений этих школьников:

Если смотрю развлекательные передачи, то вижу, что там много грубых шуток о женщинах. Мне, как девушке, это обидно, т. к. почти все это ложь (девушка, 16 лет);

Мне нравится «Спасибо, Ева» — это развлекательный канал. Большой акцент на девушках. Там шоу ведут в основном парни. Шутки тоже пошлые, ироничные. Я их воспринимаю несерьезно. Шутка и шутка... Конечно, они небезосновательны. Большинство шуток основано на реальности (юноша, 16 лет).

Итак, мы видим: подростки подмечают, что информация, представленная на телевидении, ориентирована на своего зрителя (мужчину или женщину). Девушки обращают внимание на некоторый сексизм в отношении женщин. И. С. Клецина указывает, что не поддаваться сексистскому воздействию средств массовой информации трудно, потому что оно осуществляется не прямо, а косвенно, исподволь. Явно никто не демонстрирует сомнений в способностях женщин, их праве на самостоятельность и независимость. Однако через книги, газеты, учебники, рекламу, телепередачи идет поток информации, соответствующей идее «истинного» предназначения женщины в обществе, заключающегося

в выполнении обслуживающих функций и материнских обязанностей [Клеци-на, 1998: 27]. Соответственно в процессе формирования гендерной идентичности подросток в данном случае является скорее реципиентом информационно-го давления, чем его субъектом.

Большую свободу в управлении гендерной идентичностью предоставляет Интернет. Исходя из ответов респондентов можно утверждать, что именно виртуальное пространство есть совокупность всех тех ресурсов, в которых так нуждаются подростки. Особенности и способы выстраивания виртуальной гендерной идентичности на примере сайта «ВКонтакте» уже были рассмотрены нами [Щекотуров, 2012]. Здесь наиболее значимым для исследования моментом является активное использование подростками ролевых форумов и сетевых ролевых игр. На этих сайтах ребята вольны выбирать любого персонажа и отыгрывать его поведение с учетом всех созданных характеристик в рамках конкретно поставленной задачи или же в контексте продолжительных социальных отношений, не имеющих заранее подготовленного финала и во многом напоминающих реальную жизнь. Проследим, как описывают свой опыт некоторые посетители подобных сайтов:

Я сижу на форуме «Симс 3». Это игра — симулятор жизни. Туда можно зайти на 15 минут, а засесть на весь день. Я там злость вымещаю, создаю знакомого и сжигаю в доме без дверей и окон, пускай горит. Я люблю сама создавать персонажей, скачивать прически, одежду, нравится придумывать им характер. Обычно создаю взрослого, подростка или вообще персонажа с нетрадиционной сексуальной ориентацией (девушка, 14 лет);

Я очень люблю «dairy.ru». Это такой сайт, где ты создаешь свой блог и пишешь. А еще я люблю ролевые форумы. Например, я играла за Ирен Адлер, за девушку Джона Ватсона, а сейчас играю за инфантильную учительницу. Ты просто спрашиваешь другого игрока, не против ли он отыграть своего персонажа. Если он соглашается, то вы начинаете отыгрывать. У вас начинаются какие-то любовные отношения. Эти взаимоотношения нетипичные, потому что она вся из себя такая классная женщина, уверенная в себе, знает, чего хочет. А он думает, что разум — это все, что надо, а чувства — это уже лишнее. И вот она пытается как-то пробить его броню, а он сопротивляется (девушка, 15 лет);

Помимо «ВКонтакте», я иногда играю в онлайн-игры. Мне нравится самому создавать ярких персонажей, например накаченных мужиков или сильных самцов-зверей. Нравится сражаться с женскими персонажами, обычно такими стройными и полубнаженными (юноша, 17 лет).

Подобные ролевые сайты позволяют школьнику перенести часть особенностей своего характера на выдуманного персонажа и отрепетировать некоторые модели поведения либо опробовать для себя совершенно незнакомый тип личности и даже пол и попытаться понять, как он может или должен себя вести. С одной стороны, это создает неплохие предпосылки для развития способности к эмпатии, умению переживать чувства других людей, с другой стороны, не всегда корректное поведение может перерасти в кибербуллинг и троллинг. Следовательно, не преследуя определенной цели воздействовать на собственную гендерную идентичность, подросток в игровой форме начинает с ней

экспериментировать, расширять границы своего представления о гендерно-соответствующем поведении.

Школа. Обширные исследования гендерной социализации в школе позволили выявить, что передача и усвоение социальных норм происходят не только благодаря беседам с учителями, но и посредством так называемого скрытого учебного плана, под которым понимается, во-первых, организация самого учреждения, включая гендерные отношения в школе, гендерную стратификацию учительской профессии; во-вторых, содержание предметов; в-третьих, стиль преподавания, опирающийся на разные способы общения с мальчиками и девочками и проявляющийся в таких моделях поведения и стилях взаимодействия, которые далеки от модели сотрудничества и партнерского стиля. Как правило, педагоги поощряют мальчиков к самовыражению и активности, а девочек — к послушанию и прилежанию, опрятному внешнему виду [Ярская-Смирнова, 2001].

Больше половины респондентов из пяти различных школ в той или иной форме сталкивались с неравным отношением к ним преподавательского состава. В первую очередь это касается тех подростков, которые в какой-то мере считают себя нестандартными, в чем-то непохожими на большинство своих сверстников. Рассмотрим наиболее очевидные случаи гендерной восприимчивости школьников:

У нас учителя считают, что все должны идти по одному пути, все должны учиться на отлично. Но так же не интересно совсем. Кто-то плохо учится, но внутри у него могут быть такие способности, о которых даже он не подозревает. Возможно, он о них знает и их развивает, а по учебе не сильно тянет. <...> Учителя говорят: «Что ты как мальчик себя ведешь? Ругаешься, ошиваешься по школе. Это же плохо, делай как девочка». Учителя, в принципе, употребляют только два слова: ты должна быть женственной, а ты должен быть мальчиком. И все, больше ничего не говорят (девушка, 14 лет);

Учителя часто делают на этом акцент, например, недавно учительница русского языка упрекала меня за небрежный почерк и при этом сказала: «Ты — девочка, должна быть аккуратной и опрятной». Меня это, конечно, задело. <...> Относятся по-разному, в основном при распределении обязанностей. Мальчики, например, переносят стулья из кабинета в кабинет, а девочки в это время парты протирают. Это как-то странно, телосложение многих девушек из моего класса намного крупнее парней, можно было бы и помяться ролями (девушка, 16 лет);

В школе такой сексизм ужасный, что получить хорошую оценку, будучи обладателем мужских «достоинств», просто невозможно. У них у всех какая-то женская солидарность, когда с ними споришь, никогда не сдадут позиции. Спорить с ними в присутствии учителя — себе дороже. Сразу выясняется, что ты мужлан, скотина и не умеешь себя вести. Учителя считают этих девочек лучше нас, самцов. Зря они так делают! <...> Девочкам в нашей школе учиться проще, потому что, если они чего-то не знают, им всегда сделают поблажку (юноша, 17 лет).

Ориентация на жесткое воспроизводство традиционных стереотипов означает, что несоответствующие им способности мальчиков и девочек будут

подавляться и это приведет к увеличению численности так называемых латентных жертв социализации. Ими становятся люди, которые не вписываются в общепринятые нормы, но которых система образования все-таки заставила эти нормы соблюдать. Такой тип социализации обозначается как гендерно-нечувствительный [Смирнова, 2005: 5]. Гендерно чувствительная социализация предполагает развитие индивидуальных задатков, способностей мальчиков и девочек, включая те, которые традиционно приписываются противоположному полу.

Друзья и значимые сверстники. В среде сверстников ребенок испытывает себя как представителя пола, «обкатывает» полученные полоролевые стереотипы и корректирует их в самостоятельном, не регламентированном взрослыми общении. Оценивая телосложение и поведение ребенка в свете своих критериев маскулинности — фемининности, гораздо более жестких, чем в семье, сверстники тем самым подтверждают, укрепляют или, наоборот, ставят под вопрос его гендерную идентичность [Кон, 2003: 230].

Авторы не преследовали цель выявить и проанализировать все возможные схемы взаимодействия в обществе сверстников, поскольку некоторые из них не соотносятся с предметом настоящего исследования и многие заслуживают самостоятельного изучения. Критериями научного поиска способов конструирования гендерной идентичности подростков в контексте их общения в кругу сверстников явились: а) осознание внешних признаков становления гендерной идентичности; б) отношение к сексуальности и ее влиянию на социальный статус школьника в своей группе; в) представления подростков о свободе самовыражения в условиях ослабления гендерной поляризации в обществе.

Операционализацией первого критерия стали вопросы, связанные с выявлением ряда факторов, которые помогают осознать наличие атрибутивных элементов гендерной идентичности. Как показывают ответы респондентов, большое значение в самоидентификации имеет одежда и индивидуальный стиль:

Мне нравятся платья, юбки, вещи, которые подчеркивают фигуру, а не те, которые создают брутальный образ. Встречают-то по одежке. Куда бы я ни пошла, мне важно подчеркнуть свою женственность (девушка, 16 лет);

Я считаю, что в обществе нужно выглядеть прилично, но отличаться чем-то от всех остальных. Чаще всего я стараюсь показать фигуру, стараюсь за ней следить, занимаюсь для этого спортом. Другими аспектами женственности являются волосы, красивые длинные волосы. Я больше забочусь о волосах... важно, чтобы были красивые, вымытые и уложенные волосы (девушка, 15 лет);

Совершенно неважно выглядеть женственно. Наоборот, я стараюсь выглядеть мужественной. Меня все в основном называют в мужском роде, потому что все привыкли уже. Не надо меня девочкой называть, плохо потом будет. Потому что я не женственная. Я не люблю, когда меня по имени называют. Мне нравится, что меня зовут Себастьяном. Меня так все и называют. Я не люблю для красоты одеваться. Одну что-нибудь и пойду на улицу (девушка, 14 лет).

Итак, мы видим два полярных мнения девушек относительно значимости внешнего выражения своего гендера. Для многих из них именно одежда и внешний облик являются определяющими факторами принятия их гендерной

идентичности обществом сверстников. В случае нежелания 14-летней девушки становиться тем, кем ей предписывает гендеризованное общество, нонконформизм находит свое проявление во внешней атрибутике пола.

Характерной особенностью разговора с юношами о способах проявления своей мужественности является сложность осознания ими предмета разговора, однозначность определения маскулинности, которая не подвергается сомнению и принимается как данность: «Я должен быть сильным, бесстрашным и никогда и ни при каких условиях не поддаваться слабостям». Задав им вопрос «Почему?», в большинстве случаев мы услышим: «Я никогда не задумывался над этим».

Несмотря на то что проблематизация маскулинности — важное средство самопознания мальчиков, побудить их рассуждать на эту тему нелегко. И. С. Кон пишет, что маскулинность для мальчика — дело святое. Они не обсуждают этих вопросов друг с другом. Их дневники, если мальчики их ведут, часто содержат указания на собственные слабости, но при этом они не подвергают сомнению нормативные критерии оценки. Сомнения в адекватности этих критериев возникают лишь у тех мальчиков, которым в этом мире неуютно и которые при всем желании не могут, а потому и не хотят им соответствовать. Но поделиться своими мыслями мальчику трудно: ему сразу же скажут, что он оправдывает собственные слабости [Кон, 2009: 340].

Возможным способом конструирования гендерной идентичности может стать утверждение себя в группе сверстников посредством демонстрации такого признака «взрослого человека», как сексуальный опыт. Рассмотрим часто встречающиеся ответы подростков на данную тему:

Я бы сказала, что после этого показывают свою мужественность мальчики, а девочки остаются все такими же. Ничего в них особенно не меняется. Мальчики стараются рассказать, похвастаться. Скорее всего они говорят: «Я уже такой взрослый, а вы все еще такие маленькие». После этого они считают себя действительно уже взрослыми, большими дяденьками (девушка, 15 лет);

Это может влиять на утверждение себя в компании в зависимости от самой компании, некоторым это просто безразлично, кому-то важно. В моей компании мальчики, имеющие сексуальный опыт, никак не круче всех остальных. На мой взгляд, сексуальная жизнь для них ничего не значит (юноша, 16 лет);

Это очень личная тема для каждого, и для меня в том числе. С друзьями на подобные темы обычно не разговариваем, иногда говорим о последствиях и все. Не вижу связи сексуального опыта с самоутверждением, хотя подслушала у парней-одноклассников, что не иметь сексуального опыта до 16 у них как бы позором считается (девушка, 16 лет).

Мнения самих подростков по этому вопросу можно свести к одному знаменателю, лишь согласившись с 16-летним юношей, что утверждение своей гендерной идентичности (в большей степени юношей, чем девушек) будет зависеть от специфики самой компании, ценностей, которые разделяют сверстники подростка. Тем не менее демонстрация сексуального опыта параллельно с утверждением себя как взрослого человека может быть рассмотрена в качестве одного из способов конструирования гендерной идентичности.

Наконец, третьим критерием определения способов конструирования гендерной идентичности в группе сверстников служит эмпирическая проверка

представлений подростков о свободе самовыражения в условиях ослабления гендерной поляризации в обществе. Под такой макросоциологической тенденцией, затрагивающей все институты общества, мы понимаем не столько исчезновение гендерных различий, сколько то, что они становятся более тонкими. С утверждением «В современном мире человек вне зависимости от своего пола вправе выбирать образование, профессию и сексуальную ориентацию» согласилось большинство участников исследования. Обратную точку зрения выразили лишь две девушки, которые, ввиду особенностей своего психосексуального развития, на себе почувствовали сложность вхождения в гетеронормативную матрицу общества. «В современном мире, если взять людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, их берут далеко не на каждую работу. Некоторым людям просто противно иметь на работе таких людей, общаться с ними. Я считаю, что не важно, кого и как человек любит, человеком-то он после этого не перестает быть», — считает первая девушка. И словно повторяет ее слова вторая девушка из другого интервью: «В России это пока не вполне возможно: в умах многих русских людей, до сих пор считающих женщин слабым полом, а гомосексуализм — психическим расстройством, еще устаревшие убеждения никак не пройдут, да и православие на этой позиции». Что касается гомосексуализма, то мнения в подростковой среде разбросаны от «Сталина на них нет» до «Нормально отношусь. У меня даже знакомые есть, иногда пересекаемся». Соответственно зависимой переменной является степень социальной, гендерной и сексуальной чувствительности к структурно-нормативным правилам жизни в обществе. Чем ниже эта чувствительность, тем более вероятно, что способ конструирования гендерной идентичности будет схож с другими такими же в одной гендерной группе. Ослабление гендерной поляризации создает больше предпосылок к повышению степени чувствительности и соответственно к вариативности путей создания и реализации своего «Я».

Семейный уклад. Как показывают результаты интервью с подростками, ребята сами способны оценить и проанализировать гендерные механизмы семейной социализации, которые отличались практически в каждом новом случае описания семейного уклада. Приведем примеры нескольких высказываний школьников:

Последние год-полтора папа во мне ценит то, что у меня руки из того места растут. Я могу много что сделать, я увлекаюсь машинами, я люблю их водить. А мама, наоборот, последнее время говорит, что мне нужно быть женственной, потому что я взрослею, нужно что-то в себе менять, становиться девочкой, а не пацанкой. Мама говорит: «Таня, тебе нужно быть пококотливей, позастенчивей, на фотографиях тебе нужно делать какую-то загадочность» (девушка, 15 лет);

Родители постоянно меня ругают за то, что я безответственная, что я иногда посуду не мою. Они хотят, чтобы я больше за собой следила. Ругают за то, что я себя веду не так, как, в их понимании, должна вести себя девушка: я обычно говорю все, что думаю. А мама говорит, что я должна быть более гибкой и подстраиваться под других (девушка, 16 лет).

Родители, особенно матери, в отношении девушек задают вполне конкретные определения фемининности, формулируют четкие критерии их

женственности, высота планки которых далеко не всегда достижима для их дочерей. Подобный уклон в сторону гендерного, а не индивидуального подхода в семейном воспитании очень часто, как показывает исследование, создает ситуации сомнения девушек в своей женственности или даже приводит к сознательному отказу от нее:

Родители постоянно говорят мне: «Ну что ты как мальчик, будь девочкой! Уберись в квартире, вымой посуду». Я что, нанималась, что ли?! Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть. Или: «Почему ты постоянно брюки носишь, почему в юбках не ходишь?!» Ну не люблю я юбки носить, не нравится мне это. Они постоянно пытаются навязать мне, что девочка должна носить юбки, платья, не любить темные цвета. А мне как раз нравятся темные цвета, брюки, и ничего не хочу менять. Не хочу быть девочкой. Родителям это не нравится (девушка, 14 лет).

«Сыновья и дочери, как и их папы и мамы, — разные и требуют к себе не “гендерного”, а индивидуального подхода. В школе это почти невозможно, а в семье обязательно», — пишет И. С. Кон [Кон, 2009: 397]. Вторым сценарием (после сомнения в собственной женственности) может стать ситуация недоверия к родительскому ядру, весомое снижение авторитета родителей на фоне роста значимости общества сверстников. Нижеследующий пример служит отличной иллюстрацией:

Всегда подчеркивалось, что я должна выглядеть женственной. Точно не помню, как это делалось, например, если чего-то хочу, то часто можно было услышать такой ответ: «Ты же девочка, значит, нет». Последнее время проблема в том, что родители придираются к моей компании. <...> Если в семье девочка родилась, то отец жестче к ней относится, как-то ограничивает гуляния, больше контроля. Года 4—5 (мнется) личные темы с родителями вообще не обсуждала. Мне и не хотелось бы обсуждать. Я как-то всегда сама справлялась. В крайних ситуациях, может, я и посоветуюсь с друзьями (девушка, 16 лет).

Что касается юношей, то их родители, со слов самих школьников, задают совершенно абстрактные координаты маскулинности либо не затрагивают эту тему вовсе, полагая, что все необходимое для мужественности уже заложено в их сыне и со временем себя проявит. Рассмотрим высказывания юношей по этому поводу:

Родители о мужских качествах не говорят, только к волосам моим придираются постоянно. Хотят, чтобы короче подстригся. А так ни маме, ни папе не важно. Разве что бывает надо что-то отнести, так сразу ко мне: «Ты же мальчик» (юноша, 16 лет);

Обычно этими разговорами занимается мать. Ее мнение по этому вопросу ограничивается тем, что я должен как можно больше есть борща и чистить то, что я обещал ей почистить. Когда я забываю что-то помыть, убрать или отремонтировать, то начинаются разговоры вроде «обещал — сделал» и все в этом духе. А с отцом у нас сообщество любителей фильма «Рембо», поэтому мы это смотрим и занимаемся спортом. Он у меня тоже brutally доминантный самец (юноша, 17 лет).

В этом вопросе родители лишь подчеркивают, что я все должен делать сам. Это самое главное (юноша, 14 лет).

Семейный уклад если не определяет конкретных способов конструирования подростками собственной гендерной идентичности, то во многом создает условия для их реализации. Специфика отношений родительского ядра, детско-родительских отношений, взаимоотношения с другими родственниками в случае расширенной семьи определенно оказывают влияние на развитие в подростке качеств мужчины или женщины, а также на усвоение и воспроизводство гендерных ролей в дальнейшей жизни [Саралиева, 2014].

Ниже представлена таблица, обобщающая результаты проведенного исследования.

Отношение подростков к основным институтам социализации

	Печатная продукция		Музыка		Кино и телевидение		Интернет		Школа		Друзья			Семья	
	ПВ	КП	ПВ	КП	ПВ	КП	ПВ	КП	ПВ	КП	ПВ	КП	ПВ	КП	
Девушки	+	-	-	-	+	-	+	+	+	-	ВП	+	+	+	+
											СС	+	-		
											ГС	+/-	+/-		
Юноши	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	ВП	-	-	+	-
											СС	-	+		
											ГС	+/-	+/-		

Примечание. + — присутствие признаков гендерной чувствительности; ПВ — пассивное восприятие социальных норм; КП — критический подход к принятию социальных норм; ВП — восприятие внешних признаков гендерной идентичности; СС — отношение к сексуальности как фактору статуса школьника; ГС — принятие свободы гендерного самовыражения.

Поколение «информационных аборигенов» демонстрирует наибольшую гендерную рефлексию информации, создаваемой в Интернете, что подтверждает гипотезу исследования. Это свидетельствует как о высокой значимости данного социального института, так и о богатом опыте использования виртуальной реальности, о ее созидательном потенциале, позволяющем подросткам искусственно, но самостоятельно разбираться в сложившихся общественных порядках. Довольно высокую гендерную чувствительность подростки проявили в контексте воздействия таких институтов социализации, как семья и школа. Примечательно, что, хотя и юноши, и девушки заметили гендерный подтекст во влиянии данных институтов, только девушки и только в семье позволяют себе продемонстрировать несогласие с предлагаемым гендерным порядком. Отсюда можно вывести два предположения: 1) девушки более внимательно подходят к формированию собственной гендерной идентичности и, как следствие, более критично относятся к окружающей их информационной среде; 2) школа является более патриархальным институтом, со строгим контролем за соблюдением гендерных норм, не позволяющим выносить на публичный дискурс вопросы относительно альтернативного воспитания и рефлексии самих подростков.

Анализ друзей и сверстников как агентов социализации показал, что они являются одним из самых сложных, противоречивых и необходимых факторов развития подростков и принятия ими собственной идентичности. Важность гендерной атрибутики в процессе выражения собственной маскулинности или фемининности отметили только девушки, в то время как большинство юношей пребывают в состоянии «маскулинного вакуума» — ни в семье, ни в школе, ни с друзьями они не поднимают вопросов своей мужественности, как следствие, некритично принимают свою гендерную роль. Однако, со слов девушек, юноши стараются подчеркнуть маскулинность с помощью сексуального опыта, что может говорить о мужском способе конструирования идентичности в подростковом возрасте. Вопрос о свободе гендерного самовыражения связан с гендерной стратификацией и зависит от социальной, гендерной и сексуальной чувствительности к структурно-нормативным правилам жизни в обществе.

В музыке ни один из опрошенных подростков не увидел какого-либо гендерного посыла. Что касается печатной продукции, кино и телевидения, то ребята проявили гендерную чувствительность к информации, но на уровне принятия к сведению, не будучи готовыми ее воспроизводить.

В завершение мы готовы сделать предположение о том, что в условиях такой институциональной альтернативы, как виртуальная реальность, изменится не только характер гендерной социализации, но и ее механизмы. Подражание и слепое впитывание гендерных норм отойдет на периферию в процессе конструирования гендерной идентичности. На первый план выйдут высокая гендерная чувствительность, экспериментирование с собственной идентичностью, обдуманый и взвешенный выбор предпочтений в выстраивании жизненного пути. И в отличие от мира реального первопроходцами в мире виртуальной социализации станут девушки: именно они проявляют наибольшую изобретательность и сообразительность, в то время как за юношами остается конформизм и адаптивность. Таковы, на наш взгляд, будут отличительные черты поколения «Z».

Библиографический список

- Клецина И. С. Гендерная социализация. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 1998. 77 с.
- Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
- Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
- Саралиева З. Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (34). С. 118—123.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012. 640 с.
- Смирнова А. В. Учимся жить в обществе: гендерный анализ школьных учебников. М.: Оолита, 2005. 68 с.
- Тартаковская И. Н. Социология пола и семьи / Междунар. ин-т «Открытое общество». Самара, 1997. 131 с.

- Щекотуров А. В. Конструирование виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте» // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 4. С. 31—43.
- Ярская-Смирнова Е. Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // *Одежда для Адама и Евы: очерки гендерных исследований / ИНИОН РАН, Саратов. гос. техн. ун-т, Центр соц. политики и гендер. исслед. М.*, 2001. С. 93—111.
- Arnett J. Adolescents' uses of media for self-socialization // *Journal of Youth and Adolescence*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 519—533.
- Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: an American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny*. New York: Broadway Publisher, 1997. 382 p.

References

- Arnett, J. (1995) Adolescents' uses of media for self-socialization, *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 24, no. 5, pp. 519—533.
- Iarskaia-Smirnova, E. R. (2001) *Gendernaia sotsializatsiia v sisteme obrazovaniia: skrytyi uchebnyi plan* [Gender socialization in the educational system: hidden curriculum], in: *Odezhdia dlia Adama i Evy: Oчерki gendernykh issledovaniĭ*, Moscow, pp. 93—111.
- Kletsina, I. S. (1998) *Gendernaia sotsializatsiia* [Gender socialization], St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. I. Gertsena.
- Kon, I. S. (2003) *Rebēnok i obshchestvo* [The child and society], Moscow: Akademiia.
- Kon, I. S. (2009) *Mal'chik — otets muzhchiny* [A boy is man's father], Moscow: Vremia.
- Saraliev, Z. H. (2014) Subinstitut roditel'stva v sovremennykh semeinykh sistemakh [Subinstitute of parenthood in the modern family systems], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 2 (34), pp. 118—123.
- Shchekoturov, A. V. (2012) Konstruirovaniie virtual'noi gendernoĭ identichnosti podrostkov na stranitsakh sotsial'noi seti "VKontakte" [The constructing of virtual gender identity of adolescents on pages of social network "VKontakte"], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 31—43.
- Sillaste, G. G. (2012) *Gendernaia sotsiologiia i rossiiskaia real'nost'* [Gender sociology and russian reality], Moscow: Alfa-M.
- Smirnova, A. V. (2005) *Uchimsia zhit' v obshchestve: Gendernyi analiz shkol'nykh uchebnikov* [Learning to live in society: Gender analyze of school textbooks], Moscow: Oolita.
- Strauss, W., Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: an American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny*, New York: Broadway Publisher.
- Tartakovskaia, I. N. (1997) *Sotsiologiia pola i sem'i* [Sociology of sex and family], Samara.

ББК 67.404.53

О. А. Васильченко

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

На основе анализа региональной статистики и правовых актов выявляются особенности использования семьями Дальнего Востока материнского капитала. Рассматривается вопрос влияния материнского капитала на демографическое состояние региона. Предложены меры совершенствования использования материнского капитала в целях повышения статуса многодетных семей и планирования демографической политики.

Ключевые слова: демография, материнский капитал, Дальний Восток, семья, политика.

O. A. Vasilchenko. The maternal capital in conditions of the Far East

In the article the author mentions a problem of decrease in the population of the country and the role of the Federal law “About additional measures of the state support of the families having children” from December, 29th, 2006 no. 256-ФЗ. Dynamics of the size change of the parent capital for the period 2007—2015 is analyzed. The author analyzes opportunities of the parent capital use on the example of the Far East Federal district, reveals peculiar features of this process. The author describes attempts to improve and broaden this law’s application sphere as well as attempts undertaken by some ministries to solve their problems using maternal capital. The author analyzes in detail statistics of the regional maternal capital on the example of subjects of the Far East and comes to the conclusion about the specificity of maternal capital payment dependent on the region. The author investigates maternal capital problems from the position of its influence on the region’s demographic condition. In conclusion measures of increase of maternal capital efficiency use in order to better the position of large families as well as improve demographic policy are offered.

Key words: demography, the maternal capital, the Far East, family, policy.

Современная Россия вынуждена решать значительное количество сложных задач, которые ставит перед ней действительность. Среди них важнейшей является преодоление демографического кризиса, который стал следствием

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 59—66

© Васильченко О. А., 2015

Васильченко Олег Алексеевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы и государственного муниципального управления, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия, Avas_77@mail.ru (Dr. Sc., Associate Professor, Head of the Department of Social Work and the State Municipal Management, Komsomolsk-na-Amure State Technical University, Komsomolsk-na-Amure, Russia).

глобальных социально-экономических трансформаций российского общества конца XX — начала XXI в. Резкое снижение народонаселения страны может сделать невыполнимыми все планы по развитию Российской Федерации, а в итоге поставить под вопрос и само существование России как государства.

На протяжении длительного периода органы власти ограничивались обсуждением этой проблемы, разрабатывали различные программы по ее решению. Например, предлагалось возместить убыль населения за счет соотечественников, переселяющихся из ближнего зарубежья. Озвучивались планы по привлечению трудовых мигрантов из стран Средней Азии, чтобы путем механического прироста возместить нехватку трудовых ресурсов. Все усилия по повышению естественного прироста российского населения заканчивались констатацией факта наличия демографического кризиса. Реальных дел на практике не осуществлялось, т. к. они не были подкреплены соответствующим финансированием.

Положительная динамика началась только после выхода Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ, который предусматривал реализацию мер, направленных на оказание помощи семьям с детьми. С целью создания условий, обеспечивающих достойный уровень жизни таких семей, предлагалось выделить им единовременной государственной субсидии в случае рождения или усыновления второго (или любого последующего) ребенка. Действие программы распространяется на 10-летний период (с 1 января 2007 г. до 31 декабря 2016 г.).

Этот закон положил основу для осуществления в стране программы материнского капитала. Всего к началу 2015 г. сертификаты на материнский капитал получили более 5,5 млн российских семей [Материнский капитал в 2015 году].

Законом не предполагается выдача средств капитала наличными, разрешается использовать его строго на определенные цели, в том числе на улучшение жилищных условий. Законодательно разрешено направлять средства материнского капитала на первоначальный взнос по ипотечному кредиту/займу или кредиту на строительство жилья; на погашение основного долга и процентов по ипотечному кредиту/займу или кредиту на строительство жилья. Главное требование к жилым помещениям — их нахождение на территории Российской Федерации. При его выполнении распорядиться сертификатом материнского капитала на покупку жилья могут даже те его владельцы, которые выехали из России в другую страну на постоянное место жительства.

Решение жилищной проблемы является одной из основных задач, стоящих перед российскими семьями. Этим и объясняется данная направленность использования материнского капитала, предусмотренная в законе. Правильность подобного подхода подтверждается практикой. Согласно данным за 2014 г., подобный способ распоряжения материнским сертификатом выбирали более 80 % его владельцев.

Размер материнского капитала каждый год возрастает с учетом инфляции. В таблице приведены размеры материнского капитала по годам с момента начала действия закона.

Динамика изменения размера материнского капитала по годам

Год	Сумма, руб.	Индексация, %
2007	250000,0	–
2008	276250,0	10,5
2009	312162,5	13,0
2010	343378,8	10,0
2011	365698,4	6,5
2012	387640,3	6,0
2013	408960,5	5,4
2014	429408,5	5,0
2015	453026,0	5,5

В последующие годы индексация размера выплат может замедлиться в связи с негативными явлениями в экономике страны. Так, 30 сентября 2014 г. в российских СМИ были озвучены предложения Минэкономразвития РФ по оптимизации бюджетных расходов на 2015 г. и плановый период 2016—2017 гг., касающиеся закрытия программы материнского капитала в 2015 г. По подсчетам Министерства, данная мера позволит сэкономить 300 млрд руб. в год. Это предложение не нашло поддержки в Правительстве РФ, и выплаты материнского капитала на 2015—2017 гг. уже запланированы в федеральном бюджете в полном объеме. Но индексация материнского капитала на 2016 и 2017 гг. будет производиться в меньших объемах — всего на 4,5 и 4,3 % соответственно, вследствие чего объем выплат превысит 500 тыс. руб. не ранее 2018 г. С учетом этого после 2015 г. покупательная способность материнского капитала будет заметно снижаться.

Закон предусматривает возможность использования материнского капитала на формирование накопительной пенсии матери. Подобное его расходование поможет неработающим матерям, имеющим нескольких детей, получать достойную пенсию. Средства материнского капитала также можно направлять на оплату получения образования одним или всеми детьми, не достигшими 25-летнего возраста, в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию: в детском саду, в музыкальной школе, в художественной школе, в высших учебных заведениях, в техникумах, а также на оплату стоимости проживания ребенка в общежитии при учебном заведении. В дополнение к этому постановлением Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 648 была предусмотрена возможность оплаты материнским капиталом услуг по присмотру и уходу за детьми в школах в группах продленного дня.

Оплата обучения за счет средств по сертификату стала очень востребованной технологией после вступления в силу с 1 января 2013 г. нового закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ. Этот закон снял существовавшие ранее ограничения на размер оплаты родителями услуг государственных и муниципальных детских садов по освоению детьми дошкольных образовательных программ и осуществлению присмотра и ухода за ними.

В субъектах Дальнего Востока проявились некоторые особенности использования материнского капитала. Так, в Амурской области за 2013 г. 860 семей направили «материнские» деньги на оплату детских садов на общую

сумму 12 млн руб. Первые документы от владельцев сертификатов подразделения Пенсионного фонда начали принимать еще в декабре 2012 г., когда только вступили в силу поправки в закон. Быстро организовать работу позволило тесное взаимодействие между специалистами Отделения Пенсионного фонда РФ по Амурской области и регионального Министерства образования и науки. Был разработан типовой договор для оплаты, подходящий как для Пенсионного фонда, так и для детских садов.

Подобная тенденция наблюдалась и в 2014 г., когда в начале года 74 семьи области обратились в Пенсионный фонд РФ с заявлениями об использовании материнского капитала на содержание ребенка в дошкольном образовательном учреждении на общую сумму более 1,3 млн руб. Связано это с тем, что в ряде населенных пунктов Приамурья резко повысилась плата за пребывание детей в детских садах.

Общие предпочтения в использовании средств материнского капитала характеризуют данные по состоянию на 1 февраля 2014 г. в Амурской области, где выдано 31 670 сертификатов, которые направлены:

- на погашение ипотечных кредитов 4629 семьями (более 1,5 млрд руб.);
- улучшение жилищных условий 4628 семьями (более 1,5 млрд руб.), в том числе на индивидуальное жилищное строительство 831 семьей (более 163,5 млн руб.);
- получение образования ребенком (детьми) 1343 семьями (более 44 млн руб.), в том числе на содержание ребенка в дошкольном образовательном учреждении 761 семьей (9,8 млн руб.);
- формирование накопительной части трудовой пенсии матери 24 семьями (3,3 млн руб.) [Амурские семьи... , 2014].

В Хабаровском крае с 2007 по февраль 2015 г. выдано 49,8 тыс. сертификатов на материнский капитал [Недетская задача... , 2015]. Примерно такая же картина распределения материнского капитала наблюдается и в других субъектах Дальневосточного федерального округа. Характеризуя предпочтения жителей Дальнего Востока, можно утверждать, что оплата образования детей, их содержания в детских учреждениях, решение жилищного вопроса являются главными проблемами для семей дальневосточников. Они вынуждены быть прагматичными в выборе приоритетов, которые заключаются в решении насущных задач, а не в прогнозировании далекого будущего, связанного с накопительной частью трудовой пенсии для матери. Жизненный опыт подсказывает людям, что пенсионная система еще не раз будет меняться и выгоднее использовать эти средства сейчас.

Периодически Правительство РФ вносит поправки в области использования материнского капитала, учитывая социально-экономическую обстановку в стране. Так, 27 января 2015 г. Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев утвердил постановление о выплате матерям в 2015 г. единовременно 20 тыс. руб. из средств материнского капитала в рамках антикризисного плана, направленного на поддержание социальной и экономической стабильности в условиях кризиса.

Закон не может предусмотреть всех особенностей жизнедеятельности семей с детьми, поэтому вполне обоснованно то, что его периодически корректируют с целью адаптации к меняющимся условиям российской действительности.

Например, 3 марта 2015 г. депутатами трех фракций Государственной думы («Единая Россия», КПРФ и «Справедливая Россия») внесен законопроект № 735475-6, предусматривающий возможность использования материнского капитала на оплату услуг частных образовательных организаций (в том числе детских садов) по присмотру и уходу за детьми, по освоению детьми образовательных программ дошкольной подготовки, дополнительных образовательных программ. Указанные направления в настоящее время активно востребованы родителями. Причина — нехватка мест в муниципальных и государственных детских учреждениях. Кроме того, программы дополнительного дошкольного образования имеют важное значение для формирования личности ребенка, развития его интеллектуальных и творческих способностей, а также успешной социализации.

Инициативы по расширению возможностей использования материнского сертификата высказывались представителями женских организаций на встречах с депутатским корпусом и сенаторами в регионах Дальнего Востока. Например, 8 ноября 2013 г. состоялась встреча члена Совета Федерации от законодательного органа государственной власти Приморского края Т. Заболотной с представительницами женского общественного движения г. Дальнегорска «За духовность, культуру и здоровье семьи». В ходе мероприятия обсуждались предложения по проекту Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации и использованию средств материнского (семейного) капитала. Участники встречи также обсудили недавно принятый в Приморье закон «О бесплатном предоставлении земельных участков для индивидуального жилищного строительства на территории Приморского края». В ходе дискуссии женщины Дальнегорска предложили дать право семьям использовать материнский капитал для оплаты подвода коммуникаций к строящемуся жилью. Прозвучала инициатива разрешить направлять материнский капитал на высокотехнологичное лечение для матери и ребенка. Выработанные женским движением предложения были переданы в Администрацию Приморского края, Законодательное собрание Приморского края и Общественную палату Российской Федерации [Заболотная, 2013].

Проявилась тенденция к попыткам министерств и ведомств решать свои задачи с помощью материнского капитала. Так, Министерство труда для повышения трудовой мобильности предлагает разрешить досрочно использовать материнский капитал гражданам, пожелавшим переехать в регионы, испытывающие нехватку трудовых ресурсов. В первую очередь подразумеваются регионы Дальнего Востока и Крайнего Севера. Полагаю, что переезд на Дальний Восток из-за «материнских» денег, которые и так получит семья через 3 года, является очень слабым стимулом, а для семей, планирующих ипотеку, данный вариант абсолютно неприемлем. Жители Дальнего Востока окажутся в положении «второсортного» населения, т. к. на них эта льгота не будет распространяться [Материнский капитал загонит россиян... , 2014].

Значительно более аргументированной и имеющей под собой логическую базу является инициатива фракции ЛДПР о введении региональных коэффициентов для материнского капитала. Авторы указанного законопроекта ссылаются на трудовое законодательство, которое предусматривает установление отдельных коэффициентов к зарплате, учитывающих местоположение гражданина.

Такие коэффициенты используются в регионах Западной и Восточной Сибири, Европейского Севера, Урала и Дальнего Востока. Они связаны с потребностью компенсации добавочных расходов и увеличением затрат труда работника, проживающего в местах с тяжелыми климатическими условиями. Авторы законопроекта предлагали закрепить законом постановление о том, что объем материнского капитала увеличивается на размер районного коэффициента к зарплате, который установлен регионом. Увеличение денежных затрат в случае принятия данного законопроекта может составить 10 млрд руб. в год [Бабухина].

Существенным подспорьем семьям с детьми является региональный материнский капитал, который выдается из средств региональных бюджетов. Введение регионального материнского капитала стало следствием выполнения регионами поручения Президента РФ Д. А. Медведева. Размер регионального материнского капитала и сроки начала действия этой программы устанавливались каждым регионом Дальнего Востока отдельно. Например, в Амурской области выплаты стали осуществляться с 1 января 2010 г. Сумма выплат составляет 250 тыс. руб. В Сахалинской области эти выплаты начали производиться с 1 января 2011 г. на основании регионального закона «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей». Сумма выплат — 150 тыс. руб. Остальные субъекты Дальневосточного округа начали такие выплаты с 1 января 2012 г.

В Республике Саха (Якутия) был принят закон «О республиканском материнском капитале “Семья”». Сумма капитала составляет 100 тыс. руб. при рождении третьего и последующих детей. Эти средства можно использовать на улучшение жилищных условий и на образование. В Камчатском крае 24 мая 2011 г. принят соответствующий закон, устанавливающий размер материнского капитала от 100 до 250 тыс. руб. В Приморском крае постановлением администрации от 20 июня 2011 г. определена сумма материнского капитала за третьего и последующих детей в размере 30 тыс. руб. В Чукотском автономном округе региональный материнский капитал составляет 100 тыс. руб. Аналогичные выплаты осуществляются в Хабаровском крае и в Магаданской области.

Приведенные данные показывают, что суммы выплат отличаются. Самую маленькую выплату установил Приморский край — 30 тыс. руб. В 2013 г. ее размер повысили до 100 тыс. руб. Размеры выплат ежегодно индексируются регионами.

На Дальнем Востоке существуют различия и в условиях предоставления выплат. Например, в Чукотском автономном округе единовременная выплата производится при исполнении третьему и последующим детям двух лет, в Сахалинской области — при рождении второго и последующих детей (для сравнения: в остальных субъектах РФ — при рождении третьего и последующих детей).

В 2011 г. дальневосточники получили 13 476 сертификатов регионального материнского капитала. В Республике Саха (Якутия) было выдано 6217 сертификатов, в Камчатском крае — 48, в Хабаровском крае — 3351, Амурской области — 385, Магаданской области — 678, Сахалинской области — 2613, Еврейской автономной области — 184.

Анализ показывает, что материальная поддержка семей способствует росту рождаемости в регионе. Например, в 2011 г. число детей возрастной группы от 0 до 4 лет увеличилось по сравнению с 2009 г. на 5822.

Материнский капитал не только несет в себе экономическую составляющую, но и служит показателем внимания государства к проблемам семьи. Поэтому полагаем, что применение материнского капитала целесообразно распространить на третьего и последующих детей. Государству выгоднее сейчас вкладывать средства в развитие своих трудовых ресурсов, чем решать эту проблему в дальнейшем за счет больших финансовых и политических затрат.

Следует отметить, что применение материнского капитала не может в полной мере решить демографическую проблему, стоящую перед Российской Федерацией. Данный капитал должен быть только частью обширной и хорошо продуманной программы по стимулированию деторождения в стране. Необходимо, чтобы эта программа включала в себя меры не только финансового характера, но и повышения социального статуса многодетных семей. Не секрет, что сейчас многодетная семья ассоциируется в обществе с семьей, имеющей финансовые проблемы. Между тем многодетная семья должна быть в почете. Только тогда можно будет говорить о решении демографической проблемы в стране.

Существует много способов финансирования демографической политики. Приоритет должен отдаваться тем регионам, где проблемы демографии стоят особенно остро. Например, если государство заинтересовано в развитии Дальнего Востока, вполне уместной будет инициатива по снижению на определенный процент подоходного налога с родителей многодетных семей в регионе или полная его отмена для конкретного размера дохода семьи (например, для дохода до 100 тыс. руб. в месяц). Подобные инициативы в отношении ограничения или отмены других видов налогов (земельный налог, налог на недвижимость и т. д.) для многодетных семей дальневосточников полностью себя оправдают.

Эту помощь надо сделать общефедеральным стандартом, имеющим свои региональные особенности. Например, в соответствии с указами Президента России (май 2012 г.) многодетным семьям положено бесплатно выделять земельные участки площадью 6—15 соток с инфраструктурой для жилищного строительства. Во всех регионах эта инициатива в том или ином виде реализуется, поэтому необходимо вывести на федеральный уровень и другие проекты поддержки многодетных семей.

Таким образом, появление материнского капитала (федерального и регионального) стало существенным фактором, способствующим решению демографической проблемы в стране. Опыт применения этой технологии поддержки семей целесообразно распространить и на семьи с тремя и более детьми. Положительные тенденции использования материнского капитала могут быть учтены органами управления при дальнейшем планировании демографической политики.

Библиографический список

- Амурские семьи — лидеры на Дальнем Востоке по оплате материнским капиталом содержания детей в дошкольных учреждениях // Знамя. 2014. 11 февраля. URL: <http://old.chkl-znamya.ru/smi/news/article?cun=1142502> (дата обращения: 20.08.2015).
- Бабухина А. Новости о материнском капитале. Депутаты за учет районного коэффициента. URL: <http://mamkapital.ru/novosti/184-deputy-za-uchet-rajonno-go-koeffitsienta.html> (дата обращения: 20.08.2015).

- Заболотная Т. Женщины Приморья выступают за расширение возможностей по использованию материнского капитала // Официальный ресурс Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 8 ноября 2013 г. URL: <http://www.council.gov.ru/press-center/news/36598/> (дата обращения: 20.08.2015).
- Материнский капитал в 2015 году // Материнский капитал. URL: <http://materinskij-kapital.ru/razmer-materinskogo-kapitala/v-2015-godu> (дата обращения: 20.08.2015).
- Материнский капитал загонит россиян на Дальний Восток // БанкИнформСервис. 28 апреля 2014 г. URL: <http://bankinform.ru/news/SingleNews.aspx?newsid=65638>. (дата обращения: 20.08.2015).
- Недетская задача: интервью с управляющим ОПФР по Хабаровскому краю И. Г. Звержевой // Российская газета. 2015. 5 февраля. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/habarovsk/news/interview/~2015/02/10/86317> (дата обращения: 20.08.2015).

References

- Amurskie sem'i — lidery na Dal'nem Vostoke po oplate materinskim kapitalom sodержaniia detei v doshkol'nykh uchrezhdeniiakh (2014) [Amur's families are the leaders of the Far East in the payment for children in kindergartens by maternal capital], *Znamia*, 11th February, available from <http://www.old.chklznamya.ru/smi/news/article?cun=1142502> (accessed 20.08.2015).
- Babukhina, A. (2013) Novosti o materinskom kapitale. Deputaty za uchët rajonnogo koëffitsienta [The news about the maternity capital. Deputies for consideration of the regional coefficient] (June 27), available from <http://www.mamkapital.ru/novosti/184-deputaty-za-uchet-rajonno-go-koëffitsienta.html> (accessed 20.08.2015).
- Materinskiĭ kapital v 2015 godu [Maternal capital in 2015], *Materinskiĭ kapital*, available from <http://www.materinskij-kapital.ru/razmer-materinskogo-kapitala/v-2015-godu> (accessed 20.08.2015).
- Materinskiĭ kapital zagonit rossiiian na Dal'nii Vostok (2014) [Maternal capital will drive the Russians to the Far East], *BankInformServis* (April 28), available from <http://www.bankinform.ru/news/SingleNews.aspx?newsid=65638> (accessed 20.08.2015).
- Nedetskaia zadacha: Interv'iu s upravliaiushchim OPRF po Khabarovskomu kraiu I. G. Zverzhevoi (2015) [The task is not for children: Interview with I. G. Zverzheeva the manager of Pension Fund of Russian Federation in Khabarovsk region], *Rossiiskaia gazeta*, 5th February, available from <http://www.pfrf.ru/branches/habarovsk/news/interview/~2015/02/10/86317> (accessed 20.08.2015).
- Zabolotnaia, T. (2013) Zhenshchiny Primor'ia vystupaiut za rasshirenie vozmozhnostei po ispol'zovaniiu materinskogo kapitala [Women of Primor'ie are speaking for the widening of an opportunities in using the maternal capital], *Ofitsial'nyĭ resurs Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniia Rossiiskoi Federatsii* (November 8), available from <http://www.council.gov.ru/press-center/news/36598/> (accessed 20.08.2015).

ББК 60.561.52

Н. Б. Гафизова, Д. И. Смирнова

ОТЦОВСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ПОЛНЫХ СЕМЬЯХ И НЕПОЛНЫХ (ВСЛЕДСТВИЕ РАЗВОДА) (На примере г. Иваново)

Рассматривается реализация роли отца с позиции оценки ее детьми. Данная роль проявляется в выполнении мужчиной воспитательной, социально-статусной, хозяйственно-бытовой, экономической, досуговой, коммуникативной функций и функции социального контроля по отношению к своим детям. Делается вывод о том, что изменение отцовской роли происходит очень медленно, а «вовлеченный отец» пока лишь образ, присутствующий в общественном сознании.

Ключевые слова: родительство, отцовство, «вовлеченное отцовство», родительские роли, маскулинность.

N. B. Gafizova, D. I. Smirnova. The fatherhood as a social phenomenon in complete and incomplete (due to divorce) families (The example of Ivanovo)

The article discusses fatherhood as a social phenomenon. The authors use the functional approach to research father's role. The realization of this role is a sum of educational, domestic, economic, communicative, leisure and social control functions in the family.

Fatherhood is characterized as a complex phenomenon formed as a result of interaction between normative societal regulations and individual attitudes emerging from father and child relationship. The experiential base of the article is the data of in-depth interviews of complete and incomplete (due to divorce) families.

The authors identify fatherhood's main characteristics, the effects of the distancing between a child and a father after the divorce, the gender differentiation and lack of generations differentiation. In conclusion the authors summarize the main results of the study and conclude that the transformation of father's role is slow and the "involved and caring father" is so far just the image present in the social consciousness.

Key words: parenthood, fatherhood, "involving fatherhood", parental roles, masculinity.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 67–77

© Гафизова Н. Б., Смирнова Д. И., 2015

Гафизова Наталья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, gafizovanb@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Смирнова Дарья Игоревна — студентка магистерской программы «Социология социальных изменений», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, dashac.93@mail.ru (student of the Master Program "Sociology of social changes", Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Понятие «родительство» включает родительское поведение, его когнитивные, эмоциональные и нормативные аспекты [Гурко, 2013а: 8]. Как отмечает социолог семьи Т. А. Гурко, наметилось четыре основных направления изучения отцовства: культурные репрезентации отцовства, вовлеченность отцов в уход за детьми и общение с ними, отцовство с точки зрения формирования личности ребенка, становление отцовской идентичности, в том числе под влиянием общения с ребенком, матерью и другими заинтересованными сторонами [Гурко, 2008: 92—96]. В рамках данной статьи мы обратимся к анализу отцовства посредством изучения содержания и формы реализации отцом родительской роли в полных семьях и семьях после развода.

Трансформация гендерных ролей в современном обществе во многом определила процесс перераспределения родительских функций: матери включаются в профессиональную трудовую деятельность, а отцы получили возможность участвовать в жизни своего ребенка (отпуск по уходу за ребенком, больничный). Так, уже в Семейном кодексе РФ (1995 г.) в качестве объекта правоотношений стало выступать не только материнство, но и родительство. Законом предусмотрена возможность предоставления материнского капитала отцу ребенка (усыновителю) в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, отмены усыновления. В 2008 г. учрежден орден «Родительская слава» для родителей, воспитывающих (воспитавших) четверых и более детей. Таким образом, объектом семейной политики в современной России выступают оба родителя [Хасбулатова, Смирнова, 2008: 13]. Произошло уравнивание в родительских правах мужчин и женщин, это стало признаваться и обществом. Так, по мере того как молодые женщины в России включаются в предпринимательство и начинают занимать руководящие должности, меняется и поведение отцов: повышается их внимание к детям. Тем не менее этот процесс происходит относительно медленно и, скорее, не массово [Гурко, 2013b: 126].

Научная рефлексия понятия «отцовство» насчитывает не одно десятилетие. В качестве предмета социологических исследований родительство и отцовство стали рассматриваться в позднесоветский период (50—80-е гг. XX в.). Советские социологи А. И. Антонов, М. С. Мацковский, В. М. Медков, Н. М. Римашевская, А. Г. Харчев и другие исследовали изменения, которые произошли в советской семье из-за активного включения женщин в экономическую и общественную жизнь, проблему распределения семейных обязанностей между членами семьи [Антонов, Медков, 1996; Изменение положения женщины и семья, 1977; Мацковский, 1989; Римашевская, Каряпетян, 1985; Харчев, 1979]. Первоначально (1950-е гг.) отцовство и отцовская роль интерпретировались в контексте традиционных гендерных установок: отец должен быть прежде всего добытчиком. Но уже в 1960-х гг. ученые начинают обращать внимание на воспитательный потенциал отца в семье, а десятилетием позже под влиянием глобальных трансформаций в обществе возникла модель «вовлеченное отцовство». Согласно этой модели, отец должен быть не только защитником и добытчиком, но и заботливым воспитателем (участвовать в играх, общении с ребенком и т. д.) [Авдеева, 2012: 95—96].

Середина 1980-х — конец 1990-х гг. отмечены усилением научного интереса к вопросам жизни семьи. Проблематика исследований была самая

разнообразная, но нечасто в качестве самостоятельных обсуждались вопросы, касающиеся содержания отцовской роли, социальных практик отцовства, государственной политики в сфере отцовства и т. д. [Звонарева, 2014: 9].

Современные исследования отцовства подчеркивают вариативность реализации отцовских функций в зависимости от базовой культуры общества, политического режима, особенностей социальной политики государства. Отцовство начинает рассматриваться через призму маскулинности и социокультурных условий ее формирования, считается, что роль отца осуществляется в процессе гендерной социализации детей, причем как мальчиков, так и девочек [Гурко, 2003: 75—77]. Исследование отцовства сквозь призму гендерного подхода позволяет увидеть связь отцовской роли с нормативной моделью маскулинности [Клецина, 2009: 31], эволюцией гендерной идеологии в государстве [Звонарева, 2014], политической мифологией и специфическими трактовками равенства полов [Хасбулатова, 2004: 309].

Вариативность современного отцовства расширяет поле научного анализа. Так, О. В. Стасенко затрагивает феномен одинокого отцовства и акцентирует внимание на том, что, хотя в настоящее время насчитывается более ста тысяч отцов-одиночек, термина «отец-одиночка» юридически не существует [Стасенко, 2010: 78—80]. Ж. В. Чернова изучает явление «отсутствующего отца», заключающееся в том, что отец, выполняя роль добытчика, становится фактически исключенным из повседневного ухода за детьми, их воспитания и заботы о них [Чернова, 2012: 108]. Как указывает И. С. Клецина, «отсутствующий отец — это отец, который практически не включен в повседневную жизнь ребенка/детей либо утратил контакт с детьми вследствие развода» [Клецина, 2009: 38].

Отметим, что проблема включенности отца в жизнь своих детей затрагивает как полные, так и неполные семьи. По данным Т. А. Гурко, отцы в среднем в 10 раз меньше времени уделяют своим детям, нежели матери. Причем это происходит не только в тех семьях, где мать не работает и полностью занимается детьми, но и там, где супруги вместе обеспечивают семью [Гурко, 2013а: 55—56].

Таким образом, как показывают проведенные исследования отечественных историков, социологов и психологов, трансформация отцовской роли — это длительный процесс. Возникшие вариации отцовства обуславливаются и изменениями стандартов маскулинности, и переменами, произошедшими в государственной социальной политике и политике по отношению к семье, и реальными демографическими процессами. Современное российское общество и государство заинтересованы в том, чтобы отцы стали более активными агентами социализации детей, а социальная дистанция между отцом и ребенком сокращалась. Такое понимание отцовства воплощается в термине «вовлеченное отцовство».

В своем исследовании мы рассматриваем отцовство как социальный феномен, в котором проявляются и взаимодействуют нормативные (дискурсивные) предписания, касающиеся социальной роли отца, и индивидуальные установки, раскрывающиеся в понимании информантами сущности роли отца в контексте описания взаимоотношений с ним. В качестве отправной точки

нашего исследования выступило понятие «отцовская роль» как участие отцов в жизни детей, связанное с выполнением мужчиной воспитательной, социально-статусной, хозяйственно-бытовой, экономической, досуговой, коммуникативной функций и функции социального контроля по отношению к своим детям. Эмпирической базой стали данные глубинного интервью, проведенного летом 2013 — весной 2014 г. среди представителей полных и неполных семей. Значимыми социально-демографическими характеристиками информантов в исследовании явились пол, состав семьи — полная/неполная, возраст. Нашими информантами выступили жители г. Иваново в возрасте от 18 до 75 лет. Опрос предполагал, что информанты должны были отрефлексировать опыт общения с собственным отцом.

Анализ реализации отцами родительских функций целесообразно начать с воспитательной функции, поскольку именно она во многом предопределяет степень и характер участия отца в жизни ребенка.

Восприятие воспитательной функции отца дифференцируется в зависимости от пола информантов. Мужчины, подразумевающие необходимость некоего образца маскулинности, были более склонны отмечать значимость отца в собственном воспитании: *Скорее всего отец сыграл большую роль в моем воспитании, ведь я, как мальчик, равнялся на него, смотрел на то, каким должен быть настоящий мужчина. Он старался передать мне какие-то жизненные навыки, интересовался моей жизнью, давал советы, подавал пример* (А. А., муж., полн., 27 лет).

Информанты, рассуждая о роли отца в воспитании, отмечали важное значение его присутствия в семье, но когда их просили конкретизировать проявления отцовского воспитания — в плане методов, способов, субъектности, то зачастую возникали трудности и все сводилось к утверждению его физического присутствия и личного примера: *Тетя сыграла большую роль в воспитании. Отец тоже занимался моим воспитанием, он же и больше повлиял на формирование моей жизненной позиции, потому что был более образованный, а мать в основном занималась хозяйством* (Н. Н., муж., полн., 71 год).

В восприятии женщин из полной семьи воспитательная роль отца предстает как менее значительная, несмотря на то что сама фигура отца наделяется важным смыслом: *Сама воспитывалась. Но папа все-таки в большей степени оказал влияние. — Н. Г., Д. С.), скорее всего своим личным примером* (Е. Е., жен., полн., 52 года). В некоторых женских интервью роль отца в воспитании оценивается как менее важная по сравнению с ролью матери, подчеркивается косвенное участие отца в воспитании девочки: *Воспитывала мама, т. к. папа учился, но я папина дочка. Чем старше, тем больше я тянусь к папе. Я стараюсь быть похожей на него, он показывает нам все личным примером* (Ю. В., жен., полн., 21 год); *Папа в основном узнавал о наших делах через маму и советы и наказания передавал тоже через нее. Но мы очень его уважали, и его мнение было для нас очень важным* (С. Ф., жен., полн., 72 года).

Рассмотрим теперь оценку воспитательной функции отца представителями неполных семей. Судя по высказываниям наших информанток, развод не только кардинально меняет формат общения между отцом и дочерью, но и обуславливает снижение воспитательного воздействия со стороны отца.

Отсутствие отца в повседневной жизни компенсируется совместным досугом с разной степенью регулярности, что в конечном счете приводит к еще большему сокращению совместно проводимого времени и способов отцовского воспитания: *Мне кажется, что папа особо никакого вклада в мое воспитание не внес. Он приучил меня к спорту. После развода мы мало общались. Он приходил, мы гуляли. Но мы все равно общались, он участвовал в моей жизни, но непосредственно воспитанием не занимался... Повлиял только тем, что я очень люблю мужчин в форме. Папа был милиционером* (А. С., жен., неполн., 19 лет); *Он вообще никак не занимался моим воспитанием, естественно, и не приучил меня ни к чему* (А. В., жен., неполн., 41 год).

В оценках мужчин прослеживаются практически те же самые тенденции, что и в оценках женщин. Но в отношениях отцов и сыновей после развода не остается места даже совместному досугу, отцы не уделяют времени ребенку и никак не компенсируют дефицит внимания: *Мама внесла больший вклад в мое воспитание. Отец внес совсем незначительный вклад. В отличие от отца она воспитывала меня всю мою жизнь* (Д. Е., муж., неполн., 21 год); *Мама всегда нас учила всему. Папа, может, и повлиял, но не могу сказать как* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *Мама повлияла, потому что папа мной не занимался* (К. С., муж., неполн., 27 лет).

Таким образом, можно заключить, что в представлениях ивановцев присутствуют определенные противоречия между нормативными ожиданиями и индивидуальным опытом. Наши информанты отмечали значимость воспитательного воздействия отца и одновременно фиксировали его дистанцированность, усиливающуюся после развода.

Обратимся теперь к анализу социально-статусной функции отца. Данная функция исследуется нами прежде всего сквозь призму восприятия отца детьми, отношения к его советам. Анализ ответов наших информантов позволяет выявить три типа восприятия отцов своими детьми: «папа-друг», «папа — муж мамы», «папа-пример». Следует отметить, что образ отца как друга в основном присущ информантам-женщинам из полных семей: *Папа для меня друг, он исключительный папа — иногда помогал мне даже больше мамы. Он всегда был примером для меня* (Н. Ф., жен., полн., 29 лет), тогда как восприятие отца преимущественно через взаимоотношения с матерью — «мамин муж» — встречается в высказываниях информантов обоего пола из неполных семей: *Мамин муж, человек, который дал мне жизнь* (Н. В., жен., неполн., 49 лет); *Мамин муж — он не участвует в моей жизни, является моим отцом формально* (Д. Е., муж., неполн., 21 год). Образ отца как пример для подражания встречается в ряде высказываний информантов-мужчин из полных семей: *Конечно, я всегда прислушивался к его словам. Он был для меня примером во всем. Не пил, не курил, не гулял, семью содержал. За советом обращался, но только в крайних случаях, потому что предпочитал справляться сам* (Н. Н., муж., полн., 71 год).

Важно отметить, что информанты из неполных семей, рефлексировав опыт взаимоотношений с отцом, высказывают негативные оценки по ряду аспектов его социально-статусной функции: *Он был неидеальным отцом: приносил деньги в семью, изредка занимался моим воспитанием* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *Я не очень многое помню из того, что он говорил. Я тут находила письма,*

которые он писал. И сейчас я отношусь к этому хорошо. Но, наверное, прислушивалась на тот момент, он старался повлиять на меня. И я за это ему благодарна (А. С., жен., неполн., 19 лет).

В целом мы видим, что в оценках детей реализация социально-статусной функции во многом коррелирует с составом семьи. Полная семья способствует более близким, дружеским отношениям отца с ребенком. Неполная приводит к формированию отстраненного образа отца — как бывшего мужа матери, биологического родителя. Таким образом, эмоциональная близость и насыщенность во взаимоотношениях отца и ребенка обусловлены совместным проживанием родителя и детей.

Анализ реализации хозяйственно-бытовой функции позволил нам установить, что традиционное гендерное разделение домашних обязанностей продолжает устойчиво воспроизводиться в ивановских семьях. В восприятии наших информантов отцовское участие зачастую сводилось к выполнению так называемой мужской работы. Информанты независимо от состава семьи и поколения свидетельствовали: *Отец занимался в основном хозяйством. Дом вела мама. Приучил меня помогать по дому* (Н. Н., муж., полн., 71 год); *Выполняет все мужские дела, занимается огородом. После инвалидности и убирается, и готовит. Приучил меня ко всем мужским обязанностям по дому* (А. Ф., муж., полн., 22 года); *Отец постоянно делал мужскую работу по дому. Меня приучил работать в огороде, вести хозяйство* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *Папа занимался только ремонтом. А меня ни к чему не приучил* (В. А., жен., неполн., 18 лет).

Активизация участия отца в ведении домашнего хозяйства и бытовой жизни связывается нашими информантами с ситуацией одинокой жизни после развода: *Папа убирал дом, готовил, т. к. жил один. Меня приучил чистить картошку, высаживать цветы* (Ю. А., жен., неполн., 33 года) — либо окончанием активной трудовой деятельности: *Когда уже был в отставке, готовил, а так, все что мужчине положено по дому, то и делал. Приучил к трудолюбию личным примером* (С. Ф., жен., полн., 72 года). Крайним вариантом выступает абсолютное неучастие отца в хозяйственно-бытовой жизнедеятельности семьи, которое отмечается представителем семьи неполной: *Не помню, делал ли он что-то, но меня он точно ни к чему не приучил* (Д. Е., муж., неполн., 21 год). Таким образом, хозяйственно-бытовая функция отца воспринималась информантами прежде всего через выполнение им традиционных мужских обязанностей по дому и приучение к ним сыновей.

Степень дистанцированности отца также существенно повлияла на оценку информантами выполнения им экономической функции. Информанты из неполных семей скорее подсознательно делали акцент на характеристике общего уровня материального благополучия семьи, не связывая напрямую этот уровень с непосредственным участием отцов: *Мне было 8 лет, и конечно же, меня все устраивало на тот момент, когда отец жил с нами. А после развода мы тоже жили хорошо* (Д. Е., муж., неполн., 21 год); *Полностью устраивало, т. к. мы жили очень хорошо. Мама постоянно бывала за границей, и у меня были самые лучшие игрушки и вещи* (Ю. А., жен., неполн., 33 года).

Информанты из полных семей высказывали скорее удовлетворительные оценки реализации экономической функции своими отцами: *Обеспечил, думаю.*

Помогал, когда уехала из дома, без средств к существованию не оставил. Конечно, квартиры не оставил, но какое-то небольшое, так сказать, наследство было (Е. Е., жен., полн., 52 года); Удовлетворен, но денег много не бывает. Всегда хочется больше (А. С., муж., полн., 42 года). Даже в ситуации, когда отец в силу тех или иных обстоятельств не принимал активного участия в материальном обеспечении ребенка, его моральное участие рассматривалось как крайне важное: Отец не смог ни обеспечить меня отдельной квартирой, ни оплатить мне образование. Но он всегда хотел сделать для нас с сестрой все, что в его силах. И пока мы жили с родителями, мы не нуждались. А образование я получил сам и квартиру тоже, но этого не получилось бы без его помощи и поддержки (А. С., муж., полн., 42 года).

Обратимся теперь к анализу функции социального контроля. Данная функция проявляется в практиках применения отцами санкций за недолжное поведение, выборе вида санкций, стремлении привить детям определенные моральные ориентиры.

Информанты из полных семей отмечали, что отцы использовали довольно мягкие, ненасильственные формы воспитательного воздействия, причем независимо от того, в отношении кого они применялись — сына или дочери: *Не наказывал. Хватало только посмотреть и все. Мы понимали сразу (Н. Н., муж., полн., 71 год); Папа наказывал. Заставлял читать книжки, ставил в угол, запрещал что-либо, проводил воспитательные беседы (А. Ф., муж., полн., 22 года); Родители не наказывали меня, проводили только воспитательные беседы (А. А., муж., полн., 27 лет).*

Обратную ситуацию мы находим в ответах информантов из неполных семей: *Отец всегда ругал меня, постоянно! (Л. Е., муж., неполн., 73 года); Да, наказывал. Ставил в угол, бил ремнем (Д. Е., муж., неполн., 21 год); Наказывал, ставил в угол, а воспитательные беседы проводила только мама. Папе это было не очень-то интересно (В. А., жен., неполн., 18 лет).* Приведенные цитаты позволяют нам косвенно судить также и том, что, возможно, подобный стиль отцовства выступает одной из причин развода.

Тенденцией современного родительства, как указывают многие социологи, является нехватка у родителей времени на общение и совместный досуг с детьми. Полнота реализации досуговой функции напрямую связана с присутствием отца в семье. Информанты из полных семей в целом позитивно характеризуют совместный досуг с отцом: *Оба были инициаторами и в детстве, и во взрослом возрасте. А так как жили вместе, то и время проводили вместе периодически (Н. Н., муж., полн., 71 год); В детстве часто гуляли, ходили куда-нибудь вместе. А сейчас уже реже, только когда или мы к ним, или родители к нам приезжают. Инициаторами мы оба являемся, как понимаете (А. А., муж., полн., 27 лет); Мы часто проводим досуг вместе с отцом, когда был в подростковом возрасте и сейчас: много гуляем, ездим на шашлыки, устраиваем посиделки. А вот когда был маленьким, проводили время реже, потому что отец много работал (А. Ф., муж., полн., 22 года).* Ситуация развода существенно меняет стиль и полноту реализации досуговой функции: *В детстве проводили время вместе постоянно, а после развода намного реже, т. к. я уже жил отдельно*

(В. Е., муж., неполн., 58 лет); *После развода мне очень не хватало времени, которое я проводил бы с отцом* (Д. Е., муж., неполн., 21 год); *Я ездила к папиным родителям в деревню, и он тоже туда приезжал. Лет до 11 примерно 2 раза в год, после только летом стали видеться* (Н. В., жен., неполн., 49 лет); *Если честно, то до развода я не очень помню это. Он часто был на работе, мы мало времени проводили вместе. А после развода время вместе проводили раза два в месяц примерно* (А. С., жен., неполн., 19 лет); *До развода не комфортно, сейчас более или менее. Мне тяжело было с ним находиться постоянно вместе, а изредка его видеть мне более комфортно* (В. А., жен., неполн., 18 лет).

В плане реализации коммуникативной функции результаты интервью позволили выявить зависимость ее оценки от совместного/раздельного проживания отца с ребенком, а также от пола ребенка. Женщины из неполных семей отмечают отсутствие контакта с отцом, фиксируют сложности и дискомфорт в общении с ним: *Да, не могла установить с ним контакт... Отношения у нас были никакие, т. к. боялась его* (Н. В., жен., неполн., 49 лет); *До развода он не интересовался ничем, мы редко разговаривали. Общение заключалось только в ругани. После развода разговариваем на отвлеченные темы и внимания вроде бы побольше* (В. А., жен., неполн., 19 лет). Важно, что информанты ощущают нехватку общения с отцом и воспринимают это как реальную проблему: *Мне очень хотелось бы и сейчас общаться с отцом, жаль, что это невозможно* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *С ним как с реальным человеком общение не очень важно. А вот отцовской поддержки не хватает. Но мне кажется, что, если бы он был жив (умер через 7 лет после развода. — Н. Г., Д. С.), мы бы уже не общались* (А. С., жен., неполн., 19 лет).

В полных семьях качество общения с отцом иное. Наши информанты отмечали большую близость, комфорт при общении с родителем. Ведущим стилем в общении, характерным для полной семьи, был стиль «отец — ребенок», т. е. вертикальный, реже «друг — друг», т. е. горизонтальный. Отметим, что стиль во многом обусловлен полом ребенка. Так, наши информантки, характеризуя свое общение с отцом, отмечали: *Мне комфортно было находиться рядом с отцом. Отношения «отец — дочь» и дружеские, но я не могла поговорить с ним обо всем* (О. Н., жен., полн., 48 лет); *Скорее «отец — дочь», ближе к дружеским, но я не могла с ним говорить обо всем* (Т. Н., жен., полн., 42 года). По мнению информантов мужского пола, общение с отцом было более равным, дружеским: *Всегда было комфортно. Отношения у нас были «отец — сын»* (Н. Н., муж., полн., 71 год); *Да, комфортно находиться рядом с отцом. В каких-то случаях «отец — сын», в каких-то дружеские* (А. Ф., муж., полн., 22 года).

В целом анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что качество реализации отцом коммуникативной функции во многом детерминируется степенью дистанцированности родителя от ребенка и гендерными различиями.

Подходя к завершению анализа результатов интервьюирования, остановимся еще на одном значимом аспекте взаимоотношений отцов и детей. Мы исходили из понимания того, что различные оценки функций, реализуемых родителем, во многом обуславливают общую оценку отца. По нашему мнению, она проявляется в такой характеристике, как «любовь — нелюбовь».

Исследование показало, что существует прямая зависимость данной характеристики от совместного или раздельного проживания: *Скорее всего любила отца. Но было к нему больше уважения и гордости за него, потому что его как человека всегда уважали* (С. Ф., жен., полн., 72 года); *Люблю отца, обожаю. А любовь к родителям я не могу разделить* (А. С., муж., полн., 42 года). В восприятии детей из неполной семьи мы видим другие оценки, происходящие преимущественно из сравнения роли отца и матери: *Любовь к отцу больше романтическая, больше связана с воспоминаниями. Мама более реальный для меня человек, который всегда помогает. Более осязаемая к маме любовь, она мне ближе* (А. С., жен., неполн., 19 лет); *Любовь к матери сильнее, чем любовь к отцу, потому что заботы от нее было больше* (Д. Е., муж., неполн., 21 год).

Однако стоит отметить, что в определении общего отношения к отцу большую роль играют сложившиеся и отрефлектированные постфактум характер отношений с отцом, степень участия в жизни ребенка матери: *Конечно, я могу сказать, что я его люблю. Папу и маму люблю одинаково, но папа ближе, потому что с мамой жила меньше* (Е. Е., жен., полн., 52 года); *С матерью более тесный контакт, с ней больше разговаривали. Но я не могу сказать, что чем-то очень отличается* (Т. Н., жен., полн., 42 года).

Подводя итоги, можно отметить следующее. Анализ материалов интервью позволил выявить значимые характеристики отцовства: эмоциональную ограниченность (прежде всего по линии «отец — дочь»), дистанцированность, усиливающуюся после развода, преимущественный акцент на использование непрямых (опосредованных матерью) методов участия в жизни семьи и ребенка, слабую реализацию хозяйственно-бытовой функции.

Проведенный опрос показал, что увеличение дистанции между ребенком и отцом после развода существенно меняет форму и качество реализации отцовской роли в сторону сокращения ее компонентов: отец менее активно участвует в процессе формирования личности ребенка, разрываются эмоциональные и коммуникативные связи, сокращается время совместного досуга, приобретают иное качество экономическая и хозяйственно-бытовая функции.

Ответы информантов позволяют судить и о слабой дифференциации по поколенческому признаку. Существенных различий в выражении отцовской роли в зависимости от возраста не было выявлено. На основании этого, полагаем, можно утверждать, что отцовская роль как производная статуса крайне медленно трансформируется в современном обществе.

Таким образом, идея «вовлеченного отцовства», подразумевающая отца как заботливого воспитателя, полноценного и равноправного партнера в семье, это по-прежнему лишь проект/запрос, который присутствует в нашем общественном сознании. Именно поэтому дальнейшее изучение отцовства во всем его многообразии представляется крайне перспективным прежде всего в плане понимания тех мер и условий, которые должны быть предприняты и созданы для того, чтобы новый, партнерский тип семьи стал для России реальностью. Полагаем, что эти позитивные перемены будут во многом зависеть от направленности государственной семейной политики и преодоления гендерных стереотипов в массовом сознании.

Библиографический список

- Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—96.
- Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.
- Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 209 с.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.
- Гурко Т. А. Актуальные проблемы родительства в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2013а. С. 55—56.
- Гурко Т. А. Качество родительства в молодых семьях: понятийный аппарат, стратегия и выборка исследования // Актуальные проблемы родительства в России / отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2013б. С. 8—28.
- Звонарева А. Е. Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 152 с.
- Изменение положения женщины и семья: сборник статей / АН СССР; Ин-т социол. исслед.; отв. ред. А. Г. Харчев. М.: Наука, 1977. 214 с.
- Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.
- Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы, теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 112 с.
- Римашевская Н. М., Карапетян С. А. Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985. 235 с.
- Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 78—82.
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. 365 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.
- Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 103—122.

References

- Avdeeva, A. V. (2012) “Vovlechennoe ottsovstvo” v sovremennoĭ Rossii [“Involving fatherhood” in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 95—96.
- Antonov, A. I., Medkov, V. M. (1996) *Sotsiologĭia sem’i* [Sociology of the family], Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Chernova, Zh. V. (2012) Semeĭnaia politika v zapadnoevropeĭskikh stranakh: modeli ottsovstva [Family policy in West European’s countries: a model of fatherhood], *Zhurnal sotsiologii i antropologii*, no. 1, pp. 103—122.
- Gurko, T. A. (2003) *Roditel’stvo: sotsiologicheskie aspekty* [Parenthood: sociological aspects], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel’stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gurko, T. A. (2013a) *Aktual’nye problemy roditel’stva v Rossii* [Actual problems of parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.

- Gurko, T. A. (2013b) Kachestvo roditel'stva v molodykh sem'iakh: poniatiinyi apparat, strategii i vyborka issledovaniia [The quality of parenthood in young families: the conceptual apparatus, sampling strategy and research], in: *Aktual'nye problemy roditel'stva v Rossii*, Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 8—28.
- Kharchev, A. G. (1979) *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Khasbulatova, O. A. (2004) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Èvoliutsiia gosudarstvennoi politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka [The evolution of the State Family policy in Russia in the XX — beginning of the XXI century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kletsina, I. S. (2009) Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniiu maskulinnosti [Fatherhood in the analytical approach to the study of masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 13, pp. 29—41.
- Matskovskii, M. S. (1989) *Sotsiologiia sem'i: Problemy, teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of the family: The problems of theory, methodology and techniques], Moscow: Nauka.
- Rimashevskaiia, N. M., Karapetian, S. A. (1985) *Sem'ia i narodnoe blagosostoianie v razvitom sotsialisticheskom obshchestve* [Family and people's welfare in the developed socialist society], Moscow: Mysl'.
- Stasenko, O. V. (2010) Odinskoe otsovstvo v sovremennom rossiiskom obshchestve: prichiny vzniknoveniia i osnovnye problemy [Lonely fatherhood in modern society: the causes and major issues], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—80.
- Zvonareva, A. E. (2014) *Sovetskoe otsovstvo: stanovlenie, konstruirovaniie i transformatsiia praktik* [Soviet fatherhood: the establishment, construction and transformation of practices], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

ББК 66.3(2Рос),15

О. В. Рябов

«РОДИНА-МАТЬ» В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Выделяются важнейшие аспекты проблемы использования образа Родины-матери в символической политике постсоветской России. Автор показывает, что материнский символ Родины включается в политику национальной идентичности, практики политической мобилизации, легитимацию и делегитимацию власти, во внешнеполитическую риторику, в демографическую и образовательную политику. Изучение данного символа представляется весьма перспективным для исследования символической политики в целом.

Ключевые слова: «Родина-мать», материнский символ, символическая политика, постсоветская Россия, национализм в России.

O. V. Riabov. The “Motherland” in the symbolic politics of the post-Soviet Russia

The article deals with the using of the symbol of the Motherland in the symbolic politics in the post-Soviet Russia. The author demonstrates that the maternal symbol of Russia is employed in the politics of the national identity, in the practices of political mobilization, in legitimation and delegitimation of power, in the rhetoric on the international relations, in politics on demography and education. This symbol serves as an important cultural and semiotic resource of power relations; political actors compete for their own interpretation of social reality with help of the “Motherland”, concurring for the right to represent her. The author points out that researching the using the maternal symbol of Russia is heuristic for studying the nature of symbolic politics in general.

Key words: the Motherland, the maternal symbol, symbolic politics, the post-Soviet Russia, Russian nationalism.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 78—95

© Рябов О. В., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Материнский образ Родины является одним из наиболее известных и древних символов России. Восходя к образу Матери-сырой земли — древнерусскому варианту Великой Богини-матери, он проходит в своем развитии ряд этапов, превращаясь в значимый элемент российской культуры, что отражается в литературе, философских концепциях и визуальной культуре. На распространенность образа Родины-матери указывает и тот факт, что он получает воплощение при помощи самых разнообразных способов визуализации: мы видим его в монументальной скульптуре и мелкой пластике, на плакате и карикатуре, на монетах и банкнотах, почтовых открытках и марках, в кинематографе и театральных постановках [Рябов, 2014b]. О значении, которое придается жителями России этому образу в наши дни, говорят данные соцопросов. Например, в ходе масштабного социологического исследования, проведенного в 2001 г. в Томской области, на вопрос «Какой монумент мог бы символизировать Россию?» (допускалось несколько вариантов ответа) наибольшее число респондентов (43,1 %) ответили — «Родина-мать»; далее шли ответы «Богородица» (13,6 %) и «Воин-освободитель» (12,5 %) [Фенько, 2002]. В 2015 г. всероссийский опрос, проведенный РОМИР, дал следующие результаты: на вопрос о том, с чем ассоциируется Родина, 26 % респондентов ответили — «с образом матери», 19 % — «с русской женщиной», а 11 % указали на образ с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» [Образ Родины... , 2015].

Примечательно, что статус сакрального в глазах многих граждан РФ получает не только Родина, но и связанные с ней символы. Так, об этом свидетельствуют возмущенная реакция российского общества на включение в 2015 г. одним американским изданием статуи «Родина-мать зовет!», установленной на Мамаевом кургане, в число «самых абсурдных зданий советской эпохи» [Рябова, Романова, 2015] или протесты общественности, вызванные нередкими попытками использования образа с плаката Тоидзе в коммерческой рекламе. Символ «Родина-мать» включается в разные типы дискурса: национальный, этнический, военный, образовательный, демографический, гендерный [Рябов, 2007]; как его символический потенциал используется в политической сфере? Я постараюсь ответить на этот вопрос, опираясь на концепт символической политики, который становится все более популярным в отечественной политологии. В первой части статьи я охарактеризую символическую политику как форму политической деятельности; во второй — предметом анализа станут причины, цели, формы, механизмы и результаты использования исследуемого символа различными политическими акторами.

Символическая политика как форма политической деятельности

В 1960—70-х гг. американский политолог М. Эдельман опубликовал работы «Символическое использование политики» и «Политика как символическое действие», заложившие концептуальную основу для исследования символической политики [Edelman, 1964, 1971]. Об истории концепта символической политики см.: [Ишменев, 2011; Поцелуев, 2012; Сукало, 2014; Ефремова, 2014]. Сегодня данное понятие отличается многослойной смысловой структурой и интерпретационным разнообразием. В российской политологии существуют

две — достаточно различающиеся между собой — интерпретации символической политики¹. Первая из них, продолжая традицию, заложенную такими западными политологами, как М. Эдельман, У. Сарцинелли, Т. Майер, делает акцент на манипулятивном и имитационном характере данной формы политики². В подобной трактовке исследуемый феномен предстает как вид эрзац-политики, целью которой является сознательное навязывание властью определенного характера властных отношений в обществе.

Более адекватной целям исследования символа Родины-матери представляется вторая интерпретация символической политики, которая опирается на понимание символического, свойственное социологии П. Бурдьё. Французский социолог ввел понятие символического капитала, существующего наряду с экономическим, социальным и культурным, а также производные от него понятия символической власти, символического насилия и символической борьбы. *Символический капитал* понимается как «власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание» [Бурдьё, 1994: 204]. Символический капитал лежит в основании *символической власти* как способности формировать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию. Согласно Бурдьё, те, у кого есть право речи и инструменты символического господства, сформировали и легитимировали свои версии мира; в частности, он рассматривает это на примере гендерного неравенства (маскулинистского доминирования), показывая, что в андроцентрической культуре господство мужчин не только производит женщин как символические объекты, но и сохраняет их в состоянии постоянной символической зависимости [Bourdieu, 2001: 63, 66] (см. подробнее: [Рябова, 2008: 87—89]). Ключевую роль в воспроизводстве социальных отношений господства играет *символическое насилие* как навязывание политическими акторами своих культурных и символических практик, внедрение в сознание граждан выгодной для себя иерархии норм и ценностей, которая со временем приобретает для массового сознания привычный, естественный характер. Поле символического производства есть микрокосм *символической борьбы* между политическими акторами за навязывание определения социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам [Бурдьё, 2007: 87—96].

Опираясь на социологию Бурдьё, немецкий политолог А. Дернер интерпретирует символическую политику в качестве стратегического использования символического капитала как постоянной борьбы за «власть наречения»,

¹ Кроме того, часть отечественных и зарубежных исследователей исходят из понимания символической политики как создания, распространения и использования символов в политических целях (напр.: [Bjola, 2000: 3]); в российской науке для обозначения подобных процессов используется иногда термин «символьная политика» (напр.: [Капицын, 2014]).

² Так, С. Поцелуев интерпретирует символическую политику как «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [Поцелуев, 1999: 62], а С. Сукало — как «технологии и практики контроля над сознанием масс посредством публичного дискурса» [Сукало, 2014: 6].

т. е. за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций. Он подчеркивает, что политико-символический акт есть не столько псевдо- и эрзац-политика, сколько незаменимый способ политического управления (см.: [Поцелуев, 2012: 47]).

Еще более расширяет объем понятия О. Малинова, рассматривая символическую политику в качестве зонтичной категории, позволяющей исследовать под разными углами широкий спектр явлений, связанных с производством и обращением смыслов [Малинова, 2013: 115—116]. Она предлагает понимать под символической политикой деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [Малинова, 2010: 8]. Исследовательница акцентирует внимание на том, что данная деятельность предполагает конкуренцию представлений, что требует изучения специфических механизмов, обуславливающих результаты такого взаимодействия: доминирование одних способов и маргинализацию других, а также трансформацию дискурсов под его влиянием [Малинова, 2012]. В отличие от первой трактовки здесь справедливо подчеркивается, что рассматривать символическую политику как форму манипулятивного воздействия элит на массы было бы упрощением: элиты, конструирующие смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, подчиняются их логике [Малинова, 2013: 13].

При таком понимании символическая политика, очевидно, представляет собой атрибут политики *per se*, будучи востребованной при всех политических режимах в каждую историческую эпоху. Однако в эпоху Модерности она получает дополнительный импульс развития, что связано с особенностями демократических способов легитимации власти, предполагающих постоянную коммуникацию по поводу объяснения и оправдания принятия политических решений [Малинова, 2010]. Фактором, существенно меняющим символическую политику сегодня, выступает глобализация: поскольку в наши дни информация служит главным фактором мгновенного формирования нового знания, то дискурсивные практики являются одним из важнейших инструментов власти [Сукало, 2014: 7].

Основным *актором* символической политики выступает государство: оно обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам особого статуса, возможности выступать от имени макрополитического сообщества на международной арене [Малинова, 2010: 9]. Среди других акторов — гражданское общество, политические партии, армия, церковь, неправительственные организации, разного рода экономические акторы, а также индивиды; в случае такого вида политики, как символическая, роль СМИ как политического актора становится особенно заметной. Заслуживает внимания понятие символических элит, к которым относят профессиональные группы и личностей, реализующих символический капитал как инструмент власти (журналисты, деятели культуры и искусства, ученые, лидеры общественных формирований, культурные референты, популярные блогеры) [Сукало, 2014: 6].

Символическая политика осуществляется на различных *уровнях*: региональном, национальном, мировом. Что касается последнего, то используется даже термин «символическая геополитика» (напр.: [Carrara, 1996]). Широкую известность получили труды, анализирующие различные формы вестцентризма, равно как и способы сопротивления культурной гегемонии Запада (Э. Саид, С. Холл, Х. Бхабха). Большое значение для исследования символической политики на мировом уровне имеют и работы, посвященные пропаганде периода холодной войны как пресловутой борьбе за «сердца и умы».

Символическая политика осуществляется в различных *направлениях* политики; в связи с этим возможно говорить о символической политике международных отношений, экономики, образования, безопасности и др.

Среди *форм* символической политики внимания заслуживает прежде всего само формирование повестки публичных дискуссий, определение их тематики. Иными словами, установление того, что именно имеет значение, а что нет. Далее, эффективной формой символической политики является категоризация³. Использование такой формы символической политики, как привлечение визуальных образов, приобретает особую эффективность сегодня, в условиях так называемого визуального/иконического поворота [Мохеу, 2008], связанного, в первую очередь, с развитием современных технических средств коммуникации, основанных на аудиовизуальных формах представления информации. Большое значение в ряду способов интерпретации реальности имеет ресемантизация, т. е. изменение значений от контекста к контексту, от практики к практике и от одной стадии практики к другой [Pedema, 2003: 41]⁴. В исследованиях феномена «изобретения традиций» была подчеркнута значимость учреждения праздников и установления памятников для легитимации такого вида сообщества, как национальное [Хобсбаум, 2000]⁵. Важной формой символической политики является политика памяти, предполагающая целенаправленную работу над интерпретацией коллективного прошлого, когда многие исторические факты переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются [Поцелуев, 2012: 48]. Наконец, существенной составляющей символической политики выступает политика идентичности, которая представляет собой деятельность политических акторов, направленную на достижение социальным сообществом чувства целостности и тождественности; она включает

³ Так, в работах, посвященных исследованию социальных наук периода холодной войны, показано, что сами категории, которые использовались для описания реальности, являются идеологически нагруженными, выступая способом выгодной одной стороне (и невыгодной другой) интерпретации происходящих событий, — и поэтому вне контекста противостояния двух сверхдержав они не могут быть поняты адекватно (напр.: [Cold War... , 2012]).

⁴ О том, как политическими акторами подвергается ресемантизации символ Родины-матери, см.: [Смирнов, 2015]. Необходимо упомянуть и используемый С. Поцелуевым термин «семантическая политика», определяемый как «инсценирование смыслов и значений политических языковых символов», которое автор считает частью «символической политики сверху», т. е. ограничивает семантическую политику усилиями власти по собственной легитимации [Поцелуев, 1999: 70].

⁵ О роли праздников в символической политике подробнее см.: [Ефремова, 2014].

в себя практики, преследующие цель создания как образов гомогенных «своих», так и репрезентаций отличающихся от них «чужих» [Малинова, 2010].

Как можно понять из предыдущего изложения, акторы символической политики оперируют не только символами; в данном случае термин «символический» не связан с наиболее привычными интерпретациями символа. В то же время обратим внимание на те, достаточно традиционно выделяемые, характеристики символа, которые обеспечивают ему особую роль в символической политике. Во-первых, как подчеркивают Р. Кобб и Ч. Элдер, символы являются шаблонами, которые избавляют человека от необходимости поиска информации и принятия самостоятельного решения [Кобб, Элдер, 2009: 131].

Во-вторых, символ может быть охарактеризован как знак, который, будучи связываемым со сферой сакрального и вызывающий потому сильную эмоциональную реакцию, имеет особое значение для индивида [Kowalewski, 1980: 441—443]. Символ в концентрированном виде заключает в себе смыслы, занимающие важнейшие места в иерархии значений⁶.

В-третьих, символы предоставляют универсальные средства коммуникации и тем самым способствуют образованию общности. Как инструменты познания и общения, они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира, а «логическая» интеграция есть условие «моральной» интеграции [Бурдые, 2007: 91]. Достижение состояния коллективной идентичности как психологической сплоченности возможно лишь в едином символическом пространстве социума [Степнова, 1998: 92—93]. Говоря об интегративной функции социального символа, Э. Коэн отмечает: «Реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности... к общему полю символов» [Cohen, 1985: 14].

Наконец, в-четвертых, символ, будучи условным знаком со множеством смыслов, по определению заключает в себе возможность для самых разнообразных интерпретаций. Как подчеркивает Коэн, «символы не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» [ibid.: 15].

Следовательно, обладая такими чертами, как многозначность, эмоциональность, сакральность, простота восприятия, интегративный потенциал, символ становится эффективным инструментом навязывания определенной интерпретации социальной реальности и потому широко используется в символической политике.

«Родина-мать» в символической политике: определение проблемного поля

«Родина-мать», для которой также характерны отмеченные выше признаки символа, выполняет соответствующие им функции. Прежде всего это *когнитивная* функция; уподобление страны матери приближает вопросы политики

⁶ В связи с особой значимостью символов П. Бергер и Т. Лукман вводят понятие символического универсума как системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности; апелляция к символическому универсуму выступает в качестве необходимого условия легитимации как способа «объяснения» и «оправдания» [Бергер, Лукман, 2001].

к повседневному опыту индивида, упрощая сложную проблему отношений гражданина и государства до понятных картин семейных отношений. Далее, это *интегративная* функция: символ Родины создает единое смысловое пространство; к тому же по своему значению он является символом природного, органичного, а потому вечного единства. *Мобилизационная* функция связана с сакральностью этого символа, которая обусловлена как особой эмоциональной нагруженностью образа матери, так и историей использования материнского символа в важнейшие моменты российской истории, особенно в период Великой Отечественной войны.

Теперь встает задача очертить проблемное поле исследования роли Родины-матери в символической политике, эскизно обозначив причины, формы, факторы, результаты использования образа различными политическими акторами.

Отметим, что в политике идентичности символ Родины активно использовался и в Российской империи, и в Советском Союзе. Для политики идентичности постсоветской России характерна острая конкуренция нескольких проектов, продвигающих собственное понимание макрополитической идентичности страны (концепции «многонационального российского народа», «российской политической нации», «русского мира», «евразийства», этнических национализмов, имперского национализма и др.), и материнский образ страны играет в них особую роль. В 1990-х гг. он в основном выступал символом идентичности, привлекаемым «народно-патриотической оппозицией», в то время как власти дистанцировались от него достаточно отчетливо [Рябов, 2007: 230—233]. В политике идентичности, проводимой в период президентства В. Путина, происходят изменения; одним из основных пунктов ее становится «призыв к тотальной консолидации» [Каспэ И., Каспэ С., 2006: 20], и среди символических стратегий власти значимую роль начинает играть поиск символов единства (например, учреждение новых праздников [Ефремова, 2014])⁷. О. Малинова справедливо заметила, что Путин, не будучи, в отличие от своего предшественника, связан принадлежностью к политико-идеологическим лагерям 1990-х гг., мог себе позволить использовать идеи и символы из репертуара «народно-патриотической оппозиции», казавшиеся абсолютно неприемлемыми «демократам» [Малинова, 2012]; важное место среди них принадлежит «Родине-матери».

Позиционирование России как матери, во-первых, предполагает постулирование органического характера связи граждан РФ и страны. Данный образ активно вовлекается в риторику различных акторов; к подобному сравнению неоднократно прибегают Путин, церковные деятели, региональные лидеры, руководители политических партий⁸. Во-вторых, Россия репрезентируется в роли

⁷ Даже медведь стараниями политтехнологов позиционируется в качестве древнего символа, объединяющего народы РФ [Рябов, 2009]; эти старания увенчались успехом, и, согласно данным уже упоминавшегося опроса 2015 г., 11 % респондентов ассоциируют Родину с медведем [Образ Родины... , 2015].

⁸ Необходимо отметить, что другими политическими акторами оспаривается правомерность подобного сравнения. В либеральном дискурсе постулируется, что уподобление отношений индивида и государства семейным отношениям несет опасность демократическим основам общества и защите гражданских прав россиян (напр.: [Покровский, 2010]). Сторонники русского этнического национализма полагают, что в современных условиях Россия — это, скорее, «Родина-дочь», которую мы призваны воспитывать, кормить, оберегать [Холмогоров, 2008].

родной матери для представителей всех этносов государства (что отмечают руководители национальных республик [Гамов, 2008]). Метафора родства, заключенная в сравнении страны с матерью, подразумевает естественную и потому неразрывную связь всех этносов РФ, тем самым превращаясь в символ российской нации в соответствии со «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Важную роль исследуемый образ сыграл в присоединении Крыма к РФ; в легитимации этого события опять-таки используется идея органического характера связи полуострова с Россией-матерью [Рябов, 2014а].

Таким образом, «Родина-мать» выступает интегрирующим фактором для российской государственности. Однако следует принимать во внимание и дезинтегрирующий потенциал данного символа. В дискурсе этнического русского национализма Россия рассматривается как мать прежде всего или даже исключительно русских, в то время как этнические «чужие» — касается ли это представителей отдельных этносов РФ или мигрантов — репрезентируются как угроза Родине-матери. Кроме того, необходимо принимать во внимание еще один возможный дезинтегрирующий эффект. Использование материнской метафоры предполагает перенос на страну и такого атрибута материнского образа, как забота. Между тем, особенно в условиях ограниченности ресурсов, государство может обвиняться в невыполнении обязательств, действительных и вымышленных, и тогда Россия маркируется как мачеха; эта метафора становится частью арсенала символической политики сторонников сепаратизма [Рябов, 2007: 126].

Возвращаясь к вопросу о том, как материнский символ используется в создании российскости, обратим внимание на такой любопытный способ связи регионов, как привлечение образа Волги-матушки, который традиционно применяется в качестве субститута России-матушки [Рябов, 2015а]. Данный образ выступает как знак не только русскости, но и российскости, например в ходе обсуждения роли реки в истории страны на специальном заседании Изборского клуба — влиятельного экспертного органа, занимающего правоконсервативные, антизападные позиции. Приведем несколько показательных цитат из выступления главы клуба А. Проханова: «Думая о Волге, я испытываю почти религиозные переживания. Потому что Волга — своеобразная богиня, которая распростерла свои воды... над огромными пространствами, над целым континентом и собрала к своему водопою множество народов. <...> Волга, собрав эти народы — и тюрков, и славян, и православных, и мусульман, когда-то и язычников, — создала уникальную волжскую цивилизацию... <...> Нужно поставить задачу создания религии Волги» [Проханов, 2014].

Следует заметить, что и в других культурах материнский символ традиционно применяется в легитимации единства государства и создании макрополитической идентичности. Так, картина В. Бугро «Родина-мать» (1883) отражает представления о Франции как о матери и колониальных народах — как о ее детях [Бугро]. В таком же контексте материнский символ нередко используется в региональной политике, способствуя легитимации включения региона в политическое целое. Этот символ позволяет репрезентировать регионы в качестве детей Родины-матери; тем самым отношения между ними представлены

не столько как правовые, сколько как естественные, органические, а потому легитимные, во-первых, и прочные, во-вторых. Образ Родины-матери широко используется в политике ирредентизма; например, сегодня идеологи румынского национализма эксплуатируют его, пытаясь оправдать свое стремление присоединить Молдавию [Соловьев, 2004]⁹.

Другой аспект включения материнского символа в региональную политику связан с конструированием региональной идентичности. Так, в советское время в столицах союзных и автономных республик устанавливались статуи, которые олицетворяли эти регионы («Мать-Грузия», «Мать-Армения», женские аллегории Башкирии и Мордовии на памятниках, посвященных вхождению этих регионов в состав России) либо Советскую Родину, но имели при этом выраженную национальную специфику («Родина-мать» в Киеве, скульптурные изображения Родины с мемориала воинам Мордовии, павшим в годы Великой Отечественной войны, установленном в Саранске [Мемориал воинам Мордовии... ; Монумент Дружбы (Уфа), 2015; Памятник «Навеки с Россией», 2014]). Благодаря этому национальные регионы выглядели как эманации Советской Родины-матери, как ее дочери, связанные родственными узами. С другой стороны, они выступали знаками региональной идентичности; образ матери включался в консолидацию собственного сообщества (что, кстати, в определенные моменты истории эксплуатировалось в центробежных тенденциях). В постсоветский период подобная визуальная политика возрождается в 2000-х, когда в Чувашии, Бурятии, Саха-Якутии, Югре устанавливаются статуи женщин, служащие аллегориями этих регионов (подробнее о монументах, изображающих женские аллегории регионов современной России, см.: [Докучаев, 2015]).

«Родина-мать» занимает важное место в военной политике: в мобилизации, пропаганде и практиках коммеморации. Материнский образ России является важным элементом репрезентаций войны в отечественной культуре. «Родина-мать» представлена в военном дискурсе как уязвимая, страдающая, взывающая о помощи, могущественная, непобедимая, сражающаяся; включение в военный дискурс женских аллегорий наций в таких значениях, заметим, распространено во многих культурах [Рябов, 2007]. Готовность к защите Родины указана в качестве одной из важнейших задач патриотического воспитания граждан РФ в принятой в 2015 г. Правительством программе [Патриотическое воспитание... , 2015]. Более значимыми сегодня являются практики коммеморации, связанные прежде всего с политикой памяти о Великой Отечественной войне. Символ Великой Победы выступает в качестве важного узлового момента современной российской идентичности; Н. Копосов даже высказал предположение о том, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения» [Korosov, 2014] как необходимого компонента формирования наций — в данном случае российской нации. Этот проект, в отличие от многих других, направленных на формирование постсоветской идентичности,

⁹ Аналогичную функцию выполняет, по-видимому, образ Матери-Латвии с почтовой марки 1920 г. Латышский график Р. Зариньш нарисовал ее вместе с тремя «дочерьми»: Видземе, Курземе и Латгалией, пытаясь тем самым легитимировать границы молодого государства, подчеркнув их «естественность» [Postal history of Latvia, 2015].

оказывается успешным, поскольку связан действительно с народной памятью, коллективным опытом страдания и победы. Как в пропаганде периода Великой Отечественной войны, так и в политике памяти о ней в послевоенную эпоху образ Родины-матери занимал очень важное место. Неудивительно, что, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2010 г., 69 % россиян назвали монумент «Родина-мать зовет!» главным символом борьбы советского народа с фашизмом [Почти 70 % россиян... , 2010]. Следует также принимать во внимание, что на многих воинских мемориалах, установленных в советское время, центральное место занимают образы Родины (или скорбящей матери, символизирующей ее); тем самым сегодня они выступают средством постоянной актуализации исследуемого образа и, помимо этого, ассоциирования его именно с войной. Кроме того, образ матери, потерявшей сына, активно используется в мемориалах, посвященных погибшим в войне в Афганистане и локальных конфликтах постсоветского периода. Продолжаются апелляции к материнскому образу страны и в сегодняшней риторике о войне, например в связи с празднованием 70-летия Великой Победы (о роли материнских образов в коммеморационных практиках современной России подробнее см.: [Тимофеев, 2015]).

Во внешнеполитической риторике традиционно эксплуатируется материнский образ России, скажем в репрезентациях политики страны в отношении славянских народов в XIX — начале XX в. Использование материнской метафоры позволяет представить российскую политику в отношении этих народов как основанную на покровительстве и бескорыстной заботе, что накладывает на Россию особые обязательства и вместе с тем дает ей особые права. Сегодня этот образ используется прежде всего в отношениях с «русским миром», что было особенно заметно во время украинского кризиса [Рябов, 2014а]. Таким образом, материнская метафора России выступает элементом ее «мягкой силы»¹⁰.

«Русская весна» 2014 г. продемонстрировала также возможности использования исследуемого символа в политической мобилизации, т. е. в процессе включения индивидов в политику, институты участия, представительства и действия. Политическая мобилизация осуществляется при помощи различных ресурсов (материальных, административных и др.), в числе которых и культурный. Мобилизационный потенциал символа Родины определяется прежде всего тем, что он позволяет перенести события политической жизни в привычный и значимый для индивида контекст семейных отношений. Свидетельствовать об этом может, например, использование образа Родины с плаката Гоидзе в 1990-х гг. в мобилизации электората «народно-патриотической оппозиции», в 2000—2010-х — сторонников коммунистов, националистов, «антимайдана», А. Навального, «Единой России» и других политических движений и организаций¹¹.

Еще одно направление символической политики, в котором исследуемый образ занимает заметное место, — легитимация власти, которая представляет

¹⁰ Я разделяю понимание «мягкой силы» как «совокупности гуманитарных ресурсов страны, которые можно реализовать при помощи набора определенных технологий» [Леонова, 2015: 88].

¹¹ Подробнее о роли «Родины-матери» в политической мобилизации см. в статье Т. Б. Рябовой в этом номере журнала.

собой процесс признания или подтверждения права политической власти на принятие и реализацию политических решений и действий [Скиперских, 2007]; при этом большое значение для процесса легитимации имеют символические формы [Кузнецова, 2003]. Власть позиционирует себя в качестве защитницы Родины-матери от внешнего врага; политическая же оппозиция нередко объявляется внутренним врагом, предателями или ее «неверными детьми». В данном случае акцентируется такая черта материнского образа, как уязвимость. Делегитимация власти при помощи материнского символа осуществляется в двух модусах: «популистском» и «либеральном». Представители левых, популистских и националистических сил используют образ Родины, страдающей от несправедливой, тиранической власти, — образ, который восходит к полемике князя Курбского с Иваном Грозным. Другой модус делегитимации характерен для политических акторов либеральной ориентации, которые стремятся деконструировать образ Родины-матери и обвиняют власти в манипуляциях массовым сознанием при помощи материнского образа (см. подробнее: [Рябов, 2015b]).

Такая форма интерпретации социальной реальности, как гендерная и демографическая политика, также предусматривает активное использование материнского символа России. Очевидно, представление о сакральности Родины-матери едва ли получило бы распространение без представления о сакральности самого материнства, поэтому этот символ неразрывно связан с идеей о том, что семья, материнство — основное предназначение женщины. Так, обращает на себя внимание характеристика феминизма как «очень опасного явления», данная патриархом Кириллом: феминистические организации, по его словам, провозглашают псевдосвободу женщин, которая в первую очередь проявляется вне брака и вне семьи. Если же, полагает патриарх, «разрушается чрезвычайно важная функция женщины в семье, то вслед за этим разрушается все — и семья, и в широком смысле — родина. Недаром мы говорим *Родина-мать*» [Слово Святейшего Патриарха Кирилла... , 2013]. Как видим, важнейший национальный символ используется для легитимации гендерного порядка: удостоверяя ценность материнства, он дискредитирует идею отказа от него¹².

Исследуемый символ привлекается в образовательную политику, будучи включенным в дошкольное воспитание и в школьные программы. Он рассматривается в качестве необходимого элемента знаний об отечественной культуре и истории, важного компонента социализации молодых граждан РФ, их гражданского и патриотического воспитания. Его использование прежде всего связано с воспитательными и образовательными практиками, посвященными Великой Отечественной войне; примером могут служить ежегодно проводимые конкурсы детских рисунков, на которых символ Родины представлен широко (см. подробнее: [«Родина-мать» в рисунках детей, 2015]).

Наконец, еще одним важным аспектом исследования проблемы является изучение результатов символической политики, предполагающее поиск ответов на ряд вопросов: насколько эффективен тот или иной способ использования «Родины-матери» для интерпретации социальной реальности; как граждане

¹² Об отношении к феминизму в контексте политики национальной идентичности см.: [Цалко, Рябова, 2010; Рябова, Романова, 2012; Riabov, Riabova, 2014].

РФ (в зависимости от их политических убеждений, пола, возраста, этноконфессиональной принадлежности, региона и др.) оценивают деятельность политических акторов, связанную с обращением к данному символу; с какой политической силой его в наибольшей степени ассоциируют; в какой степени усилия по легитимации власти, ее внутренней и внешней политики при помощи этого символа выглядят убедительными и в целом — насколько они сами ассоциируют Россию с матерью (о результатах социологического исследования, посвященного проблеме эффективности использования символа «Родина-мать», см.: [Мутаев, 2015]).

Я постарался очертить контуры проблемного поля, выделив важнейшие аспекты вопроса об использовании образа Родины-матери в символической политике постсоветской России. Проблема многоаспектна и связана с самыми различными сферами политики. Образ включается в практики политической мобилизации, в легитимацию и делегитимацию власти, в политический брендинг различных политических акторов, в демографическую, образовательную политику и др. «Родина-мать» является частью коммеморативных практик и элементом политики идентичности в современной России, прежде всего в формировании национальной, общероссийской, идентичности. Символ используется и в российском внешнеполитическом дискурсе (в первую очередь в репрезентациях событий на постсоветском пространстве и в антизападной риторике). Многозначность данного символа, его эмоциональная сила, а также многовековая традиция его вовлечения в отечественную политическую культуру делают его значимым культурно-семиотическим ресурсом властных отношений; различные политические акторы борются за выгодную для себя интерпретацию социальной реальности при помощи «Родины-матери», конкурируя за право говорить от ее имени. С этой точки зрения изучение данного символа представляется весьма перспективным для исследования символической политики в целом. В современных условиях, как справедливо отмечают многие авторы, роль культурно-символического ресурса властных отношений возрастает (напр.: [Сукало, 2014: 6]). Эффективность различных форм политики теперь во многом определяется успешностью тех интерпретационных усилий, которые их сопровождают. Однако не следует забывать о том, что, по оценке самого Бурдые, успех предлагаемого в процессе символического насилия взгляда зависит прежде всего от степени, в которой этот взгляд основан на реальности... [Бурдые, 1994: 204].

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (дата обращения: 20.10.2015).
- Бурго В.* «Родина-мать». URL: [http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/cb/William-Adolphe_Bouguereau_\(1825-1905\)_-_The_Motherland_\(1883\).jpg/220px-William-Adolphe_Bouguereau_\(1825-1905\)_-_The_Motherland_\(1883\).jpg](http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/cb/William-Adolphe_Bouguereau_(1825-1905)_-_The_Motherland_(1883).jpg/220px-William-Adolphe_Bouguereau_(1825-1905)_-_The_Motherland_(1883).jpg) (дата обращения: 20.10.2015).
- Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

- Бурдые П.* О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
- Гамов А.* Рамзан Кадыров: «Россия — это матушка родная» // Комсомольская правда. 2008. 24 сентября. URL: <http://www.kp.ru/daily/24169/380743/> (дата обращения: 20.10.2015).
- Докучаев Д. С.* «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 101—118.
- Ефремова В. Н.* Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 205 с.
- Ишменев Е. В.* Опыт изучения концепта «символической политики»: основные традиции и перспективы // Социум и власть. 2011. № 2. С. 37—41.
- Капицын В. М.* Семиотические ресурсы и политическая культура // Научный результат: сетевой научный журнал Белгородского государственного университета. Сер.: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 33—46.
- Каспэ И., Каспэ С.* Поле битвы — страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. С. 15—32.
- Кобб Р., Элдер Ч.* Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 131—145.
- Кузнецова С. В.* Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003. 22 с.
- Леонова О.* Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель = Observer. 2015. № 2. С. 80—89.
- Малинова О. Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5—28.
- Малинова О. Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8, № 4. С. 179—204.
- Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
- Мемориал воинам Мордовии, павшим в годы Великой Отечественной войны («Мать Мордовия»). Н. Томский. Саранск, 1970. URL: http://pomnite-nas.ru/img/13/201009101903100.DSC_0324.jpg (дата обращения: 20.10.2015).
- Монумент Дружбы (Уфа). 2015. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Монумент_Дружбы_\(Уфа\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Монумент_Дружбы_(Уфа)) (дата обращения: 20.10.2015).
- Мутаев У. К.* Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана: (на материале интервью) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 154—167.
- Образ Родины — в натуре / РОМИР. 29.09.2015. URL: http://romir.ru/studies/709_1442955600/ (дата обращения: 20.10.2015).
- Памятник «Навеки с Россией». 2014. URL: <http://www.gidrm.ru/navekisrossia/> (дата обращения: 20.10.2015).
- Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: программа на 2016—2020 гг. // Сайт Министерства образования и науки РФ. 03.04.2015. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D1%81/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/5371> (дата обращения: 20.10.2015).
- Покровский А.* Зачем Отечество назвали Родиной-матерью? // Новая газета. 2010. 25 апреля. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/3806.html> (дата обращения: 20.10.2015).

- Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62—75.
- Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сборник научных трудов / под ред. О. Ю. Малиновой. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17—53.
- Почти 70 % россиян считают скульптуру «Родина-мать зовёт!» главным символом борьбы с фашизмом // НТА-Приволжье. 14.04.2010. URL: <http://www.nta-np.ru/news/item/?ID=169705> (дата обращения: 20.10.2015).
- Проханов А. Волга — река русского времени // Завтра. 2014. 19 июня.
- «Родина-мать» в рисунках детей // «Родина-мать» в российской культуре. 2015. URL: https://vk.com/album-93433867_217435073 (дата обращения: 20.10.2015).
- Рябов О. В. «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В. Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195—211.
- Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014а. № 4. С. 40—50.
- Рябов О. В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014б. № 1. С. 90—113.
- Рябов О. В. «Отстоим Волгу-матушку!»: материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы // Женщина в российском обществе. 2015а. № 2. С. 11—27.
- Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015б. № 4. С. 81—100.
- Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. Гендерное измерение российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 168—183.
- Скиперских А. В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Воронеж, 2007. 46 с.
- Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с делегацией Всеукраинской общественной организации «Союз православных женщин». 09.04.2013. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2899463.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Смирнов Д. Г. К вопросу о ресемiotизации как форме символической политики: («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 119—138.
- Соловьёв С. Румыния-мать зовёт: боевик Илие Илашку ждёт освобождения соратников // Коммерсант. 2004. 14 июля (№ 126). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/489814> (дата обращения: 20.10.2015).
- Степнова Л. А. Социальная символика России // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 90—100.
- Сукало С. А. Символическая политика как технология культурного контроля массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 6—9.
- Тимофеев М. Ю. Помни о Родине-матери! Конкурирующие места памяти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 53—80.

- Фенько А. Родина-мать имени Путина — Сахарова // Коммерсант. 2002. 19 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/314556> (дата обращения: 20.10.2015).
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47—62.
- Холмогоров Е. Родина-дочь // Русский обозреватель. 2008. 19 декабря. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/1482> (дата обращения: 20.10.2015).
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.
- Vjola C. The Impact of «Symbolic Politics» on Foreign Policy during the Democratization Process: Paper Presented at the Kokkalis Graduate Student Workshop on Southern and Eastern Europe, Harvard University. Cambridge, 2000.
- Bourdieu P. *Masculine Domination*. Stanford (CA): Stanford University Press, 2001. 133 p.
- Carrara S. A geopolítica simbólica da sífilis: um ensaio de antropologia histórica // *História Ciências Saúde-Manguinhos*. 1996. Vol. 3, № 3. P. 391—408.
- Cohen A. *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge, 1985. 128 p.
- Cold War Social Science: Knowledge Production, Liberal Democracy, and Human Nature / ed. by M. Solovey, H. Cravens. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 288 p.
- Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
- Edelman M. *Politics as Symbolic Action*. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. 188 p.
- Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // *Visual Communication*. 2003. № 2. P. 29—58.
- Koposov N. Back to Yalta? Stephen Cohen and the Ukrainian crisis // *Eurozine*. 2014. September, 5. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2014-09-05-koposov-en.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Kowalewski D. The protest uses of symbolic politics in the USSR // *The Journal of Politics*. Vol. 42, № 2 (May, 1980). P. 439—460.
- Moxey K. Visual studies and the iconic turn // *Journal of Visual Culture*. 2008. Vol. 2, № 7. P. 131—146.
- Postal history of Latvia. 2015. URL: <http://latvia.jkaptein.nl/independence03.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.

References

- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge], available from http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (accessed 20.10.2015).
- Vjola, C. (2000) *The Impact of “Symbolic Politics” on Foreign Policy during the Democratization Process*: Paper presented at the Kokkalis Graduate Student Workshop on Southern and Eastern Europe, Harvard University, Cambridge.
- Bourdieu, P. (1994) *Nachala* [The origins], Moscow: Sotsio-Logos.
- Bourdieu, P. (2001) *Masculine Domination*, Stanford: Stanford University Press.
- Bourdieu, P. (2007) O simvolicheskoi vlasti [On symbolic power], in: Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*, Moscow: Institut experimental'noi sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia, pp. 87—96.
- Carrara, S. (1996) A geopolítica simbólica da sífilis: um ensaio de antropologia histórica, *História Ciências Saúde-Manguinhos*, vol. 3, no. 3, pp. 391—408.

- Cohen, A. (1985) *The Symbolic Construction of Community*, London: Routledge.
- Dokuchaev, D. S. (2015) “Dochki-materi”: zhenskie allegorii étnoregionov Rossii v postsovetско́й monumental’noï ritorike [“Daughters and mothers”: the female allegories of ethnic regions of Russia in the post-Soviet monumental rhetoric], *Labirint*, no. 4, pp. 101—118.
- Edelman, M. (1964) *The symbolic uses of politics*, Urbana: University of Illinois Press.
- Edelman, M. (1971) *Politics as symbolic action*, Chicago: Markham Publishing Company.
- Efremova, V. N. (2014) *Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii*: Dis. ... kand. polit. nauk [Federal holidays as a tool of symbolic politics in contemporary Russia: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Iedema, R. (2003) Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice, *Visual Communication*, no. 2, pp. 29—58.
- Ishmenev, E. V. (2011) Opyt izucheniia kontsepta “simvolicheskoi politiki”: osnovnye traditsii i perspektivy [Researching the concept “symbolic politics”: main traditions and perspectives], *Sotsium i vlast’*, no. 2, pp. 37—41.
- Kapitsin, V. M. (2014) Semioticheskie resursy i politicheskaiia kul’tura [Semiotic resources and political culture], *Nauchnyi resul’tat: Setevoi nauchnyi zhurnal Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsial’nye i gumanitarnye issledovaniia*, no. 1, pp. 33—46.
- Kaspè, I., Kaspè, S. (2006) Pole bitvy — strana. Nation-building i nashi nëishnbildery [Buttlefield is a country: Nation-building and our nation builders], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6, pp. 15—32.
- Kobb, R., Elder, Ch. (2009) Ispol’zovanie simvolov v politike [The political uses of symbolism], *Politicheskaiia lingvistika*, no. 3, pp. 131—145.
- Koposov, N. (2014) Back to Yalta? Stephen Cohen and the Ukrainian crisis, *Eurozine*, September 5, available from <http://www.eurozine.com/articles/2014-09-05-koposoven.html> (accessed 20.10.2015).
- Kowalewski, D. (1980) The Protest Uses of Symbolic Politics in the USSR, *The Journal of Politics*, vol. 42, no. 2 (May), pp. 439—460.
- Kuznetsova, S. V. (2003) *Pravovye i simvolicheskie aspekty legitimatsii politicheskoi vlasti v Rossii*: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [Legitimizing political power in Russia: juridical and symbolic aspects: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Saratov.
- Leonova, O. (2015) Interpretatsiia poniatiia “miagkaia sila” v nauke [Interpreting the concept “soft power” in humanities], *Obozrevatel’ = Observer*, no. 2, pp. 80—89.
- Malinova, O. Yu. (2010) Konstruirovaniie makropoliticheskoi identichnosti v postsovetско́й Rossii: simvolicheskaiia politika v transformiruiushcheisia publicnoi s’fere [Constructing macropolitical identity in the Post-Soviet Russia: symbolic politics in public space during transformation], *Politicheskaiia ékspertiza*, no. 1, pp. 5—28.
- Malinova, O. Yu. (2012) Politicheskoe ispol’zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei élitv v postsovetско́й Rossii [Political use of the past as a tool of symbolic politics: evolution of power elite discourse in the Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia ékspertiza*, vol. 8, no. 4, pp. 179—204.
- Malinova, O. Yu. (2013) *Konstruirovaniie smyslov: Issledovaniie simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [Constructing senses: Researching the symbolic politics in contemporary Russia], Moscow: INION RAN.
- Moxey, K. (2008) Visual studies and the iconic turn, *Journal of Visual Culture*, vol. 2, no. 7, pp. 131—146.
- Mutaev, U. K. (2015) Simvol Rodiny-materi glazami zhitelei Dagestana: (Na materiale interv’iu) [The symbol of the Motherland in the eyes of the inhabitants of Dagestan: (On the materials of interview)], *Labirint*, no. 4, pp. 154—167.

- Potseluev, S. P. (1999) Symvolicheskaiia politika: konstelliatsiia poniatiī dlia podkhoda k probleme [The symbolic politics: the constellation of the concept for defining the methodological approach], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 62—75.
- Potseluev, S. P. (2012) “Symvolicheskaiia politika”: k istorii kontsepta [“Symbolic politics”: to the history of the concept], in: Malinova, O. Yu. (ed.) *Symvolicheskaiia politika*, vypusk 1: Konstruirovaniie predstavleniī o proshlom kak vlastnyi resurs, Moscow, pp. 17—53.
- Riabov, O. V. (2007) “Rossiia-Matushka”: natsionalizm, gender i voīna v Rossii XX veka [“Mother Russia”: nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2009) Okhota na medvedia: o roli simvolov v politicheskoi bor’be [Bear hunting: on the role of symbols in political struggle], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 195—211.
- Riabov, O. V. (2014a) Mat’ i machekha: materinskii simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniia Kryma k Rossiiskoi Federatsii [The mother and the step-mother: the maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 40—50.
- Riabov, O. V. (2014b) “Rodina-mat’” v istorii vizual’noi kul’tury Rossii [The “Motherland” in the Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii, no. 1, pp. 90—113.
- Riabov, O. V. (2015a) “Otstoim Volgu-matushku!”: materinskii simvol reki v diskurse Stalingradskoi bitvy [“Let us defend Mother Volga!”: the maternal symbol of the river in the discourse of the Stalingrad battle], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 11—27.
- Riabov, O. V. (2015b) “Rodina-mat’” v simvolicheskoi politike perioda “Bolotnoi revoliutsii”: legitimatsiia i delegitimatsiia vlasti [The “Motherland” in the symbolic politics of the “Snow Revolution” in Russia (2011—2013): legitimizing and delegitimizing power], *Labirint*, no. 4, pp. 81—100.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2012) Gendernoe izmerenie rossiiskogo antiamerikanisma [Russian anti-Americanism: gender dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—35.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2015) “Rodina-mat’” kak kul’turno-semioticheski resurs sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma [The ‘Motherland’ as cultural and semi-otic resource in the contemporary Russian anti-Americanism], *Labirint*, no. 4, pp. 168—183.
- “Rodina-mat’” v risunkakh detei (2015) [“Motherland” in the children’s drawing], “Rodina-mat’” v rossiiskoi cul’ture, available from https://vk.com/album-93433867_217435073 (accessed 20.10.2015).
- Skiperskikh, A. V. (2007) *Mekhanizmy legitimatsii politicheskoi vlasti na postsovetskom prostranstve: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Ways of legitimising political power on post-Soviet space: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Voronezh.
- Smirnov, D. G. (2015) K voprosu o resemiotizatsii kak forme simvolicheskoi politiki: (“Rodina-mat’” v politicheskikh praktikakh sovremennoi Rossii) [Re-semiotization as a form of the symbolic politics: (The “Motherland” in political practices in contemporary Russia)], *Labirint*, no. 4, pp. 119—138.

-
- Solovei, M., Cravens, H. (eds) (2012) *Cold War Social Science: Knowledge Production, Liberal Democracy, and Human Nature*, New York: Palgrave Macmillan.
- Stepnova, L. A. (1998) Sotsial'naia simbolika Rossii [Social symbols of Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 90—100.
- Sukalo, S. A. (2014) Simvolicheskaiia politika kak tekhnologiia kul'turnogo kontroliia massovogo soznaniia [Symbolic politics as a technology of cultural control on mass consciousness], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3, pp. 6—9.
- Timofeev, M. Yu. (2015) Pomni o Rodine-materi! Konkuriruiushchie mesta pamiati [Remember the Motherland! The competing memory spaces], *Labirint*, no. 4, pp. 53—80.
- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost' i evropeiskost' skvoz' prizmu gendernykh identifikatorov [Russianness and Europeanness through the prism of gender identity markers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.

ББК 66.3(2Рос),41

А. А. Гнедаш

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРОГРАММНЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются вопросы реализации семейной политики на региональном уровне. Все субъекты РФ ранжируются в зависимости от степени соответствия таким критериям, как наличие четко выделенного структурного подразделения в исполнительном органе, занимающегося вопросами улучшения положения семей и региональной семейной политикой; проведение мероприятий, направленных на поддержку семьи, детей и родителей; наличие программ улучшения жилищного положения семей в регионе, программ финансовой и социальной помощи семьям; публикация информации об органах, программах и мероприятиях в открытом доступе на официальном сайте субъекта РФ. Подробно описываются региональные мероприятия и программы поддержки российских семей. Приводятся результаты глубинных интервью с 50 российскими семьями, проживающими в муниципальных образованиях Краснодарского края, Ростовской области и Республики Адыгея. Посредством анализа фолксонии исследуется степень включенности государственных акторов семейной политики в информационно-новостное поле, изучаются запросы семей в области семейной политики в онлайн-пространстве.

Ключевые слова: семейная политика, гендерная политика, пронатализм, материнский капитал, равенство, государственная политика, регионы РФ, программы оказания социальной поддержки и помощи российским семьям, фолксонмия, онлайн-пространство, публичная политика.

A. A. Gnedash. Family policy in the regions of modern Russia: institutional and policy aspects

This paper discusses family policy implementation at the regional level in Russia. All subjects of the Russian Federation are ranked into four groups (developed family policy, secondary development, weak, there is no or insufficient

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 96—108

© Гнедаш А. А., 2015

Исследование выполнено при финансовой помощи гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук по проекту № МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества».

Гнедаш Анна Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, anna_gnedash@inbox.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia).

information) depending on the degree of compliance with such criteria as: clearly highlighted online-information in regional family authorities for the advancement of families and regional family policy; ongoing activities in the region, aimed at the family, children and parents; programs to improve the housing situation of families in the region; programs of financial and social assistance to families; information about the programs and activities should be published in open access on the official website of the subject of the Russian Federation in the Internet. Regional activities and programs of support and assistance to Russian families are described in detail. The article presents the results of in-depth interviews with 50 Russian families living in the municipalities of the Krasnodar Territory and Rostov Region and the Republic of Adygea. Folksonomy analysis helps both to investigate the degree of state actors of family policy involvement in the field of information and news, and to examine inquiries concerning family policy posted on the Internet.

Key words: family policy, gender policy, pronatalism, maternity capital, equality, government policy, the regions of the Russian Federation, programs of social support and assistance to Russian families, folksonomy, online public policy space.

Семейную политику, проводимую в Российской Федерации в конце 2000 — начале 2010-х гг., исследователи называют пронаталистской [Гнедаш, 2014; Чернова, 2011; Ярская-Смирнова, 2010]. Поворот к пронатализму прослеживается в официальных документах и нормативно-правовых актах: Послании Президента В. В. Путина от 10 мая 2006 г., Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г., целом ряде нормативных актов, направленных на повышение уровня жизни российских семей, принятых в 2006—2010 гг., Послании Президента Д. А. Медведева от 30 ноября 2010 г. Чем данные документы и заявления отличаются от предыдущих мер семейной политики России?

Во-первых, государство признало кризисное положение семей с детьми и провозгласило поддержку материнства и детства одним из приоритетных направлений современной семейной политики: были пересмотрены размеры некоторых видов материнских и семейных пособий, а также введен комплекс новых мер, предусматривающих усиление социальной поддержки семей, имеющих детей.

Во-вторых, российская семейная политика впервые в новейшей истории стала носить открыто пронаталистский характер: ее задачей стало повышение репродуктивной нормы (стимулирование вторых и третьих рождений).

В-третьих, вводимые меры материальной поддержки были направлены в первую очередь на то, чтобы изменить «материально зависимое положение женщины» в семье с маленькими детьми и помочь ей достигнуть повышенной репродуктивной нормы; ликвидировать «ее неуверенность в завтрашнем дне в связи со страхами о будущем благополучии ребенка» и др. [Послание Президента Путина... , 2006].

В-четвертых, в президентском послании 2006 г. были изложены причины демографического спада, среди которых на первое место вышел «женский фактор», что активизировало появление публикаций в прессе с такими идеями, как «природное предназначение женщины», ее долг «перед природой и государством» и т. п.; с информацией о том, что «современные женщины хотят делать

карьеру, зарабатывать, они забыли свой долг, стали либерально относиться к разводам и незарегистрированным бракам»; с прямыми или скрытыми ссылками на то, что современное положение женщин — это «скорбные плоды многолетней (и, вероятно, бессмысленной?) борьбы за женское равноправие... эмансипационные (псевдо)достижения советского времени» [Розенхольм, Савкина, 2009].

Основания пронаталистской семейной политики в современный период

Для решения поставленных вопросов был разработан целый комплекс пронаталистских мер поддержки молодых семей и стимулирования рождения второго ребенка (в последующие годы — и третьего), которые начали осуществляться в 2007 г.: введение родового сертификата; расширение числа получателей ежемесячного пособия на ребенка в возрасте до 1,5 лет и повышение его размера; предоставление семьям, в которых родился второй ребенок, права на получение материнского (семейного) капитала; установление нового вида пособия при передаче ребенка на воспитание в семью; компенсационные выплаты родителям за содержание ребенка в дошкольном образовательном учреждении.

Реализация описанных государственных мер сопровождалась введением «новой» идеологии семейной политики через следующие федеральные и региональные мероприятия: чествование юбилеев семейной жизни публичных людей; семейные праздники, соревнования, конкурсы и акции; торжественные церемонии регистрации четвертых и пятых детей; вручение почетных дипломов родителям трех и более детей и медалей «За заслуги в воспитании детей»; организацию и торжественные всероссийские отмечания нового православного праздника День семьи, любви и верности (интересно, что выбранные персонажи — святые Петр и Феврония, покровители семьи и брака, чей супружеский союз считается образцовым, — были бездетными). Получили известность ульяновская акция «Роди патриота в День России!», краснодарский конкурс беременных женщин. Данные мероприятия направлены не только на повышение престижа семьи, но и на формирование модели нормативной семьи — семьи с детьми, при этом из поля зрения государственной семейной политики, политического дискурса исключены другие формы семьи, такие как монородительские семьи, семьи с детьми-инвалидами, семьи с детьми, в которых родители состоят в гражданском браке, вдовы семьи и т. д. Данные формы не считаются семьей и в общественном мнении. Например, в региональном центре Краснодарского края главная площадь долгое время была украшена громадным баннером с изображением родительской пары и двух детей (мальчик и девочка) со слоганом: «Семья бесценна, когда полноценна!» Автором идеи создания и размещения баннера было Управление по вопросам семьи и детства муниципального образования г. Краснодар. Этот баннер можно считать иллюстрацией основной идеи современной государственной семейной политики — политики, одобряющей только «примерные», полноценные семьи.

Принципиальным нововведением Послания Президента Д. А. Медведева (от 30 ноября 2010 г.) стал акцент в семейной политике на стимулировании рождения третьего и последующих детей [Послание Президента Медведева... , 2010]. В Послании предусматриваются: выделение земельных участков семьям, имеющим трех и более детей; дополнительные налоговые преференции многодетным семьям; поддержка просемейной социальной рекламы, популяризирующей позитивный образ трехдетной семьи.

В 2013 г. закрепление образа расширенной многодетной патриархальной семьи как нормы в российском обществе было предложено в общественном проекте Концепции государственной семейной политики на период до 2025 г. [Концепция... , 2013]. Данный проект вызвал широкий резонанс в офлайн- и онлайн-СМИ и стал предметом дискуссий о «консервативном и религиозном крене» предлагаемых направлений реализации основных задач государственной семейной политики в указанный период [Градова, 2013; Винокурова, 2013; Домчева, 2013].

Региональный уровень семейной политики: органы управления, программы и мероприятия

В настоящее время социальная поддержка молодой семьи и детей как на федеральном, так и на региональном уровне в Российской Федерации осуществляется в денежной форме (прямые и/или косвенные социальные трансферты), натуральной (организация отдыха и оздоровления детей, медицинские услуги и т. д.), в форме морального поощрения (укрепление института семьи, многодетности и т. д.).

На основе анализа программ по поддержке российских семей в разных субъектах РФ можно выделить четыре группы регионов в зависимости от уровня этой поддержки: регионы с развитой системой семейной поддержки, со средним уровнем развитости данной системы, неразвитой системой, субъекты РФ, по которым мало или нет информации о проводимой семейной политике. Критериями развитости семейной политики в регионе стали следующие параметры: наличие четко выделенного структурного подразделения в исполнительном органе субъекта РФ, занимающегося вопросами улучшения положения семей и региональной семейной политикой; проведение мероприятий, направленных на поддержку семьи, детей и родителей; наличие программ улучшения жилищного положения семей в регионе, программ финансовой и социальной помощи семьям; публикация информации об органах, программах и мероприятиях в открытом доступе на официальном сайте субъекта РФ.

На федеральном уровне в России существует ряд законов, реализующих семейную политику: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности,

по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию», Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы», распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года» и др. Все представленные законы действуют на федеральном уровне, многие из них легли в основу законов на региональном и муниципальном уровнях.

Например, в Волгоградской области существует программа обеспечения жильем молодых семей, основу которой составляет федеральная целевая программа «Жилище» на 2011—2015 гг. Подобные программы реализуются в Курганской, Нижегородской областях, Краснодарском крае. Родители в 20 субъектах России (например, в Томской, Омской и Волгоградской областях) получают материальную помощь по уходу за детьми до трех лет с 2012 г., еще в 24 субъектах РФ (например, в Краснодарском и Алтайском краях, в Республике Адыгея) трехлетний период выплаты материальной помощи по уходу за ребенком установлен с 2013 г. Детские пособия родителям, имеющим ребенка до 3 лет, в 2015 г. выплатили в Хабаровском и Пермском краях, Кабардино-Балканской и Чеченской республиках, а также в Башкортостане.

В первую группу, включающую субъекты РФ с развитой семейной политикой, вошли такие регионы, как Алтайский край, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область.

В Алтайском крае создано Управление по труду и социальной защите, реализуется ряд программ: «Демографическое развитие Алтайского края на 2008—2015 годы», «Дети Алтая», «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2011—2015 гг., «Социальная поддержка многодетных семей» на 2015—2020 гг. Подробная информация об этих программах размещена на сайте Управления [Управление Алтайского края...].

В Краснодарском крае вопросами поддержки семьи занимается Министерство социального развития и семейной политики, которое, в свою очередь, реализует такие программы, как «Всему венец семья», «Час семейного отдыха», «Кубанская семья», а также проводит творческие конкурсы: «Семья — основа общества», «Моя семья — самая дружная», «Я, ты, он, она — вместе дружная семья», «Все начинается с семьи». Подробная информация, фотоотчеты по проведению мероприятий размещены на официальном сайте Министерства [Министерство социального развития... , 2015].

В Нижегородской области поддержкой семей занимается Министерство социальной политики. Оно проводит мероприятия и реализует программы, в рамках которых существует бесплатная юридическая консультация для семей, служба сопровождения семьи и ребенка, центр помощи семьям и детям «Быть мамой». Осуществляется жилищная целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей в Нижегородской области» на период 2011—2015 гг., а также региональная программа «Под защитой семьи». Все отчеты и дополнительная информация о проделанной работе размещены на сайте Министерства [Министерство социальной политики Нижегородской области].

В Московской области для поддержки семей действует Министерство социальной защиты, которое реализует большое количество проектов и программ,

например программу «Родительская мастерская» на 2013—2014 гг., действует закон Московской области от 1 июня 2011 г. № 73/2011-ОЗ «О бесплатном предоставлении земельных участков многодетным семьям в Московской области», проводится ежегодный конкурс для молодых семей «Семья» и акция «Согреем детские сердца добротой и любовью» [Министерство социальной защиты...].

Ко второй группе регионов, характеризующейся *средним уровнем развитости семейной политики*, мы отнесли Астраханскую, Калужскую, Пензенскую области. В этих областях существуют органы, занимающиеся семейной политикой, на официальных сайтах представлены отчеты о некоторых мероприятиях, проводимых для семей.

В Астраханской области вопросы семейной политики решает Министерство социального развития и труда, на официальном сайте подробно описана программа «Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями “Право быть равным” на 2012—2014 годы», которая в настоящий момент активно действует, интересна программа для молодых семей «Все начинается с семьи». Разработана и утверждена областная целевая программа «Государственная поддержка молодой семьи на территории Астраханской области в 2010—2015 годах». Основным приоритетом программы являлась социальная поддержка семьи как ячейки общества, которая нуждается во внимании со стороны государства и общества в целом. Главной задачей программы было укрепление института семьи и принятие с этой целью комплекса мер по пропаганде здорового образа жизни, материальному стимулированию и организации мероприятий, направленных на поддержку молодых семей. Несмотря на принятые меры по поддержке молодой семьи, мероприятия, запланированные в данной программе, могут лишь частично решить проблемы, с которыми сталкивается молодая семья. Одной из таких проблем является предоставление льгот для приобретения жилья.

Министерство по делам семьи, демографической и социальной политике Калужской области осуществляет программу «Родительская академия», а также проводит тренинг «Ассоциативные игровые технологии в работе с замещающими семьями», в котором могут принимать участие все молодые люди в возрасте от 18 лет.

В Пензенской области Министерством труда, социальной защиты и демографии проводятся День семьи, День матери, конкурс «Успешная семья», реализуется программа «Дом для молодой семьи в Пензенской области» и др. Все отчеты представлены на официальном сайте Министерства [Министерство труда...].

К третьей группе регионов, в которых *семейная политика развита слабо*, относятся такие регионы, как Белгородская и Свердловская области.

В Белгородской области поддержкой семьи занимается отдел демографической политики, который входит в состав Департамента здравоохранения и социальной защиты населения. На официальном сайте представлена только целевая программа «Доступная среда на 2011—2015 годы» [Департамент здравоохранения...].

В Свердловской области Министерство социальной политики за всю историю своего существования организовало проведение только двух программ поддержки семьи «Играем всей семьей» и «Культура и традиции в семье» [Министерство социальной политики Свердловской области].

В четвертую группу входят регионы, *на официальных сайтах которых представлено крайне мало информации о реализуемой семейной политике*. К ним относятся Костромская, Курская, Тверская области. На сайтах указанных регионов нет информации об органе, реализующем семейную политику, но есть информация о мероприятиях. Например, в Курской области представлена программа «Поддержка семьи — защита ребенка» на 2011—2014 гг.; в Тверской области реализовывалась программа «Модернизация региональной системы помощи семьям с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации» на 2010—2012 гг.; в Костромской области действует программа «Детство под защитой» на 2013—2015 гг.

Семейная политика глазами реципиентов: анализ глубинных интервью

В 2015 г. в рамках проекта «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества» были проведены глубинные интервью с 50 официально зарегистрированными семьями, проживающими в Краснодарском крае, Ростовской области и Республике Адыгея. По этнической принадлежности все семьи можно характеризовать как моноэтнические русские. Семьи отбирались методом снежного кома при соответствии следующим критериям: обоим супругам должно было быть от 25 до 35 лет, место проживания — город; все супруги должны были иметь высшее образование. У трети семей-респондентов совместный совокупный доход составлял около 50 тыс. руб., у трети семей — около 40 тыс. руб., у оставшейся трети — около 30 тыс. руб. Все матери, имеющие троих детей, на данный момент не работали и находились в отпуске по уходу за ребенком (только половина из них в оплачиваемом). Все матери одного ребенка на момент интервью работали, матери двоих детей в 60 % семей работали, в 40 % — находились либо в оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком, либо искали работу. Отцы во всех семьях имели оплачиваемую работу. В бездетных семьях оба супруга работали. Количество детей в семье напрямую коррелировало с совокупным семейным доходом: у семей с тремя детьми наблюдался наименьший доход, у бездетных семей (одна пятая опрошенных семей) — наибольший доход. Абсолютно все респонденты-родители, особенно с тремя детьми, отметили проблему, связанную с нехваткой денег. В качестве причин данного обстоятельства почти все респонденты называли низкую заработную плату женщины; невостребованность женщины на рынке труда в связи с низкой конкурентоспособностью, вызванной недостаточным опытом и небольшим стажем работы из-за декретных отпусков; отсутствие времени на работу из-за рождения и воспитания детей. В целом все названные причины способствовали ухудшению материального положения семьи в обществе.

В процессе исследования стали очевидными основные тенденции, характерные для семей.

1. Особенностью является позднее заключение брака: молодые люди предпочитали создавать семью, перешагнув 25-летний рубеж и имея стабильное финансовое и социальное положение. Половина опрошенных респондентов заявили, что именно факт беременности подтолкнул будущих супругов к официальной регистрации брака, несмотря на совместное проживание в течение одного года или нескольких лет.

2. Наблюдается тенденция «отложенного родительства»: пары, вступившие в официально зарегистрированный брак, сознательно откладывали появление потомства, предпочитая после свадьбы пожить некоторое время концентрируясь на личностном развитии и создании гармоничных взаимоотношений. Молодые люди занимаются построением карьеры, обустройством совместного пространства, а также уделяют много времени активным видам досуга.

3. Решение о рождении второго ребенка у родителей, вступивших в брак в период беременности первым ребенком, как и рождение первого ребенка в уже зарегистрированном союзе, явилось тщательно обдуманным и запланированным шагом. Почти все семейные пары перед планированием беременности обращались в медицинские центры, проходили обследование, придерживались здорового образа жизни.

4. Распределение обязанностей в бездетной семье происходит на добровольной основе, каждый занимается тем делом, к которому наиболее расположен. Разделение труда обычно осуществляется на основе пола (особенно в многодетных семьях), однако такое положение не является правилом: список обязанностей мужа и жены может в любой момент измениться, подчиняясь условиям жизни (например, ввиду болезни, работы и т. д.).

5. Материальное благополучие семейных пар строится на доходах обоих супругов. Если жена доход не приносит, то вектор распределения домашних обязанностей смещается именно на женщину, что в дальнейшем, при выходе ее на работу, вызывает сложности и необходимость соблюдения гендерного контракта работающей матери. Почти все супруги придерживаются мнения, что помимо общего бюджета у каждого партнера должны быть личные деньги, которые он/она хотели бы тратить на свои увлечения, но это чаще всего не получается.

6. Современные мужчины — это не только «добытчики», но и сознательные отцы. Они с большим удовольствием проводят время с ребенком, давая возможность жене отдохнуть, причем такое проведение выходного дня не вызывает негативных эмоций.

7. Современные женщины — это не только хранительницы домашнего очага и матери, они стремятся к успеху в карьере и общественной жизни, используя декретный отпуск как возможность для саморазвития.

При ответе на вопрос об основных проблемах, с которыми сталкивается семья, абсолютно все респонденты отметили в первую очередь материальное положение семьи и жилищную проблему. Вот один из комментариев матери двоих детей: *Сейчас мы с мужем вынуждены снимать жилье для проживания,*

т. к. в настоящий момент у нас нет возможности приобрести собственное жилье, но мы стремимся к тому, чтобы в ближайшие лет пять эта проблема была решена.

Половина респондентов выделили проблему определения ребенка в детский садик, многодетная мама заметила: *У нас очень большая и дружная семья, мы не ругаемся и не ссоримся, у нас хорошо воспитаны дети, и проблем, возможно, не должно было быть. Но материальные трудности возникают постоянно. Из-за нехватки денег мы не можем позволить себе ничего лишнего и побаловать детей не всегда получается. У нас есть собственное жилье, и мы с мужем оба зарабатываем деньги, но наши дети вынуждены сидеть с бабушкой и дедушкой, т. к. на протяжении трех лет мы не можем добиться, чтобы нас взяли в садик, но мы надеемся на лучшее.*

Половина опрошенных матерей столкнулись с проблемой трудоустройства на работу, одна мама ответила так: *Мне сейчас 27 лет, у меня есть ребенок, ему два годика. Он не ходит в садик из-за нехватки мест, мои родители с удовольствием посидели бы с ним, если бы меня взяли на работу. Но всех работодателей, к которым я приходила устраиваться на работу, смущал тот факт, что я молодая мама: «Ребенок очень маленький, с кем он будет находиться, пока вы на работе? А если он заболевает?» — и т. д. После собеседования мне обещали позвонить, но так никто и не позвонил.*

Всех респондентов просили рассказать о том, какие виды социальной помощи получает семья. На данный вопрос одна пятая семей с детьми ответили, что, кроме каких-то незначительных льгот, семья ничего не получает. Одна из мам прокомментировала это так: *Наша семья, кроме ежемесячных детских, на детей больше ничего не получает; мама с тремя детьми сказала: Моя семья получила материнский капитал, также я каждый месяц получаю ежемесячные пособия на детей в размере около 800 руб., но разве это помощь от государства.*

Семьи, у которых нет в настоящее время детей, говорили о том, что льготы от государства они не получают: *На данный момент на себе поддержку со стороны государства мы не ощущаем, никаких льгот от государственных органов наша семья не получает. Может, в дальнейшем, когда в нашей семье появятся дети, государство предпримет меры по поддержке нашей семьи.*

На вопрос «Какие учреждения социальной сферы и какие специалисты оказывают социальную помощь и поддержку Вашей семье?» абсолютно все семьи ответили, что на данный момент они не получают никакой поддержки от учреждений социальной сферы.

При ответе на вопрос «Какие бы Вы хотели получать льготы от государства?» респонденты, которые имели детей, говорили: *Я бы хотела получать льготы на питание, транспорт, лечение и отдых детей, т. к. без помощи государства очень тяжело воплотить все это самостоятельно; многодетная мама ответила так: Наша семья большая, мы с мужем не можем в полном объеме дать все самое лучшее своим детям. Мы были бы очень рады любой помощи со стороны государства, как материальной, так и не материальной, т. к.*

на сегодняшний день, кроме материнского капитала и пособий на детей, наша семья от государства ничего не получала.

Половина семей с детьми выделили проблемы их семейного воспитания, отметили неравномерную степень участия работающих родителей в воспитании ребенка, говорили о расхождении своей позиции в вопросах воспитания детей с правилами в детских дошкольных и образовательных учреждениях.

Для решения проблем, с которыми сталкивается современная российская семья, можно выделить следующие направления:

- развитие законодательной базы государственной семейной политики,
- взаимодействие государства с неправительственными организациями — субъектами семейной политики,
- развитие социального обслуживания семей с детьми,
- разработка механизмов реализации семейной политики,
- развитие социокультурной политики в отношении семей.

Семейная политика в онлайн-пространстве постинформационного общества: между ожиданиями и предпочтениями

С помощью сайта *hashtagify.me* мы исследовали включенность семей и акторов семейной политики в поле «семейная политика», задавая запрос на частоту и популярность хештега #семья среди пользователей Twitter. Наибольшую корреляцию с хештегом #семья имеют хештеги #дети, #женщина (пользователи чаще всего маркируют текст с хештегом #семья хештегами #дети, #женщина). Основными источниками сообщений, содержащих вышеперечисленные хештеги, являются представительства СМИ в платформе Twitter, такие как «Lifenews», «Вести», «Комсомольская правда».

По данным ресурса *tagboard.com* [Сайт проекта tagboard], частота публикаций сообщений, содержащих хештег #семья, порядка 28 в минуту: 40 % сообщений носят позитивную окраску, 60 % — нейтральную, 0 % — негативную. Частота публикаций сообщений, содержащих хештег #дети, порядка 65 в час: 13 % сообщений носят позитивную окраску, 87 % — нейтральную, 0 % — негативную. Частота публикаций сообщений, содержащих хештег #женщина, порядка 14 в час: 21 % сообщений носит позитивную окраску, 78 % — нейтральную, 1 % — негативную.

Рассматривая базовые ключевые слова в области семейной политики РФ (такие как «материнский капитал», «многодетная семья», «родители», «декретные», «родители и дети», «аборты», «образование», «разводы» и т. д.), можно прийти к следующим выводам.

1. Несмотря на то что основной управляющий государственный элемент в сфере семейной политики РФ — Министерство труда и социального развития (через Департамент демографической политики и социальной защиты населения) имеет аккаунт в социальных платформах, в том числе и Twitter [Официальный Twitter...] (непосредственно хештег #минтруд используется в сообщениях, частота появления которых составляет четыре сообщения в день), при анализе вышеперечисленных хештегов он не был обнаружен в качестве

источника сообщений, касающихся семейной политики, в онлайн-пространстве. Сообщения, связанные с семейной политикой РФ, в целом продуцируются либо медийными лицами (Вера Брежнева, Михаил Галустян), либо онлайн-СМИ или отдельными пользователями.

2. Хештег #аборт появляется в сообщениях, частота которых порядка одного в минуту, а хештег #стопаборт — с частотой порядка пяти сообщений в минуту.

3. Следует отметить выявленную связь использования хештега #материнский капитал (порядка 11 сообщений в день) и хештегов #мфо (микрофинансовая организация), #займ, #кредит, что свидетельствует о многочисленных случаях мошенничества с материнским капиталом в онлайн-пространстве и необходимости проведения мероприятий, направленных на повышение уровня информированности граждан о возможностях использования материнского капитала, официальными источниками через социальные сервисы онлайн-пространства.

Заключение

Анализ положения семей на современном этапе позволяет сделать вывод о том, что семья в процессе жизнедеятельности может сталкиваться, с одной стороны, с проблемами, связанными с развитием систем здравоохранения, занятости, образования, культуры, с положением на рынке жилья и функционированием государственных структур, с другой стороны, с проблемами специфического характера, свойственными конкретной семье. Эти проблемы остаются в центре внимания государства и побуждают к поиску новых способов их решения. Главными приоритетами развития страны должно стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в завтрашнем дне, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье. Таким образом, проблемы малообеспеченности и неравенства российских семей «опускаются» на плечи государства, требуют принятия значительных политических решений, нацеленных на улучшение благосостояния жителей страны. Для развития конструктивного потенциала социального действия в сфере государственной семейной политики на федеральном и региональном уровнях необходимо, чтобы информационно-новостное поле формировалось всеми акторами социально-политического процесса. Это позволит описать и оценить степень включенности интересов тех или иных субъектов или объектов семейной политики. В случае неравномерной включенности акторов политического процесса в информационно-новостное поле (отсутствие информации о деятельности государственных институтов и органов власти в области семейной политики в онлайн-пространстве) может возникнуть ситуация, при которой гражданское общество будет считать работу государственных органов недостаточной/отсутствующей, что, в свою очередь, повлечет развитие различного рода деструктивных практик (например, незаконное использование материнского капитала и его обналичивание через микрофинансовые организации).

Библиографический список

- Винокурова Е., Кузьменкова О.* Должен быть государственный идеал семьи // Газета.ру. 05.06.2013. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/05_a_5368589.shtml (дата обращения: 15.08.2015).
- Гнедаш А. А.* Модернизация государственной семейной политики в современной России: (экстра)ординарный поворот к пронатализму // Политика семьи и детства в постсоциализме: коллективная монография / под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2014. С. 169—187.
- Градова М.* Анализ Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года // Суть времени: виртуальный клуб. 28.05.2013. URL: <http://eot.su/node/15540> (дата обращения: 15.08.2015).
- Департамент здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области. URL: <http://old.belregion.ru/department/part314/> (дата обращения: 21.07.2015).
- Домчева Е.* Развод отменяется. Мирить супругов будет государство // RG.ru. 04.07.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/04/semja.html> (дата обращения: 23.07.2015).
- Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: (общественный проект): в 3 ч. / сост. Е. Б. Мизулина и др. М., 2013. Ч. 1. URL: <http://www.komitet26.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html> (дата обращения: 15.08.2015).
- Министерство социального развития и семейной политики Краснодарского края. URL: <http://www.familykuban.ru/> (дата обращения: 15.08.2015).
- Министерство социальной защиты Московской области. URL: <http://old.mszn.mosreg.ru> (дата обращения: 21.07.2015).
- Министерство социальной политики Нижегородской области. URL: <http://www.minsocium.ru/> (дата обращения: 22.08.2015).
- Министерство социальной политики Свердловской области. URL: <http://msp.midural.ru/> (дата обращения: 21.06.2015).
- Министерство труда, социальной защиты и демографии Пензенской области. URL: <http://trud.pnzreg.ru/> (дата обращения: 24.06.2015).
- Официальный Twitter Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://twitter.com/MintrudRF> (дата обращения: 15.08.2015).
- Послание Президента Медведева Д. А. Федеральному собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/news/9637> (дата обращения: 25.07.2015).
- Послание Президента Путина В. В. Федеральному собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372_type63374type82634_105546.shtml (дата обращения: 15.08.2015).
- Розенхольм А., Савкина И.* «Роди патриота — спаси Россию!»: (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В. В. Путина) // Гендерные исследования. 2009. № 18. С. 266—282.
- Сайт проекта tagboard. URL: <https://tagboard.com> (дата обращения: 05.08.2015).
- Управление Алтайского края по труду и социальной защите. URL: <http://www.aksp.ru/> (дата обращения: 23.07.2015).
- Чернова Ж. В.* Современная российская семейная политика: «пятый нацпроект» // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 100—112.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14—25.

References

- Chernova, Zh. V. (2011) Sovremennaiia rossiiskaia semeinaia politika: “piatyĭ natsproekt” [Contemporary Russian family policy: “5th national project”], *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*, no. 2, pp. 100—112.
- Gnedash, A. A. (2014) Modernizatsiia gosudarstvennoĭ semeinoĭ politiki v sovremennoĭ Rossii: (ĕkstra)ordinarnyi povorot k pronatalizmu [Modernization of the state family policy in Russia], in: Shmidt, V., Iarskaia-Smirnova, E., Chernova, Zh. (eds) *Politika sem’i i detstva v postsocializme*, Moscow: Variant, pp. 169—187.
- Gradova, M. (2013) Analiz Kontseptsii gosudarstvennoĭ semeinoĭ politiki v RF na period do 2025 goda [The analyze of the state family policy in Russian Federation up to 2025], available from <http://eot.su/node/15540> (accessed 15.08.2015).
- Iarskaia-Smirnova, E. R. (2010) “Da-da, ia vas pomniu, vy zhe u nas neblagopoluchnaia sem’ia!” Diskursivnoe oformlenie sovremennoĭ rossiiskoĭ semeinoĭ politiki [“Yes, yes, I remember you, You are dysfunctional family!” Discourse of family politics in contemporary Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshhestve*, no. 2, pp. 14—25.
- Rozenkhol’m, A., Savkina, I. (2009) “Rodi patriota — spasi Rossiiu!”: (Natsiia i gender v demograficheskom diskurse rossiiskikh pechatnykh SMI, kommentirovavshikh “demograficheskoe poslanie” V. V. Putina) [“Give birth to patriot — save Russia”: (Nation and gender in demographic discourse of Russian print mass-media, which commented the “demographic speech” of V. V. Putin)], *Gendernye issledovaniia*, no. 18, pp. 266—282.

ББК 67.400.612(6)

Л. Я. Прокопенко

ЖЕНЫ ПРЕЗИДЕНТОВ: АФРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ

Рассматривается развитие института первых леди в странах Африки за 65-летний период независимости. Общественно-политическая активность жен глав африканских государств имеет широкий диапазон: от пассивного пребывания в тени супруга до превращения в фактического соуправителя государства. В условиях политической либерализации, начавшейся в 1990-х гг., их роль значительно возросла. В рамках региональных организаций первые леди влияют на решение важных вопросов развития континента, например борьбы с голодом и СПИДом, становления гендерного равенства в обществе.

Ключевые слова: жены президентов, страны Африки, первые леди, саммит первых леди, борьба со СПИДом, гендерное равенство, политическая культура, имидж президента, коррупция.

L. Ya. Prokopenko. Presidents' wives: an African way

The development of the institution of the First Ladies in Africa in the 65 years' period of independence is considered. Among the wives of African heads of State there are many bright individuals, some of them have left a noticeable mark in the history of the continent, not only as the First Ladies but also as prominent political figures. The scope of their social and political activism covers a wide range: from a passive position in the husband's shadow up to becoming the co-ruler of her State.

The evolution of the First Ladies institution in Africa continued with the beginning of the second wave of democratization in the 1990s. In the context of political liberalization, their role has increased significantly. Within the framework of regional organizations the First Ladies have influenced the settlement of some important issues of the continent, for example, the fight against hunger and AIDS, the development of gender equality in society. Their work is largely determined by the scope of the traditional society in which there is a stable system of kinship, of ethnic and clan ties. In some countries, the First Ladies' institution is gradually becoming part of the local political culture.

The First Lady function belongs to the informal institutions of the countries of the African continent. Over the years there have been disputes in African society about the formalization of the First Lady's status, primarily because of its inevitable costs for state budgets.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 109 — 123

© Прокопенко Л. Я., 2015

Прокопенко Любовь Ярославовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, skole60@mail.ru (Cand. Sc., Senior Researcher, Institute for Africa Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Today effective activity of a head of State's wife (participation in election campaign, charity work in various funds, etc.) influences positively the formation of a favorable political image and contributes to its legitimacy.

Key words: presidents' wives, African countries, First Ladies, First Ladies' Summit, fight against AIDS, gender equality, political culture, president's image, corruption.

В последнее десятилетие происходит дальнейшее развитие отношений России и стран Африки. Все актуальнее становится понимание того, что собой представляют, как формируются правящие элиты континента, кто возглавляет его многочисленные и так непохожие одно на другое государства. В Африке власть в большой степени воспринимается персонифицированно, в тесной связи с фигурой политического лидера (подробнее см.: [Косухин, 2015]). Образы глав государств становятся более понятными при взгляде на них сквозь призму личности первых леди. Многие из этих женщин оставили заметный след в истории континента не только в этом своем качестве, но и как видные общественные и политические фигуры. Деятельность первых леди все чаще вызывает интерес общества и становится предметом обсуждения, прежде всего со стороны оппозиции и СМИ. Возросшая в последние десятилетия общественно-политическая активность первых леди сказывается на международном имидже их стран.

Галерея портретов первых леди стран африканского континента обширна и разнообразна. За 60-летнюю историю независимого развития более 50 стран сменили десятки глав государств. Истории некоторых стран присущ целый калейдоскоп сменяющих друг друга законно избранных президентов и военных правителей (например, в Нигерии и Гане), в то же время в Сенегале, Ботсване и Мозамбике их было только по четыре, а в Зимбабве всего два, т. к. действующий президент страны 91-летний Р. Мугабе находится на этом посту с 1987 г. Не всех жен формально можно отнести к категории первых леди (супруга выборного главы государства), по этому критерию, например, в их число не попадают спутницы жизни военных правителей. Но каждая из них осталась в истории своей страны. В числе первых леди Африки было много ярких индивидуальностей (подробнее см.: [Прокопенко, 2014]). Диапазон их общественно-политической активности широк: от пассивного пребывания в тени супруга до превращения в соуправителя государства, как это, например, происходило в определенные исторические периоды в Нигере, Кот-д'Ивуаре, Нигерии, Египте, Тунисе. А в приходе к власти ныне действующего президента Кот-д'Ивуара А. Уаттара есть большая заслуга его второй супруги Д. Уаттара. Считается, что она представляет собой новый тип африканской первой леди и яркий пример изменения взглядов на роль женщины в африканском обществе.

Некоторые африканки оставались первыми леди страны длительный период: С. Мубарак (Египет) — 30 лет, Дж. Мусевени (Уганда) — 29, Б. Каунда (Замбия) — 27, Н. Ролингс (Гана) — 20, М. Рафаэл (Мозамбик) — 19, К. Т. Качимуне (Намибия) — 15, Р. У. Кхама (Ботсвана) — 14 лет. Очень недолго, всего несколько месяцев, первыми леди были В. Агийи-Иронси и М. Шонекан (Нигерия). А Г. Машел стала единственной в современной мировой истории женщиной, которая побывала первой леди двух стран — Мозамбика (1975—1986 гг.) и ЮАР (1998—1999 гг.).

Многие жены первых африканских президентов, например К. Каунды (Замбия), С. Машела (Мозамбик), Дж. Ньерере (Танзания), были их соратницами в борьбе за независимость своих стран, которых еще при жизни называли матерью нации. В тот исторический период функции первых леди часто ограничивались только сопровождением высокопоставленных мужей на важных государственных мероприятиях и в ходе зарубежных визитов. Некоторые побывали и в нашей стране, например Б. Каунда сопровождала супруга во время визита в СССР в 1974 г.¹

Некоторые первые леди в период нахождения у власти их мужей получали должности в правительстве или являлись депутатами парламента. Но для С. Мугабе (Зимбабве), Г. Машел (Мозамбик) и В. Мадикизелы-Манделы (ЮАР) получение политических постов было результатом собственной политической карьеры, а не статуса первой леди. Некоторые же использовали свое положение для вхождения во власть и приобретения материальных благ, в чем обвиняли, например, первых леди Кот-д'Ивуара, Египта, Туниса.

Одним из важных завоеваний современного общества в XX в. стало решение расовой проблемы. Яркое свидетельство этого — избрание президентом США на выборах 4 ноября 2008 г. темнокожего Б. Обамы и переизбрание его в 2012 г. Это явилось результатом политической толерантности современного американского общества. В современной истории африканских стран есть несколько примеров, когда главой государства становился белый политик: в 1989—1994 гг. президентом ЮАР был африканер Ф. В. де Клерк, с 1979 по 2004 г. на посту президента Республики Сейшельские Острова находился француз Ф. А. Рене, в Замбии в конце 2014 — начале 2015 г. на протяжении трех месяцев главой государства был Г. Скотт (сын выходцев из Великобритании), а с 2008 г. президентом Ботсваны является Я. Кхама — сын первого президента страны С. Кхамы и белой британки Р. Уильямс. Первыми леди целого ряда африканских стран (Ботсваны, Сенегала, Габона, Кот-д'Ивуара, Сейшельских Островов, Маврикия) были не просто белые женщины, а гражданки европейских стран — Великобритании и Франции². (В большинстве случаев главы этих африканских государств заключали межрасовые браки еще в период их учебы на Западе.)

Первой европейкой, ставшей супругой президента независимого африканского государства и, следовательно, его первой леди, была француженка К. Сенгор (урожденная Юбер) — жена Л. С. Сенгора (Сенегал). В 1966 г. президентом Ботсваны стал С. Кхама, с 1948 г. состоящий в браке с англичанкой Р. Уильямс. Межрасовый брак традиционного вождя народа нгвато³ и лондонской чиновницы, которая во время Второй мировой войны водила машину

¹ На Центральной студии документальных фильмов был даже снят фильм (режиссер С. Репников) об их пребывании в Москве, Ленинграде, Тбилиси и Киеве. URL: <http://www.net-film.ru/film-7613> (дата обращения: 06.09.2015).

² Первыми леди Сенегала француженки были дважды: К. Сенгор была супругой первого президента Л. С. Сенгора, В. Вад — супругой президента А. Вада, находившегося у власти в 2002—2012 гг.

³ Одна из восьми этнических групп, составляющих народ тсвана, к которым принадлежит более 90 % населения Ботсваны.

скорой помощи, был заключен во время его учебы в университете Лондона и несколько лет находился в центре внимания международной политики и общественности. Пережив увольнение с работы, изгнание отцом из дома, давление клана мужа и британского правительства, Р. Кхама все годы нахождения мужа у власти активно участвовала в общественной жизни Ботсваны. Позже, сохраняя авторитет вдовы почитаемого первого президента страны, она возглавляла некоторые местные женские организации. В 2002 г. Р. Кхама умерла от рака горла и была похоронена в Ботсване. Возможно, одной из причин того, что действующий 62-летний ботсванский президент Я. Кхама до сих пор остается холостяком, стала слишком высокая планка, заданная счастливым браком его родителей.

Отличались активностью и первые леди Нигерии. Интересен факт, что в периоды военного правления (1985—1993 и 1993—1999 гг.) жены глав государств (сначала супруга генерала И. Бабангиды М. Бабангида, а позже супруга генерала С. Абачи М. Абача) стали активно участвовать в общественной жизни [Нигерия, 2013]. До того времени жены нигерийских военных правителей, а военная администрация действовала с 1966 г., старались держаться в тени. И хотя супругу военного главы государства не принято называть первой леди, деятельность этих дам по некоторым параметрам соответствовала поведению жены выборного главы государства. Имея квалификацию секретаря, М. Бабангида до прихода мужа к власти уже накопила опыт работы в общественных организациях, т. к. несколько лет возглавляла ассоциацию жен офицеров. Красавицу Мариам не устраивало пассивное положение жены в качестве украшения на государственных приемах. Уже в 1987 г. при поддержке супруга она начала реализовывать программу по улучшению жизни женщин в сельских районах: строились кооперативы, закладывались новые фермы и сады, открывались новые магазины, рынки, а также женские центры. М. Бабангида сотрудничала с первыми леди других африканских стран и поддерживала некоторые их инициативы. Она одной из первых в Африке практиковала «автономные встречи с другими первыми леди» [Williams, 2000: 688], т. е. без сопровождения их мужьями. М. Бабангида активно сотрудничала с Национальным советом по делам женщин. В 1991 г. она получила международную премию за вклад в борьбу с голодом в Нигерии. Ее лидерство в решении женских вопросов некоторое время признавалось в нигерийском обществе и после того, как И. Бабангида в 1993 г. был смещен военными с поста главы государства. Однако существовало также мнение, что информация о многочисленных объектах социального назначения, построенных якобы благодаря М. Бабангиде, сильно преувеличивалась и была нужна для создания ее имиджа. Но остается фактом, что именно ее активная общественная деятельность положила начало развитию института первой леди в Нигерии.

Следующая первая дама, М. Абача, также не стояла в стороне от государственных дел. В 1995 г. она возглавляла нигерийских делегатов на конференции в Пекине. В то время когда в самой Нигерии часто нарушались права женщин, амбициозная М. Абача с трибун международных форумов ратовала за интеграцию усилий африканских первых леди. А другая нигерийская леди, С. Обасанджо, часто появлялась на местном телевидении

(в том числе и с обращениями к нации), стоя перед национальным гербом, хотя, как правило, это прерогатива самого президента.

Однако возросшая активность названных первых леди Нигерии, которую некоторые местные исследователи называют «синдром первых леди» [Jibrin Ibrahim], не имела значительного влияния на участие женщин в политической жизни страны. При генерале И. Бабангиде в правительстве не было ни одной женщины, а при президенте О. Обасанджо — первом избранном главе государства после длинного периода военного правления — число женщин-министров было незначительным (1999 г. — 4, 2003 г. — 6).

Развитие института первых леди в Африке продолжилось с началом второй волны процесса демократизации в 1990-х гг. В условиях политической либерализации отмечался не только рост общественной и политической активности жен глав отдельных государств, но и стремление первых леди к интеграции их усилий с целью получить возможность влиять на решение некоторых вопросов международной политики, например борьбы с голодом и СПИДом. Впервые это было продемонстрировано супругами президентов Сенегала (Э. Диуф), Египта (С. Мубарак) и Нигерии (М. Бабангида), которые входили в число шести первых леди мира — инициаторов проведения Всемирного саммита по улучшению экономического положения сельских женщин в 1992 г. в Женеве. В нем также приняли участие первые леди Южной Африки (М. де Клерк) и Ганы (Н. Ролингс). Все они выступали за более автономную роль жен глав государств по отдельным вопросам международной политики. Активность ряда африканских первых леди проявилась и на Пекинской конференции в 1995 г.

Одна из первых расширенных встреч первых леди Африки состоялась в 1996 г. в столице Камеруна г. Яунде в рамках мероприятия, подготовленного Организацией африканского единства (ОАЕ). Помимо первой леди Камеруна Ш. Бийя, председательствовавшей на встрече, в ней приняли участие первые леди Ботсваны, Бурунди, Габона, Кабо-Верде, Малави, Намибии, Сенегала, Сьерра-Леоне и Танзании. Основное внимание уделялось стратегии по улучшению жизни сельских женщин, а результаты обсуждения были включены в официальное коммюнике ОАЕ. Первый автономный саммит первых леди Африки состоялся в 1997 г. в г. Абуджа (Нигерия). Председателем на нем была первая леди Нигерии М. Абача. В числе главных вопросов обсуждалась проблема региональной продовольственной безопасности на континенте [Statement Presented by the Director-General... , 1997].

Проблему роли первых леди в странах Африки поднимали и супруги президентов других африканских стран. В 1997 г. французский журнал «Jeune Afrique» опубликовал полемику на этот счет первой леди Мали А. Б. Конаре и бывшей первой леди Бенина Р. Согло. В январе 1997 г. в интервью этому журналу мадам Конаре заметила: «Женам президентов приходится нелегко: их подозревают во вмешательстве в государственные дела и обвиняют в том, что из-за этого их мужья терпят неудачу». Она проиллюстрировала свои слова примерами В. Мадикизелы-Манделы (супруга президента ЮАР Н. Манделы) и Р. Согло, сказав о последней: «Если она вела себя сомнительно, то что же тогда говорить о ее муже — бывшем президенте» (Jeune Afrique. 1997. 22—28 janvier).

Р. 24). Уязвленная этими словами Согло послала в журнал ответ Конаре, который был опубликован в марте 1997 г. Конаре на страницах журнала высказала сожаление о возникшем недоразумении, подчеркнув, что она хотела лишь выразить женскую солидарность, а не критиковать президента Бенина Н. Согло (Ibid. 28 avril. P. 10). В этой переписке две африканские первые леди фактически поставили вопросы, как должна себя вести жена главы государства и какая степень политического влияния должна быть у женщины, не избранной гражданами, но в то же время несогласной на сугубо церемониальную роль.

Деятельность целого ряда африканских первых леди в тот период свидетельствовала об изменении роли супруг глав государств, что является частью более широкого процесса женской политической эмансипации. Они, по образному выражению французской исследовательницы А. Саж, «покинули будуары и поднялись на трибуны» [Sage, 1998: 60].

Современные африканские первые леди достигли ощутимых результатов в устранении некоторых острых проблем, тормозящих развитие континента, — СПИДа, насилия в отношении женщин, проблемы детей. Большинство из них активно участвуют в работе Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа (Organization of African First Ladies against HIV/AIDS — OAFLA), которая была создана в 2002 г. по решению 37 первых леди африканских государств, заявивших о готовности выступить против СПИДа и добиться улучшения жизни женщин, молодежи и детей. Действуют также национальные фонды этой направленности. Например, в Камеруне более 20 лет функционирует некоммерческая организация «Единая Африка против СПИДа и страданий» («African Synergy against AIDS and Suffering»), которую возглавляет первая леди Камеруна Ш. Бийя. Организация и созданный ею фонд занимаются вопросами образования, защиты и сохранения здоровья женщин и детей, прежде всего в контексте проблемы СПИДа. В июне 2015 г. исполнительный директор Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (UNAIDS) М. Сидибэ назначил Ш. Бийя специальным представителем этой организации [Первая леди Камеруна получила признание...].

2—3 июля 2013 г. в Дар-эс-Саламе (Танзания) состоялся очередной саммит первых леди Африки под девизом «Инвестировать в женщин — укреплять Африку». На форуме присутствовали также действующая и бывшая первые леди США М. Обама и Л. Буш и американский экс-президент Дж. Буш, представлявший Институт, который носит его имя и активно поддерживает некоторые программы в сфере здравоохранения в Африке. Например, в марте 2014 г. супруга президента Танзании С. Киквете объявила о начале реализации программы по борьбе с раком шейки матки. Это стало возможным благодаря поддержке Института Дж. У. Буша и Л. Буш. В марте 2014 г. в течение двух дней более пяти тысяч танзанийских женщин были обследованы на рак молочной железы и более трех тысяч — на рак шейки матки [Gonnella-Platts]. В ноябре 2014 г. в Женеве было объявлено о начале реализации объединенной кампании OAFLA и UNAIDS, направленной на то, чтобы остановить распространение новых ВИЧ-инфекций среди детей [Первые леди Африки объединяют свои усилия...]. 16 июня 2015 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) в рамках 25-го саммита Африканского союза (АС) состоялась очередная 15-я встреча членов OAFLA,

на которой обсуждалась необходимость комплексного подхода к профилактике ВИЧ-инфекции среди молодых женщин и девушек [African First Ladies Advocate for the Ending AIDS...]. В августе 2015 г. председателем OAFLA стала Н. Л. Махама (Гана).

28 сентября 2015 г. в Нью-Йорке состоялась встреча на высоком уровне, на которой OAFLA одобрила недавно принятые Цели по устойчивому развитию. Вице-председатель организации первая леди Малави Г. Мутарика отметила, что в странах Африки «число новых случаев ВИЧ-инфицирования уже значительно сократилось, но... еще предстоит интегрировать меры против СПИДа в общую систему здравоохранения» [Первые леди Африки дали обещание...].

В центре общественной деятельности первых леди находится также создание различных благотворительных фондов и управление ими. Такая тактика для повышения имиджа первой леди страны и ее супруга вполне оправданна и в последние десятилетия часто используется в ряде африканских стран. Например, в Сенегале так поступали все первые леди, кроме К. Сенгор. Занимались благотворительностью З. Мбеки и М. де Клерк (ЮАР), С. Обасанджо (Нигерия), С. Мубарак (Египет) и другие, а первая леди Камеруна Ш. Бийя патронирует три благотворительных фонда. Нынешняя первая леди Кот-д'Ивуара Д. Уаттара создала свой первый благотворительный фонд «Дети Африки» («The Children of Africa») в 1998 г. — задолго до того, как ее муж, А. Уаттара, пришел к власти. Сегодня этот фонд, помимо Кот-д'Ивуара, действует еще в десяти африканских странах. Были реализованы несколько проектов по строительству школ, центра содержания беспризорных детей, проведены кампании в поддержку детской иммунизации. Гуманитарная деятельность Д. Уаттара была отмечена: в апреле 2000 г. в Венеции американская консалтинговая компания «Star Group» вручала премии лучшим женщинам-предпринимателям мира, Уаттара победила в номинации «Лучшая бизнесвумен — 2000» [Journey of a working woman...]. Бывшая первая леди Замбии В. Чилуба (жена президента Ф. Чилубы) создала благотворительный фонд уже после того, как они развелись в 2001 г.

Практика показывает, что благотворительные фонды первых леди после ухода их супругов в отставку чаще всего прекращают деятельность или продолжают существовать номинально. Это вполне объяснимо, т. к. они часто финансируются из государственной казны, и поступления в них иссякают одновременно с потерей супругом власти. Действительно, в Сенегале фонд «Служить Сенегалу» («Servir le Sénégal»), созданный первой леди М. Ф. Салл (супруга президента страны М. Салла, избранного в 2012 г.), успешно действует, а фонд «Здоровье и образование» («Education et santé») ее предшественницы В. Вад (супруга бывшего президента А. Вада) испытывает финансовые затруднения, что привело к закрытию одной из больниц, которую патронировал этот фонд. Благотворительный фонд, созданный первой леди страны Э. Диуф в 1992 г. и названный ее именем (Elizabeth Diouf Solidarité-Partage Foundation), также действует эпизодически, например, он помогал пострадавшим от пожаров в 2014 г. [Address by Elizabeth Diouf...]. Вероятно, это стало возможным благодаря положению Э. Диуф, чей супруг на тот момент был исполнительным

секретарем Франкофонии⁴. По мнению премьер-министра в администрации бывшего президента А. Вада С. Н. Ндиайе, «во избежание прекращения деятельности благотворительных фондов первых леди необходимо разработать систему их преемственности» [Les fondations des premières dames].

Есть примеры активной деятельности бывших первых леди в фондах другой направленности, например, М. Мванаваса (вдова экс-президента Замбии Л. Мванавасы) была избрана одним из директоров фонда имени ее мужа, созданного в 2011 г. для борьбы с коррупцией.

События последних лет показывают, что активная благотворительность первых леди является мощным инструментом для создания и повышения положительного имиджа супруга, умело разработанного PR-специалистами.

Залогом успеха многих африканских первых леди была и остается их профессиональная деятельность. Юристы (Г. Машел — Мозамбик и ЮАР), экономисты (М. де Клерк — ЮАР, З. Мбеки — ЮАР), медики (К. Касеба-Сата — Замбия, С. Корума — Сьерра-Леоне, К. Мутарика — Малави, П. Похамба — Намибия, А. Бухари — Нигерия), учителя (Б. Каунда — Замбия, М. Ньерере — Танзания, Т. Банда — Замбия, Э. Миллс — Гана, П. Мулузи — Малави), филологи (С. Гбагбо — Кот-д'Ивуар), художники (Н. Ролингс — Гана) — все они оказались способны поддержать своих супругов как в ходе избирательных кампаний, так и в период их нахождения у власти.

Необходимо отметить, что многие президенты поощряли активную деятельность своих жен, в том числе политическую. Так поступал президент Ганы Дж. Ролингс (1982—2001). Например, в январе 1997 г. Н. Ролингс выступила на 9-м форуме африканских лидеров с призывом усилить роль женщин в управлении государством. Пользовались поддержкой мужей в этом плане первые леди ЮАР, Сенегала, Замбии, Танзании, Кении и других стран.

В Африке, как и в мировой практике, имеется много случаев, когда первые леди начинали собственную политическую карьеру. Более того, некоторые первые леди после смерти своих супругов смело заявляли о готовности взять на себя ответственность за судьбу страны. Власть сладка, и, находясь рядом с мужем, обладающим этой властью, избежать соблазна энергичным первым леди порой очень сложно. Президентские амбиции были у целого ряда первых леди, например в Замбии, Египте, Тунисе, Гане, но реализовать их пока не удавалось. А намерение первой леди Туниса Л. Трабелси, которую даже называли «правительница Карфагена», баллотироваться на следующих президентских выборах вызвало резкое осуждение в обществе.

Сами президенты признают возможность (и даже необходимость) появления женщины на вершине пирамиды власти. Об этом в свое время говорил экс-президент Замбии Л. Мванаваса [Dale]. А президент ЮАР Дж. Зума в августе 2014 г. заявил, что «допускает возможность избрания женщины президентом страны в недалеком будущем» [Tsotetsi, 2014]. В качестве возможных будущих преемников Зумы на следующих выборах, которые должны состояться в 2017 г., местные политики и аналитики называют имена председателя Комиссии

⁴ Международная организация сотрудничества франкоязычных стран мира (фр. *La Francophonie*).

Африканского союза Н. Дламини-Зумы (бывшая жена Дж. Зумы) и спикера парламента Б. Мбете [Letsoalo, 2014]. Последние события в Зимбабве говорят о том, что там тоже вполне возможны гендерные изменения на самом высоком уровне. В декабре 2014 г. на съезде правящей партии «Зимбабвийский Африканский национальный союз — Патриотический фронт» 91-летний президент Р. Мугабе вновь был переизбран ее лидером, а его супруга Г. Мугабе — лидером Женской лиги этой партии. Учитывая, что недавняя кандидатка в преемники Мугабе вице-президент страны Дж. Муджуру была тогда же снята со своей должности и сейчас находится в опале, можно предположить намерение зимбабвийского лидера передать власть на выборах в 2018 г. своей жене.

Деятельность африканских первых леди во многом определяется рамками традиционного общества, в котором существует стойкая система этнических, родственных и клановых связей. В ряде стран институт первых леди постепенно становится элементом местной политической культуры. Существуют некоторые особенности в возможностях для деятельности первых леди в странах, где преобладает мусульманское население. Их спецификой часто является многоженство президента, не всегда даже четко определена личность первой леди. Тем не менее процесс демократизации в этих странах повлиял на гендерную ситуацию. Интересен пример Сенегала, где более 80 % населения исповедует ислам, но современная политическая и социальная жизнь в этой стране характеризуется активностью женщин. Ряд исследователей отмечают экуменическую толерантность в сенегальской политике [Bekker, et al., 2001; Africa's Islamic Experience, 2009]. Связывают это с реформами первого президента страны католика Л. С. Сенгора, толерантны в этом плане были и другие президенты Сенегала — А. Диуф и А. Вад, чьи жены являлись христианками.

У нынешней первой леди Сенегала М. Ф. Салл имидж традиционной сенегальской женщины-мусульманки, превыше всего ставящей интересы мужа и семьи. Согласно официальной биографии, она училась в университете в Дакаре, но после рождения ребенка решила посвятить себя семье [La Première Dame]. В глазах мусульманского сенегальского электората это новый тип первой леди страны, т. к. почти все ее предшественницы были иностранками-христианками. Влиятельный сенегальский политический обозреватель Д. Мадиабал отмечает, что такой имидж первой леди страны более понятен и близок гражданам, потому что она выглядит и ведет себя как большинство женщин страны [Madiambal]. К тому же в СМИ часто подчеркивается, что М. Ф. Салл не вмешивается в политику. Хотя ранее, в 2004—2007 гг., когда ее супруг был премьер-министром при президенте А. Ваде, некоторые СМИ писали об обратном.

В последние годы политические элиты, в том числе главы государств многих африканских стран (Анголы, Египта, Замбии, Зимбабве, Нигерии, Туниса, ЮАР и др.), оказываются в центре пристального внимания СМИ, политиков, наблюдателей и международной общественности из-за громких коррупционных скандалов. Это социальное зло мешало развитию некоторых стран континента уже в первые годы независимости. И в этом иногда обвинялись первые леди. Например, в Нигере в использовании своего положения для личного обогащения оппозиция обвиняла супругу первого президента страны

Амани Диори, находившегося у власти в 1960—1974 гг. Аисса Диори, владея несколькими виллами в престижном квартале столицы — г. Ниамей, сдавала их по высоким ценам иностранным дипломатам и французским специалистам [Кривушин, 2012: 492].

Международный резонанс получил громкий коррупционный скандал, связанный с именем президента Замбии Ф. Чилубы и его второй супруги Регины. После отставки Ф. Чилубы длившееся несколько лет судебное расследование по делу Р. Чилубы, работавшей в канцелярии мужа и обвиняемой в растрате 120 тыс. долл. США из госбюджета, закончилось в марте 2009 г. признанием ее вины и приговором к трем с половиной годам тюремного заключения (Lusaka Times. 2009. 3rd March). Но уже через три дня она была освобождена под залог 10 млн квач⁵ (Ibid.). В Нигерии объектом обвинений стала супруга президента С. Абачи Мариам, причастная к расхищению 2,3 млрд долл. США [Political Corruption]. Местные СМИ также неоднократно обвиняли в коррумпированности другую первую леди этой страны — С. Обасанджо. Широкомасштабные хищения из государственной казны в Тунисе при президенте Бен Али связывают с именем его жены Л. Трабелси. После свержения Бен Али были опубликованы данные о вывозе из страны капитала на сумму 20 млрд долл. США [Фахрутдинова, 2014: 28]. Обвинения в коррупции часто звучат также в адрес Г. Мугабе (Зимбабве). В Малави, одной из беднейших стран континента, невеста бывшего президента страны Б. Мулузи П. Шанил оказалась в центре серьезного коррупционного скандала в самом начале пребывания в качестве первой леди: на их свадьбу в 1999 г., на которой присутствовали три тысячи гостей, было потрачено 335 тыс. долл. США из государственных средств [World]. Лидеры оппозиции в знак протеста бойкотировали приглашение на это мероприятие, расточительство малавийского президента широко обсуждалось в западных СМИ. Попал под град критики и избранный в 2015 г. президент Нигерии М. Бухари. Причиной послужили часы первой леди, которые были у нее на руке во время инаугурации мужа; местные СМИ оценили их в 52 тыс. долл. США (трехмесячный должностной оклад президента) [First Lady Aisha Buhari... , 2015].

Таким образом, в глазах международной общественности положительные имиджи некоторых африканских первых леди порой трансформируются в свою противоположность. Например, недавнюю хозяйку дворца тунисского президента Л. Трабелси суд страны в 2011 г. вместе с ее супругом заочно приговорил⁶ к 35 годам тюремного заключения и уплате многомиллионного штрафа [Громкие судебные процессы...]. Бесславно закончилась и блестящая карьера С. Мубарак (Египет), чей муж после 30-летнего правления был свергнут в 2011 г. и долгое время находился под следствием. Так произошло и в случае с С. Гбагбо — первой леди Кот-д'Ивуара в 2000—2010 гг. Профсоюзный лидер в 1980-х, руководитель парламентской фракции партии мужа «Ивуарийский народный фронт» в 1990—2000 гг., она сумела добиться политического влияния, за которое ее называли серым кардиналом и тропической Хилари Клинтон.

⁵ Замбийская денежная единица.

⁶ Они получили политическое убежище в Саудовской Аравии.

Но дальнейшая ее участь печальна: она «оказалась прямо или косвенно причастна к экономическим и политическим преступлениям...» [Садовская, 2014: 24], была осуждена и сейчас отбывает наказание в одной из тюрем Кот-д'Ивуара.

Коррупция фактически переориентирует социальную активность граждан в направлении, противоположном расширению политического участия. Она не только приводит к массовым нарушениям прав и свобод человека, но и негативно сказывается на восприятии населением демократии как таковой. В этом плане поведение первой леди существенно влияет на имидж высокопоставленного супруга и на отношение к власти в целом.

Как уже отмечалось, в странах Африки институт первой леди принадлежит к неформальным институтам. Но это отнюдь не африканская специфика, например, в Конституции США статус супруги президента, ее права и обязанности также не определены [Шведова, 2013: 52]. Однако в африканском обществе продолжают споры по поводу формализации статуса первых леди, прежде всего из-за неизбежных трат из государственного бюджета. Проблема усугубляется тем, что сами первые леди часто настаивают на придании этому институту официального статуса. Например, первая леди Замбии Т. Банда в 2010 г. заявляла о том, что она «хотела бы создания формальной должности первой леди с особой статьей госбюджета для поддержки ее общественной работы» [Wagungu]. Неоднозначно оценивается в обществе повышенная активность новой первой леди Замбии Э. Лунгу. С момента вступления в должность ее мужа Э. Лунгу (январь 2015 г.) она уже неоднократно участвовала в различных конференциях, в том числе международных, и выступила с рядом инициатив по содействию расширению прав и возможностей женщин, инвалидов, а также по лоббированию некоторых вопросов здравоохранения и социальной поддержки общин. В сентябре 2015 г. она вместе с супругом участвовала в работе ГА ООН. Ее рабочий график включал выступления на Форуме первой леди США против рака шейки матки, на сессии Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа, а также другие встречи (Lusaka Times. 2015. 20th September). Замбийские организации гражданского общества выступили с критикой деятельности жены президента, которая, по их мнению, иногда подменяет (как это делала и бывшая первая леди К. Касеба-Сата) функции некоторых министерств и ведомств. 1 сентября 2015 г. Координационный совет неправительственных организаций Замбии (NGOCC) даже опубликовал официальное обращение, в котором содержалась рекомендация первой леди придерживаться традиционных рамок поведения супруги президента, а также требование к правительству информировать общественность о бюджетных ассигнованиях на ее пожертвования и поездки [Mubanga]. При этом оговаривалось, что так будут обеспечены прозрачность и подотчетность расходов первой леди, что защитит ее от критики в дальнейшем.

Проблема статуса первой леди остается предметом споров на протяжении многих лет в Нигерии. В конституции страны он не закреплен, однако финансирование деятельности супруги главы государства осуществлялось уже сразу после провозглашения независимости в октябре 1960 г. Интенсивная общественная деятельность первой леди С. Обасанджо в первой половине 2000-х гг.

вызвала волну активности жен членов правительства и губернаторов. Нигерийский аналитик Ибрагим Джибрин считает, что это очень повлияло на развитие политической конкуренции в стране [Jibrin Ibrahim, 2005]. Накануне выборов в мае 2015 г. кандидат в президенты М. Бухари заявлял, что, хотя статус первой леди законодательно не закреплен, он «в случае избрания будет поддерживать представительство женщин в управлении» [Adamu, 2015]. Сама новая первая леди Нигерии А. Бухари обещала заниматься традиционными для супруги президента делами (сопровождение супруга на официальных приемах и во время зарубежных визитов, благотворительность и пр.) и не выходить за установившиеся рамки [How I Will Operate as Nigeria's First Lady].

В ряде стран Африки гендерное равенство в политической сфере стало принципом государственной политики, который реализуется на практике. В 2015 г. Руанда, Кабо-Верде и ЮАР в мировом рейтинге вошли в число стран, где женщины составляют 30 и более процентов в правительстве [Sluggish Progress on Women in Politics...]. В 2015 г. 30 %-е представительство женщин в парламенте существует в 41 стране, в том числе в 11 африканских странах [Facts and Figures]. Согласно данным Межпарламентского союза (Inter-Parliamentary-Union — IPU), в 2015 г. более 40 % женщин насчитывается в парламентах Республики Сейшельские Острова (PCO), Сенегала и ЮАР, более 35 % — в Анголе, Мозамбике, Танзании и Уганде, более 30 % — в Алжире, Бурунди, Зимбабве, Камеруне и Тунисе [Women in Politics...]. Определенная заслуга в этом принадлежит и первым леди, многие из которых ратуют за гендерное равенство в политике.

Разные по возрасту, уровню образования, вероисповеданию и даже по цвету кожи, первые леди объединены чувством долга и пониманием важности работы их мужей. Наиболее ярко это проявляется в участии жен президентов в предвыборных кампаниях супругов. Оно принимает различные формы в зависимости от требований исторического периода и особенностей характера самих этих женщин. Если в 1960—1970-х гг. можно было ограничиться эпизодическим присутствием рядом с мужьями на митингах и встречах с избирателями и в основном оставаться в их тени, то в 2000-х в рамках демократических традиций уже необходимо более активно проявлять поддержку супругов. Сегодня эффективная деятельность жены главы государства (благотворительность, участие в различных фондах и пр.) самым положительным образом влияет на формирование его благоприятного политического имиджа и способствует его легитимизации.

Выполняя официальные функции первых леди, эти женщины остаются женами, матерями (часто многодетными) и бабушками. Их так же, как и простых соотечественниц, преследуют болезни и потеря близких. Они стараются следовать моде, а некоторые, как Ш. Бийя (Камерун), даже слынут в своих странах иконами стиля. Они проявляют мудрость и гуманизм в радости и в горе, как пристало «матерям нации». Например, первая жена Н. Манделы В. Мадикизела-Мандела и его вторая жена Г. Машел обе присутствовали на его похоронах в декабре 2013 г. и поддерживали друг друга. Если браки и совершаются на небесах, то путь в жизни человек выбирает сам, и от него самого во многом зависит, какую память он оставит. Достоинно выполнив свою

главную функцию — «очеловечивать» образ главы государства, некоторые африканские первые леди сами остались в истории своих стран почитаемыми личностями.

В XXI в. со всей очевидностью встала проблема сохранения мира и стабильности, а одним из наиболее опасных вызовов человечеству являются региональные конфликты. Африканский континент в этом плане очень нестабилен. Поэтому перед главами африканских стран стоит насущная задача сохранения мира, безопасности и развития континента. Какой будет Африка завтра, зависит и от их супругов — соратниц и помощниц. В 2014—2015 гг. в целом ряде африканских стран (Замбия, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Того и др.) прошли президентские выборы. Мирная передача власти и признание легитимности новых глав государств вселяют надежду, что ответ на вопрос о будущем континента будет оптимистическим.

Библиографический список

- Громкие судебные процессы над бывшими лидерами государств в мире. URL: <http://ria.ru/spravka/20121026/907117359.html> (дата обращения: 14.10.2015).
- Косухин Н. Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. М.: Ин-т Африки РАН, 2015. 178 с.
- Кривушин И. В. Алхаджи Аmani Диори // История Африки в биографиях / отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2012. С. 490—494.
- Нигерия: справочно-монографическое издание / Ин-т Африки РАН; руководитель авт. коллектива П. И. Куприянов, Б. Г. Петрук; отв. ред. И. Г. Большов, Т. С. Денисова. М.: Ин-т Африки РАН, 2013. 378 с.
- Первые леди Африки дали обещание работать над Целями по устойчивому развитию. URL: http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/featurestories/2015/september/20150928_OAFLA (дата обращения: 14.10.2015).
- Первые леди Африки объединяют свои усилия с тем, чтобы все дети рождались без ВИЧ. URL: http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/pressreleaseandstatementarchive/2014/november/20141124_PR_OAFLA (дата обращения: 12.10.2015).
- Первая леди Камеруна получила признание за свою деятельность против ВИЧ. URL: http://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/featurestories/2015/june/20150601_chantalbiya (дата обращения: 12.10.2015).
- Прокопенко Л. Я. Первые леди стран Юга Африки: политика и жизнь // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 51—62.
- Садовская Л. М. Гендер и власть в Кот-д'Ивуаре: большая политическая сага // Общественная, политическая и культурная жизнь африканских стран в гендерном измерении. М.: Ин-т Африки РАН, 2014. С. 15—26.
- Фахрутдинова Н. З. Семейный клан экс-президента Туниса Бен Али: 20 лет коррупции и nepотизма // Общественная, политическая и культурная жизнь африканских стран в гендерном измерении. М.: Ин-т Африки РАН, 2014. С. 26—31.
- Шведова Н. А. Институт первой леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 51—58.
- Adamu S. There Is no Office of the First Lady in the Nigerian Constitution. URL: <http://www.vanguardngr.com/2015/06/there-is-no-office-of-the-first-lady-in-the-nigerian-constitution-a-revisit-of-buhari-claim> (дата обращения: 14.10.2015).

- Address by Elizabeth Diouf, Foundation President, on the Occasion of the Third Gala Ball of the Elizabeth Diouf Solidarité-Partage Foundation. URL: <http://www.discoversenegal.com/da/ediouf.html> (дата обращения: 12.10.2015).
- African First Ladies Advocate for the Ending AIDS Epidemic among Young Women and Adolescent Girls. URL: http://www.unaids.org/en/resources/presscentre/featurestories/2015/june/20150616_OAFLA (дата обращения: 12.10.2015).
- Africa's Islamic Experience: History, Culture, and Politics. New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd., 2009. 268 p.
- Bekker S. B., Dodds M., Khosa M. M.* Shifting African Identities. Pretoria: HSRC Press, 2001. 180 p.
- Dale P.* Zambians Split over Woman Leader. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/2991931.stm> (дата обращения: 10.10.2015).
- Facts and Figures: Leadership and Political Participation. URL: <http://www.unwomen.org/en/what-wedo/leadership-and-political-participation/facts-and-figures> (дата обращения: 14.10.2015).
- First Lady Aisha Buhari slammed for wearing N10m Cartier watch // The Nigerian Times. 2015. 2nd June. URL: <http://nigeriantimes.ng/news/first-lady-aisha-buhari-slammed-for-wearing-n10m-cartier-watch> (дата обращения: 12.10.2015).
- Gonnella-Platts N.* Leading by Example: the First Lady of Tanzania and Her Fight Against Women's Cancers. URL: <http://www.bushcenter.org/blog/2015/02/04/leading-example-first-lady-tanzania-and-her-fight-against-cancers> (дата обращения: 12.10.2015).
- How I Will Operate as Nigeria's First Lady — Buhari's Wife. URL: <http://www.premiumtimesng.com/news/top-news/175541-will-operate-nigerias-first-lady-buharis-wife.html> (дата обращения: 14.10.2015).
- Jibrin Ibrahim.* The First Lady Syndrome and the Marginalisation of Women from Power: Opportunities or Compromises for Gender Equality? URL: http://agi.ac.za/sites/agi.ac.za/files/fa_3_feature_article_3.pdf (дата обращения: 09.10.2015).
- Journey of a Working Woman and a Woman of Heart. URL: <http://www.childrenofafrica.org/en/journey-working-woman-and-woman-heart> (дата обращения: 12.10.2015).
- La Première Dame. URL: <http://www.presidence.sn/content/la-premi%C3%A8re-dame> (дата обращения: 14.10.2015).
- Les fondations des premières dames: ces institutions qui ne survivent pas à leur fondatrice. URL: http://www.dakaractu.com/Les-fondations-des-premieres-Dames-Ces-institutions-qui-ne-survivent-pas-a-leur-fondatrice_a71381.html (дата обращения: 12.10.2015).
- Letsoalo M.* Women's league eyes the presidency // Mail & Guardian. 2014. 1st August. URL: <http://mg.co.za/article/2014-08-01-womens-league-eyes-the-presidency> (дата обращения: 10.10.2015).
- Madiambal D.* Le cas Marieme Faye. URL: http://www.dakaractu.com/Le-cas-Marieme-Faye_a43155.html (дата обращения: 14.10.2015).
- Mubanga P.* NGOCC Advises Lungu's Wife to Keep her Nose from Abusing Public Money, Politics. URL: <http://www.zambiatwatchdog.com/ngocc-advises-lungus-wife-to-keep-her-nose-from-abusing-public-money-politics> (дата обращения: 14.10.2015).
- Political Corruption. URL: http://archive.transparency.org/content/download/4459/26786/file/Introduction_to_political_corruption.pdf (дата обращения: 10.10.2015).
- Sage A.* Premières dames et first ladies: la femme du chef est-elle le chef du chef? // L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique. Paris: Karthala Editions, 1998. P. 45—62.
- Sluggish Progress on Women in Politics Will Hamper Development. URL: <http://www.ipu.org/press-e/pressrelease201503101.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
- Statement Presented by the Director-General on the Occasion of the Opening Session of the First Summit of Africa First Ladies on Peace and Humanitarian Issues, Abuja-Nigeria,

- 5—7th May 1997. URL: <http://www.fao.org/DG/afrsumen.HTM> (дата обращения: 10.10.2015).
- Tsotetsi L.* South Africa Is Ready for a Woman President: Zuma. URL: <http://www.sabc.co.za/news/a/f1ceb98045074bed926093a5ad025b24/South-Africa> (дата обращения: 10.10.2015).
- Warungu J.* Meeting the First Ladies of Africa. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/8685438.stm> (дата обращения: 14.10.2015).
- Williams P.* State, women and democratization in Africa: the Nigerian experience // Okwudiba Nnoli. *Government and Politics in Africa*. Harare: AAPS Books, 2000. P. 662—703.
- Women in Politics: 2015 — Inter-Parliamentary Union. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/wmnmap15_en.pdf (дата обращения: 12.10.2015).
- World: Africa Malawi's President Weds. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/470226.stm> (дата обращения: 14.10.2015).

References

- Kosukhin, N. D. (2015) *Politicheskoe liderstvo v Afrike: proshloe i nastoiashchee* [Political leadership in Africa: past and contemporary], Moscow: Institut Afriki RAN.
- Krivushin, I. V. (2012) Alkhadzhi Amani Diori, in: Davidson, A. B. (ed.), *Istoriia Afriki v biografiakh*, Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 490—494.
- Prokopenko, L. Ia. (2014) Pervye ledi stran Iuga Afriki: politika i zhizn' [African First Ladies: policy and life], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 51—62.
- Sadovskaia, L. M. (2014) Gender i vlast' v Kot-d'Ivuare: Bol'shaia politicheskaiia saga [Gender and power in Côte d'Ivoire: Great political saga], in: *Obshchestvennaia, politicheskaiia i kul'turnaia zhizn' afrikanskikh stran v gendernom izmerenii*, Moscow: Institut Afriki RAN, pp. 15—26.
- Sage, A. (1998) Premières dames et first ladies: la femme du chef est-elle le chef du chef? in: *L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique*, Paris: Karthala Editions, pp. 45—62.
- Shvedova, N. A. (2013) Institut pervoi ledi kak komponent amerikanskoï politicheskoi kul'tury [The institute of First Lady as an element of American political culture], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 51—58.
- Williams, P. (2000) State, women and democratization in Africa: the Nigerian experience, in: *Okwudiba Nnoli. Government and Politics in Africa*, Harare: AAPS Books, pp. 662—703.

ББК 66.3(2Рос),15

Т. Б. Рябова

«РОДИНА-МАТЬ» В ПРАКТИКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию роли символа «Родина-мать» в практиках политической мобилизации современной России. В первой части статьи рассматриваются субъекты, ресурсы, типы и механизмы политической мобилизации. Во второй части показана роль символов в практиках политической мобилизации. В заключение автор анализирует формы использования материнского символа России на примере образа с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Делается вывод, что разные политические акторы будут привлекать материнский символ и на предстоящих парламентских и президентских выборах.

Ключевые слова: «Родина-мать», политическая мобилизация, мобилизационный призыв, символическая политика, постсоветская Россия, плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!».

T. B. Riabova. The “Motherland” in the practices of political mobilization

The article dwells upon the role of the symbol of the Motherland in the practices of political mobilization in the post-Soviet Russia. In the first section of the article the author demonstrates how political scientists study the phenomenon of political mobilization, its subjects, resources, types, and mechanisms. The next section focuses on the role which a symbol in general and the maternal symbol in particular plays in the practices of political mobilization. The final section deals with the problem of using the symbol of Motherland by the agents of mobilization in contemporary Russia. The author takes as an example the maternal image of the country from Iraklii Toidze’s famous poster “The Motherland calls!” which serves as one of the most prominent case of visualization of mobilization appeal. The representatives of various political forces exploit the image in multiple forms appealing to voting, to participate in anti-government actions, to support a certain candidate, to defend the Motherland against external and internal enemies. The author makes the conclusion that various political actors will employ the maternal symbol of the country on the parliament (2016) and presidential (2018) campaigns in Russia.

Key words: the “Motherland”, political mobilization, the mobilization appeal, symbolic politics, the post-Soviet Russia, Iraklii Toidze’s poster “The Motherland calls!”.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 124—137

© Рябова Т. Б., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

В сегодняшней России наблюдается заметный всплеск интереса к политике, обнаруживающий себя в разнообразных формах, будь то массовые акции протеста 2011—2013 гг., беспрецедентное внимание граждан России к событиям на Украине на протяжении длительного периода или, скажем, использование политической символики — как на митингах, так и в повседневной жизни. «Возвращение» масс в политику обуславливает необходимость в новых подходах к анализу политических процессов и новой оценке роли «простых людей» в этих процессах. Автономное политическое участие, как становится ясным сегодня, невозможно; необходимым социокультурным и институциональным элементом вовлечения масс в политическую жизнь являются усилия агентов мобилизации. В качестве рабочего воспользуемся определением политической мобилизации как процесса включения индивидов в политику, в институты участия, представительства и действия (см. подробнее: [Экспертное обсуждение... , 2015])¹.

Одним из наиболее известных образов мобилизации в военное время является образ матери: либо в качестве аллегории страны, либо — матери солдата. В мобилизационной пропаганде разных стран матери взывают о помощи, посылают сыновей и дочерей в бой, оплакивают павших героев [Рябов, 2005]. Сложно переоценить ту роль, которую играет в отечественной военной культуре материнский символ на протяжении уже, как минимум, двух столетий [Рябов, 2014b]. В данной работе мы ставим цель рассмотреть вопрос о роли символа «Родина-мать» в политической мобилизации. Сначала мы остановимся на краткой характеристике понятия политической мобилизации, отметив, как в политической науке исследуются ее типы, субъекты, ресурсы и механизмы. Затем проанализируем, какую роль в мобилизационных процессах играют символы вообще и материнский символ в частности. Наконец в последней части статьи речь пойдет о том, как в современной России образ Родины-матери включают в свои мобилизационные практики различные политические акторы.

Источниками для анализа станут статьи, комментарии, визуальные материалы, материалы блогов и интернет-форумов, опубликованные в ведущих российских изданиях в период 2011—2015 гг.

Политическая мобилизация: субъекты, типы, ресурсы и механизмы

Политическая мобилизация имеет долгую историю изучения в политологии. В интерпретации ее природы длительное время доминировала теория К. Дейча (1960-е гг.), понимавшего политическую мобилизацию как следствие социальной мобилизации, в ходе которой разрушаются старые социальные, политические, экономические и психологические модели и паттерны поведения и появляются паттерны и модели новые — во всех сферах, включая политическую

¹ В различных определениях, однако, делается акцент на различных составляющих процесса: агентах, ресурсах, процессе мобилизации (см., напр.: [Большой толковый социологический словарь, 1999; Политология, 2001]). Ч. Тилли в труде «От мобилизации к революции» рассматривает мобилизацию как обязательный компонент коллективного действия (выгода, организация, мобилизация, возможность и коллективное действие как таковое) (см.: [Шульц, 2014: 25]).

(см. подробнее: [Cameron, 1974]). Переход к новым моделям создает условия и для развития политической сферы (в частности, для роста политического участия). В последующие десятилетия идеи Дейча были востребованы в исследованиях национализма, в том числе в работах основоположников модернистского подхода к интерпретации данного феномена (см., напр.: [Малахов, 2005]). Создание нации как принципиально новой формы политического и культурного сообщества (сообщества горизонтального, предполагающего, помимо прочего, интеграцию элит и масс) рассматривалось в тесной связи с политической мобилизацией: мобилизация приводит к развитию партий, союзов, движений, которые, в свою очередь, обеспечивают широкое политическое участие, вовлечение все новых членов в политический процесс, принятие ими социальных и политических норм и институтов и, как следствие, формируют в границах государства политическую солидарность (М. Вейнер, С. Хантингтон, Дж. П. Неттл, К. Велч) (см. об этом: [Cameron, 1974]). Критика социальной детерминированности теории Дейча привела к появлению еще одного важного предметного поля — роли субъектов/агентов мобилизации (Д. Камерон) [там же], а также влияния на процесс политической мобилизации исторического, социального и политического контекстов².

Охарактеризуем кратко инструментарий, предлагаемый для анализа политической мобилизации масс. Исследователи едины в том, что целью данного процесса является обеспечение политического участия [Экспертное обсуждение... , 2014; Кремьень, 2013], а его специфика определяется мотивами участия³. В современной интерпретации политической мобилизации важное место занимает проблема *субъекта* мобилизации и его ресурсов. Государство, элиты, политические партии, движения — все эти акторы имеют возможность воздействовать на изменение политических ориентаций масс, обеспечивать своими ресурсами их политическое поведение (см. подробнее: [Marquette, 1981]). Различная значимость субъектов мобилизации, по мнению Д. Камерона, обуславливается тем, что они имеют разные способности адаптации идеологии к новым условиям и проводят разную политику использования ресурсов [Cameron, 1974]. Особую роль в политической мобилизации играет государство, которое создает для граждан возможность политического участия, распределяет ресурсы, влияет на процесс политической социализации и паттерны политического

² Обосновывающий этот тезис С. Роккан на материале политической жизни Норвегии показал, что массовая мобилизация может быть как составной частью нациестроительства и национальной интеграции, так и, напротив, может представлять собой компонент развития периферии, сопротивляющейся стремящемуся их подчинить центру [Rokkan, 1967] (см. об этом также: [Cameron, 1974: 143]).

³ При этом ответ на вопрос о механизмах политической мобилизации различается в зависимости от того, какие мотивы признаются ведущими. В 1950—60-х гг. исследователи видели эти мотивы в психологических особенностях личности, в последующие десятилетия преобладающей стала тенденция подчеркивать в качестве основного мотива чувство депривации, недовольства и неудовлетворенности, порождаемое структурной напряженностью социальной системы. В теории ресурсной мобилизации процесс связывается с увеличением ресурсов у организаций вследствие роста общественного благосостояния [Klandermans, 1984; Marquette, 1981; Шульц, 2014; Гончаров, 1995].

поведения, определяет значимость тех или иных социальных проблем в своей повестке дня и предлагает их решения [Mettler, Soss, 2004]. В свою очередь, индивиды являются не только пассивным объектом мобилизации; участвуя в протестном движении, в выборах, в общественных движениях и политических партиях или же просто подписывая интернет-петицию, они становятся субъектами мобилизации.

В *типологии* политической мобилизации, во-первых, обращает на себя внимание противопоставление соревновательной и авторитарной мобилизации. Первая характеризуется постоянным вовлечением граждан в политические отношения, автономными и активно работающими институтами артикуляции социально-политических интересов, а также единой системой демократических ценностей. Второй тип, распространенный в государствах с недифференцированными институтами и ролями, основан на пропаганде и принуждении масс к политическому участию [Гончаров, 1995]. Во-вторых, различают конструктивную и вынужденную мобилизацию; в первом случае группа с помощью своих ресурсов целенаправленно организует социальные действия (например, протест), во втором же мобилизация является стихийной, возникшей в результате кризисной ситуации [Яницкий, 2012]. В-третьих, мобилизация делится на позитивную и конфликтную. Позитивный тип мобилизации строится вокруг того потенциала, который несут в себе различные положительные эмоции (скажем, вокруг использования государственных гимна, флага, герба). Конфликтная же мобилизация основана на мобилизационном потенциале социальных конфликтов; важнейшую роль в этом случае играет образ врага [Кремень, 2013].

Что касается *ресурсов* политической мобилизации, то наиболее принятым является выделение таких, как организационные (например, инфраструктура, социальные сети и организации), культурные (знания, ценности, идеология), материальные (деньги и другие способы вознаграждения), социальные (солидарность) и человеческие [Гончаров, 1995] (об основных типологиях подробнее см.: [Jenkins, 1983]). В соответствии с данной типологией классифицируют и используемые *механизмы* мобилизационных процессов. Среди них выделяют принуждение с помощью административных/организационных ресурсов или ресурсов материальных (скажем, участие в митинге «за отгул»). В современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу непрямыми методами, будь то использование авторитета политического лидера или эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов [Аберкромби и др., 2008]. В последнем случае работа идет на уровне идей и символов и успех зависит как от апелляции к рациональности, так и от апелляции к чувствам [Klandermans, 1984; Marquette, 1981].

Одним из эффективных путей воздействия на индивидов и группы является апелляция к идентичности. Мобилизация идентичности индивидов и групп представляет собой необходимое условие консолидации любой группы: это позволяет ей выступать субъектом политического действия [Du Preez, 1980: 3, 7, 123]. Кроме того, власть, осуществляемая через дискурсивное воздействие на идентичность, значительно эффективнее, поскольку реализуется на микроуровне [Фуко, 1996; Smitherman-Donaldson, van Dijk Teun, 1988].

Наконец, важным методом политической мобилизации является мобилизационный призыв, успешность которого зависит как от образа агента мобилизации,

так и от репрезентаций общественной проблемы, способных активизировать социально-политическое восприятие и личностную активность индивидов [Гончаров, 1995].

Символ в практиках мобилизации

Символы, как таковые, играют важную роль в политической мобилизации. Их включают в свои мобилизационные практики политики и избиратели, партии и общественные движения, государство и элиты. По выражению М. Эдельмана, власти используют символ для манипуляции массами, а массы — для манипуляции режимом (см.: [Kowalewski, 1980: 439]).

Американский политолог Д. Ковалевски в качестве главных характеристик символа, позволяющего ему служить эффективным инструментом мобилизации, выделил сакральность и эмоциональную нагруженность, обусловленную его связью с особо значимым групповым опытом, а также тем обстоятельством, что в нем этот опыт сконцентрирован лишь в одной репрезентации, в одном знаке. Благодаря этим характеристикам, привлечение символов способствует, по мнению Ковалевского, во-первых, успешной рекрутизации мобилизуемой аудитории; во-вторых, радикализации группы, использующей символы (ее консолидации и готовности отстаивать свои символы и то, что они обозначают), и, в-третьих, более эффективному влиянию на аудиторию. Эксплуатация символов малозатратна, и это особенно важно для тех политических акторов, чьи материальные ресурсы ограничены [ibid.: 441—443].

Статья Ковалевского была написана еще в период холодной войны, и автор анализировал возможности, которые применение символов создает для организации антисоветских акций в СССР. Впоследствии на потенциал символов как ресурса политической мобилизации обратили самое пристальное внимание идеологи «цветных революций». Дж. Шарп в своих получивших широкую известность трудах о ненасильственных формах сопротивления власти подчеркивал роль символических акций [Шарп, 2011: 64—65], среди которых выделял такие, как, например, использование атрибутики, шествия, символическое освоение земель и даже раздевание в знак протеста; карикатуры и плакаты занимают, по его мнению, одно из центральных мест в организации общения с массовой аудиторией. Особенно значимыми символические акции являются в начале протестного движения: они способствуют привлечению внимания к проблеме [там же: 51]. Е. Пономарёва отмечает центральную роль символической составляющей в технологиях смены политических режимов; при этом происходит изменение символических иерархий, протекающее от отрицания старых символов до точного отбора новых [Пономарёва, 2012: 46]. Воспроизводству такой значимости символов способствуют современные средства массовой коммуникации, в том числе социальные сети, которые формируют новые смыслы и переформатируют мир [там же: 50, 54]. Особое место в символической политике «цветных революций» занимает использование цвета; несложный и узнаваемый символ обеспечивает идентификацию единомышленников (например, оранжевый цвет на Украине [Ситнова, 2011]; о роли цветных символов в сербском движении «Отпор» см.: [Чимерис, 2015]; о типологиях символов в «цветных революциях» см.: [Будина, 2014]).

Одним из символов, используемых в мобилизационных практиках, является материнский. Его мобилизационный потенциал определяется рядом факторов. Он восходит к мифологическим представлениям о материнской сущности родной земли, которые распространены у многих народов. Кроме того, он позволяет человеку при осмыслении политической проблематики пользоваться стереотипами семьи и семейных отношений, которые ему хорошо знакомы, поскольку связаны с его повседневным опытом. Далее, материнский символ приравнивает обязанности перед государством к сыновнему и дочернему долгу. Наконец, он создает некую естественную, семейную, родственную основу для солидарности и коллективной идентичности, без чего коллективные действия не были бы столь эффективны.

Символ матери активно используется в военной мобилизации многих стран в различные периоды истории. Военные плакаты включают в себя изображения страданий родины-матери, апеллируя тем самым к гендерной идентичности мужчин, к их роли защитника. Помимо этого, женские и материнские фигуры сами оказываются в центре военных событий; их воинская доблесть связана с использованием таких смысловых оттенков образа женственности, как сила, власть, мудрость, ассоциируемые в первую очередь с фигурой матери [Рябов, 2005].

Известны случаи эксплуатации символа и в политической мобилизации. Яркий пример — картина Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ», изображающая Марианну, символ Франции, на баррикадах. Образ Матушки-России, освобожденной от царского гнета, был среди наиболее заметных мобилизующих символов в период Февральской революции, появляясь на знаменах, жетонах, наградах, обложках журналов и др. [Рябов, 2014b: 99—100]⁴.

«Родина-мать» в мобилизационных практиках

Призыв выступает важнейшим компонентом мобилизационных практик, и теперь мы хотели бы проанализировать использование одного из наиболее известных случаев визуализации мобилизационного призыва — образа Родины с плаката И. Тоидзе. Значимость этого образа, созданного в 1941 г., определяется не только мастерством художника, но и теми ассоциациями с мобилизацией периода Великой Отечественной войны, которые данный плакат вызывает⁵. В 1990-х гг. его использовала в мобилизации электората «народно-патриотическая оппозиция», обвинявшая президента Б. Ельцина и его окружение в национальном предательстве и «изнасиловании России» [там же: 107]

⁴ Можно найти немало свидетельств того, как образ «неньки Украины» использовался в мобилизации протестующих во время Евромайдана (напр.: [Россия, мать, иди гулять, 2015]). В апреле же 2014 г. МВД Украины выпустило обращение к бойцам «Беркута», в котором призвало их на службу новой киевской власти словами: «Теперь Мать-Украина нуждается в вашей помощи и участии как никогда» [Сабитова, 2014].

⁵ О мобилизующей силе образа может свидетельствовать и факт постоянных попыток использовать его в коммерческой рекламе — попыток, которые, как правило, вызывают возмущенную реакцию наших соотечественников различных политических взглядов, а иногда и судебные преследования [«Родина-мать» в рекламе, 2015].

(прил., ил. 1). В 2000—2010-х гг. к эксплуатации этого образа обратились и другие политические силы. Рассмотрим формы, в которых осуществляется включение этого образа в мобилизационные практики.

Прежде всего отметим, что он остается востребованным в критике власти; его привлекают представители КПРФ и других партий левой ориентации, сторонники движений русского этнического национализма и даже участники протестного движения 2011—2013 гг. (так называемой Болотной революции) (прил., ил. 2). В этом случае «Родина-мать» выступает символом народа, страдающего от коррумпированной власти. Ситуация меняется в последние три года: в результате обострения отношений с Западом в условиях украинского кризиса, а также превращения либеральной прозападной оппозиции в основного оппонента Кремля «Родина-мать» используется в качестве символа государства. В таких условиях сакральность символа служит не только усилению эффективности мобилизационного призыва, но и его радикализации, объединению «своих» вокруг власти, с которой, как предполагается, этот символ должен ассоциироваться, и одновременно отмежеванию от политических оппонентов, которые нередко маркируются как пятая колонна. Так, исследуемый образ использовался в листовках, призывающих прийти на митинг против «оранжевой революции» в России, состоявшийся на Воробьевых горах 23 февраля 2012 г. [Агумава, 2012] (прил., ил. 3). Любопытен контекст, в котором символ Родины был использован для делегитимации оппозиции на демотиваторе, посвященном одному из заметных событий парламентской кампании 2011 г., когда непосредственно перед выборами в храме Христа Спасителя была выставлена православная святыня — часть пояса Пресвятой Богородицы (прил., ил. 4). Широкий интерес граждан России к ней был интерпретирован и как верность православию, и как поддержка власти. На рисунке образ Родины-матери приобретает религиозные черты, сливаясь с образом Богородицы. В качестве «агентов Госдепа» и предателей промаркированы представители либеральной оппозиции [Рябов, 2015]. Кроме того, пресловутый «Госдеп» показан как альтернатива Всевышнему, оппонент Богородицы как воплощения традиционных ценностей, включая ценности семейные, и враг Родины; тем самым исследуемый образ выступает культурно-символическим фактором современного российского антиамериканизма (подробнее о гендерном аспекте антиамериканизма см.: [Рябова, Романова, 2012])⁶.

Анализируемый образ был широко представлен и в дискурсе легитимации присоединения Крыма к РФ [Рябов, 2014а] (прил., ил. 5). Очевидно, в данном случае мобилизационный призыв направлен не только населению полуострова, но и гражданам России; тем самым борьба с национал-радикалами Евромайдына была представлена как продолжение Великой Отечественной войны.

Еще одна форма рекрутизации электората — это призыв поддержать того или иного политического актора; сегодня к подобной агитации прибегают представители многих партий, включая и «партию власти». Например,

⁶ О роли гендерного дискурса в политике национальной идентичности и дискурсе Болотной революции — подробнее см.: [Цалко, Рябова, 2010; Рябова, Рябов, 2010; Riabov, Riabova, 2014].

на региональных выборах, состоявшихся в сентябре 2015 г., один из кандидатов поместил в свои агитационные материалы рисунок, на котором «Родина» призывает голосовать за «Единую Россию» [«Родина-мать», печатный орган... , 2015].

Наконец, «Родина-мать» используется в такой форме мобилизации, как обеспечение участия в голосовании, которое тем самым позиционируется в качестве гражданского долга. Любопытным примером стала фотография, получившая приз за «самый креативный» призыв принять участие в выборах на проводимом в Удмуртии республиканском конкурсе «Голосовать — это модно!»: девушка сфотографировала себя в образе Родины, несколько «современив» его... (прил., ил. 6) [Самую креативную фотографию... , 2014].

Таким образом, материнский образ Родины, благодаря своей значимости, привлекает внимание (внимание, заметим, является формой политического участия), а также обеспечивает мобилизацию граждан на политические действия, увеличивая эффективность мобилизационного призыва и обеспечивая поддержку политического актора, будь то государство или политическая партия.

Сакральным статусом наделяются и те артефакты, которые призваны символизировать Родину; в связи с этим представляет интерес то внимание, которое общественность уделила прецеденту, связанному с десакрализацией монумента «Родина-мать зовет!», установленного на Мамаевом кургане (скульптор Е. Вучетич). В 2012 г. чиновники администрации Волгограда решили «повысить инвестиционную и туристическую привлекательность города» путем ребрендинга, призвав найти замену традиционному бренду, связанному с монументом Вучетича, как «слишком мрачному» [Как чиновники искали «новый символ» Волгограда... , 2012]. Примечательно, что эти намерения осудили представители самых различных политических сил⁷. Даже Патриарх Кирилл, выступая в дни обсуждения этой проблемы на Форуме православных женщин, счел нужным заявить: «Статуя Родины-Матери на Мамаевом кургане олицетворяет подвиг всего нашего народа во время Великой Отечественной войны. У этого подвига — женское лицо, как женское лицо у нашей Родины» [Патриарх Кирилл, 2012].

Еще один получивший широкую известность случай — реакция на включение одним американским еженедельником волгоградского монумента в список «самых нелепых строений советской эпохи». Этот список, опубликованный накануне Дня Победы, вызвал тысячи негативных окликов политиков, высших государственных чиновников, журналистов и обычных интернет-пользователей. Обсуждение символа и его интерпретации американским изданием превратилось в дискуссию о специфике российского и американского отношения к Родине [Рябова, Романова, 2015].

Подводя итоги, отметим, что символы выступают важным элементом политической мобилизации. В различных культурах одним из наиболее

⁷ Наверное, о реакции общества на эти планы может свидетельствовать то, что посвященная ей статья обозревателя «Комсомольской правды» А. Гришина, озаглавленная «Родина-мать, прости нас за этих уродов!», начинается несколько необычно: «Очень трудно не ругаться матом. Практически невозможно» [Гришин, 2012].

привлекаемых в мобилизационные практики символов является материнский символ нации; он занимает заметное место в процессах мобилизации и в России. Мы проанализировали использование образа с плаката Тоидзе «Родина-мать зовет!», включаемого в мобилизационные призывы различными агентами мобилизации: государством, СМИ, церковью, политическими партиями и общественными движениями. Формы, в которых представители большинства политических сил прибегают к использованию данного символа, многообразны: призыв к участию в голосовании, обеспечивающий электоральную активность; призыв голосовать за собственную партию или кандидата; призыв участвовать в акциях протеста против властей с экономическими или политическими требованиями; призыв защищать Родину от внешних и внутренних врагов. Символическая политика, формой которой являются мобилизационные призывы, представляет собой конкуренцию различных способов интерпретации социальной реальности [Малинова, 2012]; в случае эксплуатации материнского символа Родины это сопровождается соперничеством по вопросу о его трактовке. Использование символа «Родина-мать», ассоциируемого в том числе с военной мобилизацией, обеспечивает привлечение внимания, наделяя маркируемое таким способом событие повышенной значимостью. Этот эффект может быть объяснен с помощью теории депривации: эффективность мобилизационных усилий в значительной степени определяется тем, как создается у объекта мобилизации ощущение опасности лишения доступа к значимым материальным или символическим ресурсам. Показательно, что статусом сакральности наделяют не только Россию-Родину, но и соотносимые с ней символы, включая плакаты и монументы, о чем свидетельствуют случаи, связанные с отношением к волгоградскому монументу «Родина-мать зовет!». Мобилизационный потенциал материнского символа позволяет предположить, что и на предстоящих парламентских и президентских выборах в России он будет замечен.

Библиографический список

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.* Социологический словарь. 2008. URL: <http://www.psyoffice.ru/slovar-s229.htm> (дата обращения: 20.10.2015).
- Агумава Ф.* «Не закрутишь гайки — не соберешь мебель». 04.02.2012. URL: <http://www.utro.ru/articles/2012/02/04/1026775.shtml> (дата обращения: 20.10.2015).
- Большой толковый социологический словарь / под ред. Д. Джери, Дж. Джери. М.: Аст, 1999. 543 с.
- Будина М. Э.* Символы цветных революций в составе их именовании // Концепт. 2014. № 8. С. 126—130.
- Гончаров Д. В.* Политическая мобилизация // Политические исследования. 1995. № 6. С. 129—137.
- Гришин А.* Родина-мать, прости нас за этих уродов! // Комсомольская правда. 2012. 29 ноября. URL: <http://www.kp.ru/daily/25993.4/2922635/> (дата обращения: 20.10.2015).
- Как чиновники искали «новый символ» Волгограда и что из этого вышло. 03.12.2012. URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/other/03-12-2012/1136997-symbol-0/#sthash.qWN6vQ4q.dpuf> (дата обращения: 20.10.2015).

- Кремень Т. В. Компоненты политической мобилизации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск: СибАК, 2013. № 8 (28). URL: <http://sibac.info/sibac.info/2009-07-01-10-21-16/10092-> (дата обращения: 20.10.2015).
- Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М.: КДУ, 2005. 320 с.
- Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8, № 4. С. 179—204.
- Патриарх Кирилл: статуя Родины-Матери олицетворяет подвиг нашего народа // За веру православную. 2012. Декабрь. URL: http://za-veru.ru/actual_info/13/2308/ (дата обращения: 20.10.2015).
- Политология: словарь-справочник / под ред. М. А. Василика, М. С. Вершинина и др. М.: Гардарики, 2001. 328 с.
- Пономарёва Е. Г. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1—2. С. 43—59.
- «Родина-мать» в рекламе. 2015. URL: https://vk.com/album-93433867_217688641 (дата обращения: 20.10.2015).
- «Родина-мать», печатный орган и бдения в полиции. 12.09.2015. URL: <http://www.33polit.info/news/rodina-mat-pechatnyj-organ-i-bdeniya-v-policii/#comment-114725> (дата обращения: 20.10.2015).
- Россия, мать, иди гулять! 2015. URL: http://kiev1.org/wp-content/uploads/2014/04/1496658_632042736869558_1520984541_n.jpg (дата обращения: 20.10.2015).
- Рябов О. В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 19—28.
- Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014а. № 4. С. 40—50.
- Рябов О. В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014б. № 1. С. 90—113.
- Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 81—100.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. Гендерное измерение российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 168—183.
- Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики // Политические исследования. 2010. № 5. С. 48—63.
- Сабитова А. «Теперь Мать-Украина нуждается в вашей помощи и участии как никогда» // Коммерсант. 2014. 20 апреля.
- Самую креативную фотографию конкурса «Голосовать — это модно» выбрали в Удмуртии. 04.09.2014. URL: <http://susanin.udm.ru/news/2014/09/04/430019> (дата обращения: 20.10.2015).
- Ситнова И. Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства // Власть. 2011. № 5. С. 145—147.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 446 с.
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.

- Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое изд-во, 2011. 84 с.
- Шульц Э. Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 23—30.
- Чимерис Е. Роль молодежного движения в трансформации политического режима: (на примере движения «Отпор» в Сербии) // Политнаука. 2015. URL: <http://www.politnauka.org/library/molpolit/chimiris1.php> (дата обращения: 20.10.2015).
- Экспертное обсуждение проблем современной массовой политики в России: материалы круглого стола в ИС РАН / под ред. С. В. Патрушева. 04.03.2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Stenogramma_expert_obsuzhdeniya_04.03.15.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
- Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3—12.
- Cameron D. R. Toward a theory of political mobilization // *The Journal of Politics*. Vol. 36, № 1 (February, 1974). P. 138—171.
- Jenkins J. C. Resource mobilization theory and the study of social movements // *Annual Review of Sociology*. Vol. 9 (1983). P. 527—553.
- Klandermans B. Mobilization and participation: social-psychological expansions of resource mobilization theory // *American Sociological Review*. Vol. 49, № 5 (October, 1984). P. 583—600.
- Kowalewski D. The protest uses of symbolic politics in the USSR // *The Journal of Politics*. Vol. 42, № 2 (May, 1980). P. 439—460.
- Marquette J. F. A logistic diffusion model of political mobilization // *Political Behavior*. Vol. 3, № 1 (1981). P. 7—30.
- Mettler S., Soss J. The consequences of public policy for democratic citizenship: bridging policy studies and mass politics // *Perspectives on Politics*. Vol. 2, № 1 (March, 2004). P. 55—73.
- Du Preez P. *The Politics of Identity: Ideology and the Human Image*. Oxford: Blackwell, 1980. 178 p.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Rokkan S. Mass suffrage, secret voting and political participation // *Political Sociology* / ed. by L. A. Coser. New York: Harper & Row: Harper Torchbooks, 1967. P. 101—131.
- Smitherman-Donaldson G., van Dijk Teun A. Introduction: words that hurt // *Discourse and Discrimination*. Detroit: Wayne State University Press, 1988. P. 17—21.

References

- Aberkrombi, N., Khill, S., Terner, B. (2008) *Sotciologicheskii slovar'* [Dictionary of sociology], available from <http://www.psyoffice.ru/slovar-s229.htm> (accessed 20.10.2015).
- Budina, M. E. (2014) Simvoly tsvetnykh revoliutsii v sostave ikh imenovaniï [Symbols of color revolutions within their naming], *Kontsept*, no. 8, pp. 126—130, available from <http://e-koncept.ru/2014/14224.htm> (accessed 20.10.2015).
- Cameron, D. R. (2014) Toward a theory of political mobilization, *The Journal of Politics*, vol. 36, no. 1, February, pp. 138—171.

- Chimeris, E. (2015) Rol' molodëzhnogo dvizheniia v transformatsii politicheskogo rezhima: (Na primere dvizheniia "Otpor" v Serbii) [Youth movement in changing political regime: (Case of "Otpor" in Serbia)], *Politnauka*, 2015, available from <http://www.politnauka.org/library/molpolit/chimiris1.php> (accessed 20.10.2015).
- Du Preez, P. (1980) *The Politics of Identity: Ideology and the Human Image*. Oxford: Blackwell.
- Fuko, M. (1996) *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i sexual'nosti* [The will to truth: On the other side of knowledge, power and sexuality], Moscow: Kastal'.
- Goncharov, D. V. (1995) Politicheskaia mobilizatsiia [Political mobilization], *Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 129—137.
- Jenkins, J. C. (1983) Resource mobilization theory and the study of social movements, *Annual Review of Sociology*, vol. 9, pp. 527—553.
- Jary, D., Jary, Ju. (eds) (1999) Bol'shoi' tolkovyi' sotsiologicheskii slovar' [Collins dictionary sociology], Moscow: Ast.
- Klandermans, B. (1984) Mobilization and participation: social-psychological expansions of resource mobilization theory, *American Sociological Review*, vol. 49, no. 5, October, pp. 583—600.
- Kowalewski, D. (1980) The protest uses of symbolic politics in the USSR, *The Journal of Politics*, vol. 42, no. 2, May, pp. 439—460.
- Kremen', T. V. (2013) Komponenty politicheskoi' mobilizatsii [Components of political mobilization], *Actual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiia, politologiia, filosofiiia, istoriia*, no. 8 (28), Novosibirsk: SibAK, available from <http://sibac.info/sibac.info/2009-07-01-10-21-16/10092-> (accessed 20.10.2015).
- Malakhov, V. C. (2005) *Natsionalizm kak politicheskaiia ideologiia* [Nationalism as a political ideology], Moscow: KDU.
- Malinova, O. Yu. (2012) Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi' politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei' èlity v postsovetskoi' Rossii [Political use of the past as a tool of symbolic politics: evolution of power elite discourse in the Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia èkspertiza*, vol. 8, no. 4, pp. 179—204.
- Marquette, J. F. (1981) A logistic diffusion model of political mobilization, *Political Behavior*, vol. 3, no. 1, pp. 7—30.
- Mettler, S., Soss, J. (2004) The Consequences of public policy for democratic citizenship: bridging policy studies and mass politics, *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 1, March, pp. 55—73.
- Patrushev, S. V. (ed.) (2015) *Èkspertnoe obsuzhdenie problem sovremennoi' massovoï politiki v Rossii: Materialy kruglogo stola v Institute Sotsiologii*, 04.03.2015 [Contemporary mass politics: Expert discussion. Proceedings of round table in the Institute of Sociology], available from http://www.isras.ru/files/File/publ/Stenogramma_expert_obsuzhdeniya_04.03.15.pdf (accessed 20.10.2015).
- Ponomarëva, E. G. (2012). Sekrety "tsvetnykh revoliutsii" [Secrets of "color revolution"], *Svobodnaia mysl'*, no. 1—2, pp. 43—59.
- Riabov, O. V. (2005) Natsiia i gender v vizual'nykh reprezentatsiiaikh voennoi' propagandy, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 19—28.
- Riabov, O. V. (2014a) Mat' i macekha: materinskiï simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniia Kryma k RF [The mother and the step-mother: the maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 40—50.
- Riabov, O. V. (2014b) "Rodina-mat'" v istorii vizual'noi' kul'tury Rossii [The "Motherland" in the Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriiia, no. 1, pp. 90—113.

- Riabov, O. V. (2015) “Rodina-mat” v simbolicheskoi politike perioda “Bolotnoi revoliutsii”: legitimatsiia i delegitimatsiia vlasti [The “Motherland” in the symbolic politics of the “Snow Revolution” in Russia (2011—2013): legitimizing and delegitimizing power], *Labirint*, no. 4, pp. 81—100.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2010) Nastoiashchii muzhchina rossiiskoi politiki [Real man of Russian politics], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 48—63.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2015) “Rodina-mat” kak kul’turno-semioticheskii resurs sovremennogo rossiiskogo antiamericanizma [“Motherland” as cultural and semiotic resource in the contemporary Russian anti-Americanism], *Labirint*, no. 4, pp. 168—183.
- Rokkan, S. (1967) Mass suffrage, secret voting and political participation, in: Coser, L. A. (ed.), *Political Sociology*, New York: Harper & Row, Harper Torchbooks, pp. 101—131.
- Sitnova, I. (2011) Sravnitel’nyi analiz “tsvetnykh revoliutsii” v stranakh postsovetskogo prostranstva [“Color revolutions” in post-Soviet countries: comparative analysis], *Vlast’*, no. 5, pp. 145—147.
- Sharp, J. (2011) *Ot diktatury k demokratii: Strategii i taktika osvobozhdeniia* [From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation], Moscow: Novoe izd-vo.
- Shul’ts, È. È. (2014) Teoriia sotsial’nykh dvizhenii: problemy teorii i praktiki [Theory of social movements: problems of theory and practice], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta*, seria Gumanitarnye i social’nye nauki, no. 4, pp. 23—30.
- Smitherman-Donaldson, G., van Dijk Teun, A. (1988) Introduction: words that hurt, in: *Discourse and Discrimination*, Detroit: Wayne State University Press, pp. 17—21.
- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost’ i evropeiskost’ skvoz’ prizmu gendernykh identifikatorov [Russianness and Europeaness through the prism of gender identity markers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.
- Vasilik M. A., Vershinin M. S. (eds) (2001) *Politologiya: slovar’-spravochnik* [Political sciences: Dictionary], Moscow: Gardariki.
- Yanitskii, O. N. (2012) Massovaia mobilizatsiia: problemy teorii [Mass mobilization: problems of theory], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 3—12.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список иллюстраций

1. О. Груздев Митинг в Москве. 21 марта 1993 г. (День. 1993. № 12).
2. Родина-мать зовет! 6 мая 2012 г. Народный марш. (URL: https://scontent.xx.fbcdn.net/hphotos-xfa1/v/t1.0-9/562217_152089468254180_1616620128_n.jpg?oh=7a77b125eeabac8fe5481c6ee4e327c4&oe=56185D7F), (дата обращения: 20.10.2015).
3. Родина-мать зовет! Настал наш черед защитить Отечество. 2012 г. (URL: <http://yakobinets.livejournal.com/156261.html>), (дата обращения: 20.10.2015).
4. Россия сделала выбор! 2011 г. (URL: <http://patriofil.ru/photo/4-0-273>) (дата обращения: 20.10.2015).
5. Родина-мать зовет! Крым. Референдум. 2014 г. (URL: http://www.odinfakt.ru/galereya/rodinamat_zovet_refere/) (дата обращения: 20.10.2015).
6. Самую креативную фотографию конкурса «Голосовать — это модно» выбрали в Удмуртии. 2014 г. (URL: <http://susanin.udm.ru/news/2014/09/04/430019>) (дата обращения: 20.10.2015).

Иллюстрации

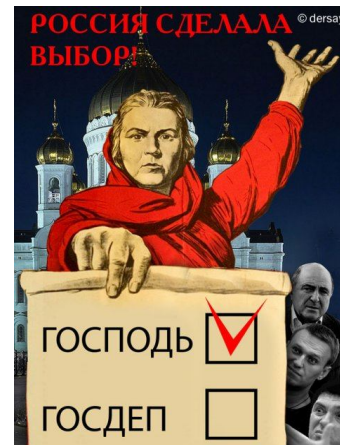
1

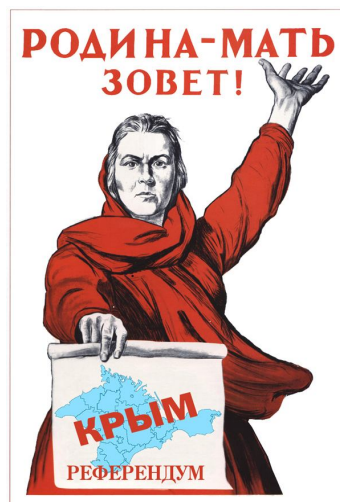
2

3

4

5

6

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)53-284.3

О. М. Долидович

ДАМСКИЙ КОМИТЕТ БАРНАУЛЬСКОГО ОТДЕЛА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ПЕРИОД ВОЙН НАЧАЛА XX в.

Охарактеризованы история создания и основные направления работы дамского комитета Барнаульского отдела Российского общества Красного Креста во время Русско-японской и Первой мировой войн. Предметом анализа является вопрос о взаимодействии руководства отдела и дамского благотворительного комитета при нем, об их взаимных ожиданиях и претензиях, отношении друг к другу. Исследование основано на материалах Государственного архива Алтайского края, отчетах и протоколах заседаний отдела и дамского комитета, сибирской периодической печати до-революционного периода.

Ключевые слова: Барнаул, дамский комитет, Первая мировая война, Российское общество Красного Креста, Русско-японская война.

O. M. Dolidovich. Ladies' committee of the Russian Red Cross Society Barnaul division during early XX c. wars

The article describes the history of creation and the main directions of the ladies' committee of Barnaul division of the Russian Red Cross Society during the Russian-Japanese War and World War I. The subject of the analysis is the question of the interaction between division management and a ladies' charity committee within the division; their mutual expectations and claims to each other and the reasons for this attitude. In the Siberian provinces the first women's charities in the pre-revolutionary period in most cases were created within Russian Red Cross Society's local committees and departments. These ladies' committees during early XX c. wars gained experience of independent work in the women's voluntary associations, which became the basis for the further development of their civic consciousness.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 138—146

© Долидович О. М., 2015

Долидович Олеся Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dolidovich@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Social Technologies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia).

The study is based on the materials of the State Archives of Altai Krai, reports and minutes of meetings of the Division and the ladies' committee as well as on the Siberian periodicals of the pre-revolutionary period.

It is shown that the relationship between the board of Barnaul Department of the Russian Red Cross Society and ladies' charity committee in its structure were not that of partnership. Management and ladies committee differed in understanding the goals and objectives of charitable activities, as well as in the degree of freedom of actions. General Directorate of Russian Red Cross Society centrally managed all the donated funds, it implemented austerity policy. Local branches calmly and with understanding reacted to the total control from the center. In turn, they created the Ladies' Committees and considered them only as a temporary structure with support functions (collection of material and monetary donations, delivering linen and gifts to the theatre of operations, care for the wounded). Therefore, the activities of women's committees were closely monitored; the ladies did not have the right to solve any questions independently. Members of women's committees were working voluntarily without receiving financial reward for their work; they expected to be trusted, supported and respected. Cooperation taking into account mutual interests seemed only natural. However in response they received total control aimed at limiting and suppressing their initiative and aspirations.

Key words: Barnaul, the ladies' committee, World War I, the Russian Red Cross Society, the Russian-Japanese War.

Постановка задачи

В начале XX в. Российское общество Красного Креста (РОКК) было самой крупной общественной благотворительной организацией в Российской империи. Кроме помощи раненым и больным воинам в период военных действий, оно оказывало социальную поддержку населению в мирное время (при пожарах, наводнениях, неурожаях, эпидемиях). Общество практиковало разнообразные формы помощи: открытие бесплатных столовых, детских приютов, оказание медико-санитарной помощи, разовые материальные выплаты и др.

В состав руководства РОКК входили члены императорской фамилии, а его отделы на местах возглавляли представители губернской или городской администраций. Деятельность общества должна была компенсировать отсутствие общегосударственной системы социальной помощи. На основании этого многие современные исследователи говорят об «огосударствлении» Общества Красного Креста, превращении его в часть государственного механизма по взаимодействию с обществом в области социального обеспечения [Оксенюк, 2014; Олешкова, 2012].

Важным фактором деятельности РОКК в Российской империи была женская благотворительность. Императрица Мария Фёдоровна состояла бессменной председательницей Общества Красного Креста до 1917 г., в санитарных отрядах и госпиталях работали общины сестер милосердия, в период военных кампаний на местах создавались многочисленные дамские комитеты.

В сибирских губерниях первые женские благотворительные организации в подавляющем большинстве случаев создавались при местных комитетах

и отделах РОКК. В дамских комитетах РОКК во время войн начала XX в. сибирячки впервые приобрели опыт самостоятельной работы в женских добровольных гражданских ассоциациях, который стал основой для дальнейшего развития их гражданского самосознания.

Предлагаемая статья является продолжением исследований автора о генезисе женских благотворительных ассоциаций в сибирском регионе в дореволюционный период [Долидович, 2013, 2014а, 2014б]. Осуществлены сбор, систематизация и анализ документов и материалов о различных аспектах взаимодействия руководства Барнаульского отдела Российского общества Красного Креста и дамского комитета, созданного при нем, в период войн начала XX в.

Методы исследования

Основой исследования стали материалы Государственного архива Алтайского края (ГААК), отчеты и протоколы заседаний Барнаульского отдела РОКК, дамского комитета, а также сибирской периодической печати дореволюционного периода.

В процессе анализа материалов применялись следующие методы: описательный (поскольку прежде всего были произведены выявление, отбор, систематизация и оценка исторических фактов по теме исследования), историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-системный.

Результаты исследования

Созданный в 1877 г. Барнаульский комитет РОКК в феврале 1904 г. был преобразован в отдел. Его возглавил начальник Алтайского округа статский советник А. Ф. Кублицкий-Пиотгух, который являлся почетным председателем Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, оказывал поддержку местному Обществу попечения о начальном образовании. Товарищем председателя стала Ю. А. Пранг — «старейший и деятельнейший член Общества Красного Креста из местных жителей» [Отчет Барнаульского отдела... , 1906: 1—3]. Унаследовавшая после смерти мужа завод по производству соды в Барнауле, она также была известна своей широкой благотворительной деятельностью.

В правление Барнаульского отдела РОКК входили 13 человек, видные чиновники и купцы города, в том числе три женщины: игуменья Богородице-Казанского женского монастыря, жена статского советника А. Г. Крупская, врач А. М. Недзвецкая. Деятельность отдела распространялась на Барнаул, Бийск, Кузнецк с уездами, Змеиногорский уезд и южную часть Томского уезда. На этой территории было открыто 14 местных комитетов Красного Креста.

К началу Русско-японской войны Барнаульский отдел располагал имуществом на 8000 руб., кроме того, в кассе Главного управления Общества в Санкт-Петербурге хранились 39 023 руб. Наличных средств у отдела не было. Для организации мероприятий по сбору пожертвований и оказания помощи раненым было решено создать при отделе дамский комитет.

Дамский комитет, который возглавила Ю. А. Пранг, начал работу 15 февраля 1904 г. В его состав вошли 16 женщин: А. Г. Крупская, Э. Н. Шубенко,

А. Г. Казаринова, Э. Г. Биль, С. В. Рябинина, Е. И. Матвеева, Э. К. Лури, Л. А. Ворсина, И. К. Тизенко, Е. К. Будберг, Н. В. Гордзялковская, Н. Ф. Барсова, А. Л. Галанина, Л. С. Кениг, В. М. Неслуховская, игуменья Парфения. Комитет занимался сбором денежных и материальных пожертвований, организацией лазарета для раненых. Весной была открыта швейная мастерская, для которой частные фирмы А. Ф. Второва, А. Г. Морозова, И. Ф. Смирнова, Г. Д. Маштакова предоставили бесплатно швейные машины. К работе в мастерской сотрудницы комитета привлекали горожанок, изъявивших желание помочь (всего около 200 человек). За 1904 г. было пошито вещей на 11 200 руб. [там же: 28—37].

За время войны в Барнауле были оборудованы два лазарета для раненых на 100 и 50 кроватей. Для перевозки раненых по Оби от железнодорожной станции Обь до Барнаула был устроен плавучий лазарет — баржа на 60 человек. Первые раненые начали прибывать в августе. Ю. А. Пранг встречала их хлебом и солью, женщины ежедневно посещали лазареты, снабжали раненых одеждой, обувью [Ростов, 2003: 135].

На центральном вещевом складе Барнаульского отдела РОКК было организовано отделение для складирования сухарей, поскольку от крестьян пожертвования поступали в основном в виде сухарей. Здесь же шла работа по сбору, сортировке поступивших пожертвований, комплектование транспортов в действующую армию. В 1904 г. Барнаульский отдел РОКК отправил на фронт 5 транспортов с посылками.

Работа барнаульских женщин стала примером для других городов Алтая. Барнаульский вещевой склад местного управления РОКК был переполнен вещами, поступавшими из мастерских местных дамских комитетов. Сотрудницам деятельно помогали послушницы Барнаульского женского монастыря.

В первой половине 1905 г. дамский комитет Барнаульского отдела РОКК прекратил свою деятельность. В отчете за 1905 и 1906 гг. руководство отдела указало причину его упразднения в следующей формулировке: «Назначение его, как вспомогательного органа при местном Управлении для заготовки лазаретного белья и др<угих> принадлежностей, утратило свою необходимость» [Отчет Барнаульского отдела... , 1907: 46]. Участницы комитета провели учет пожертвований, отсортировали белье для лазаретов, оплатили долговые обязательства. Одновременно, в связи с возрастом и состоянием здоровья, сложила с себя полномочия председательницы Ю. А. Пранг.

Члены Барнаульского комитета высоко оценили работу дамского комитета: «Вообще говоря, без горячего участия и усиленного труда женщин — членов отдела, не только в Барнауле, но и в остальных пунктах, где самостоятельно работали Комитеты Красного Креста, местное управление далеко не смогло бы выполнить всех тех задач, которые оно поставило себе. Достаточно указать на то только: какая масса самого кропотливого, внимательного и необычайно утомительного труда была положена женщинами на изготовление из малоценных в отдельности предметов огромного количества бельевых и одежных принадлежностей» [Отчет Барнаульского отдела... , 1906: 5].

Дамский комитет Барнаульского отдела РОКК возобновил свою работу 10 августа 1914 г., с началом Первой мировой войны. Комитет возглавила

Л. Н. Маслова, всего в него вошло более 100 женщин [Местный дамский комитет... , 1914: 4].

Дамский комитет взял на себя основную часть работ отдела по сбору материальных и денежных пожертвований. К началу войны в 1914 г. Барнаульское местное управление РОКК располагало солидной суммой, скопленной после войны с Японией, в размере 69 859 руб. 29 коп. До 1 января 1916 г. поступило пожертвований на сумму 75 459 руб. 83 коп. и, кроме этого, пожертвования вещами и продуктами (холсты, ткани, сухари, табак и др.).

Значительную статью расходов Барнаульского отдела составляли закупки материалов у местных фирм для изготовления лазаретного белья, обуви и теплых принадлежностей в швейной мастерской дамского комитета. Так, в 1915 г. общий расход составил 28 393 руб. 89 коп., из них 8769 руб. 83 коп., т. е. 30,8 %, было потрачено на закупку материалов для швейной мастерской дамского комитета [ГААК, л. 63 об.].

На общем собрании Барнаульского отдела РОКК 18 декабря 1916 г. его члены отмечали «колоссальную работу» женщин: «Дамский кружок этот в короткий срок изготовил из купленных и пожертвованных материалов шестнадцать транспортов для боевого фронта и ближайших к нему лазаретов, всего на сумму 78 000 рублей, по самой минимальной оценке. Неутомимый труд в самых разнообразных предприятиях кружка по заготовке, учету и отправке транспортов, по сбору денежных и материальных пожертвований, по изысканию средств на выполнение той или другой задачи Общества Красного Креста и т. п. не замедлил скоро выделить целый ряд почетных имен женщин-тружениц, каковы О. Д. Орлова, В. А. Кулева и др.» [ГААК, л. 63—63 об.].

Во время Первой мировой войны в Барнауле действовали многочисленные благотворительные организации: Сибирское общество помощи больным и раненым воинам, городское попечительство о семьях призванных, несколько дамских комитетов — Алтайский дамский комитет, дамский комитет Судебного ведомства, дамский кружок при Первой женской гимназии, отдел благотворительного кружка дам духовного звания Томской епархии, Алтайский комитет по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска и др. Руководство Барнаульского отдела РОКК отрицательно относилось к возникновению каждой новой благотворительной организации в городе, потому что видело в этом признак распыления общественной инициативы и причину снижения притока благотворительных пожертвований. Так, динамика пожертвований в пользу Барнаульского комитета РОКК выглядела следующим образом: в 1914 г. поступило 34 947 руб. 15 коп., в 1915 г. — 40 876 руб. 35 коп., в 1916 г. — порядка 10 000 руб. Сокращалось и число действительных членов Барнаульского комитета Красного Креста: в 1914 г. их насчитывалось 143, в 1916 г. — 90 [ГААК, л. 61 об., 62 об., 63 об.].

Действительный статский советник А. В. Розанов обращался к горожанам с призывом объединять усилия всех работавших в городе благотворительных организаций именно вокруг Барнаульского комитета РОКК, который не прекращал своей деятельности и после войны, в мирное время. Розанов считал, что в Барнауле необходимо построить дом для инвалидов и хирургический лазарет, что было совершенно не под силу различным мелким кружкам, ресурсов

которых хватало лишь на «посылку кисетов с табаком и гармошек на фронт» [ГААК, л. 65 об.].

И в самом деле, даже организация сбора пожертвований вещами была довольно дорогим мероприятием: нужны были сборщики, лошади, подводы. Для экономии средств благотворительные организации были вынуждены объединять свои усилия. Дамский комитет Барнаульского отдела РОКК сотрудничал с городским попечительством о семьях призванных воинов. Так, 26—27 октября 1914 г. эти две организации произвели совместный фургонный сбор по городу. Общая сумма сбора превысила 10 000 руб. при затратах в 294 руб. 34 коп. Вещи, переданные в Красный Крест, были отправлены сибирским корпусам через уполномоченного в Варшаве. Вещи, переданные городскому попечительству о семьях призванных, частично были розданы нуждающимся семьям, частью поступили на благотворительную распродажу [Письмо... , 1914: 4]. Когда осенью 1915 г. в Барнаул начали прибывать беженцы, выяснилось, что в комитете помощи беженцам не было средств. На помощь пришли дамский комитет Барнаульского отдела РОКК и кружок дам духовного звания: было организовано питание, найдены помещения для проживания, организована медицинская помощь, т. к. среди детей началась эпидемия скарлатины [Беженцы, 1915: 4; К гражданам... , 1915: 1].

Широкий спектр направлений работы Общества Красного Креста в годы Первой мировой войны и его разветвленная структура привели к централизации управления финансовыми средствами в Главном управлении Общества. Для местных комитетов существовала строгая система отчетности о всех финансовых поступлениях и расходах. Они не имели права совершать сделки или распоряжения без санкции Главного управления. Такой порядок был установлен во избежание нецелевых трат. Модель управления была построена бюрократически, в строгом соподчинении учреждений друг другу [Оксенюк, 2014].

Это отражалось и на деятельности дамских комитетов в структуре РОКК. Так, на заседании Барнаульского отдела РОКК 2 июля 1915 г. среди прочих вопросов обсуждался вопрос о работе дамского комитета. Комитет приобрел материал для пошива белья на сумму 2000 руб. и планировал приступить к работе. Правление отдела высказалось за временную приостановку деятельности дамского комитета по изготовлению белья с целью экономии средств. Председательница дамского комитета Л. Н. Маслова пояснила, что материалы были приобретены как раз для того, чтобы не прерывать работ. Она считала, что в случае роспуска дамского комитета будет довольно сложно организовывать его работу в дальнейшем. Тем более что Масловой была получена телеграмма от заведующего полевым складом Красного Креста с просьбой прислать на позиции белье. Тем не менее правление высказалось в том смысле, что вопрос исчерпан, приобретенные материалы необходимо переработать, но их дальнейшую закупку приостановить [В Красном Кресте, 1915: 3].

25 февраля 1916 г. дамский комитет Барнаульского отдела РОКК объявил о прекращении своей деятельности. 27 февраля 1916 г. на общем заседании отдела председатель его правления, городской голова А. А. Лесневский рассказал собравшимся о причинах роспуска дамского комитета. По его словам, на заседании правления отдела 6 декабря 1915 г. обсуждался вопрос об отправке дамским

комитетом в ставку императора двух транспортов, причем об этой отправке члены правления отдела узнали лишь из местных газет. В адрес Е. Н. Борисович, которая только приступала к обязанностям председательницы дамского комитета, было сделано следующее замечание: «Просить дамский комитет без разрешения и указаний управления отдела отправок самостоятельно не делать, всякая предполагаемая дамским комитетом отправка должна получить санкции управления отдела и может быть отправлена в адрес, указанный управлением отдела по его установлению» [ГААК, л. 44 об.]. После этого замечания несколько сотрудниц во главе с Борисович отказались работать в дамском комитете.

Таким образом, председатель отдела считал главной причиной прекращения деятельности дамского комитета чрезмерную обидчивость его председательницы. Товарищ председателя В. К. Моравский также пояснил, что это постановление не заключало в себе ничего обидного, как по отношению к Е. Н. Борисович лично, так и ко всему дамскому комитету. По его словам, правление лишь реагировало на нарушение установленного порядка отправки транспортов.

По итогам обсуждения было принято решение выразить глубокую благодарность сотрудницам комитета, принять их отчет за период работы с 1 января по 1 марта 1916 г., а также вещи и материальные средства. Заседавшие просили В. А. Кулеву, жену гласного городской думы, работавшую в дамском комитете, организовать новый комитет. Причем А. А. Лесневский высказал мнение, что «самостоятельный дамский комитет теперь открыт быть не может, так как ему пришлось бы начинать работу сразу на свои средства, что теперь совершенно невозможно, поэтому, если будет организован новый дамский комитет, то последний может быть только на прежних началах» [ГААК, л. 45 об.].

Несколько женщин выступили с инициативой образовать «Трудовую группу дам местного отдела Российского общества Красного Креста». Трудовая группа начала работу в здании Алтайского горного собрания на Петропавловской улице, в мае 1916 г. переехала на улицу Льва Толстого в дом В. А. Кулевой. Весной и летом 1916 г. женщины собирали пожертвования на транспорт с бельем и подарками в действующую армию на Кавказский фронт в Карс для барнаульских полков [Трудовая группа... , 1916: 1].

Многие представители барнаульской общественности обвинили в роспуске дамского комитета лично А. А. Лесневского. Газета «Жизнь Алтая» в номере за 26 февраля 1916 г. опубликовала анонимную заметку под красноречивым заголовком «Опять он же». В ней говорилось о том, что в начале 1916 г. по вине городского головы прекратил работу городской комитет помощи беженцам. Ситуация скандала назревала в городском попечительстве о семьях призванных нижних чинов, где в течение длительного времени не соблюдались постановления попечителей. Председатель попечительства А. А. Лесневский знал о происходящем, но никак не реагировал. Автор заметки заключал ее таким выводом: «Воинственный пыл городского головы все же не остыл, только на этот раз он направился вместо мужчин на женщин — на дамский комитет Красного Креста. Результаты оказались те же. Дамский комитет из-за столкновения с Лесневским решил сложить свои полномочия и назначил уже ликвидационное собрание. Уладится или не уладится этот новый конфликт, покажет

ближайшее будущее, но факт тот, что опять новая организация ставит вопрос о своем существовании и эта ликвидация вновь связана с именем городского головы. Спрашивается — на что теперь направится разрушительная энергия г. Лесневского?» [Опять он же, 1916: 4].

Заключение

Таким образом, взаимоотношения управления Барнаульского отдела РОКК и дамского благотворительного комитета в его структуре нельзя назвать партнерскими. Управление и дамский комитет расходились в понимании целей и задач благотворительной деятельности, а также степени свободы этой деятельности.

Российское общество Красного Креста действовало в режиме жесткой экономии. Главное управление централизованно распоряжалось всеми пожертвованными средствами, лишая местные комитеты и отделы инициативы и перераспределяя капиталы с учетом региональной специфики, изымая даже случайные пожертвования. В целом местные отделения спокойно и с пониманием реагировали на тотальный контроль со стороны центра. В свою очередь, они создавали и в дальнейшем рассматривали дамские комитеты только как временные структуры с сугубо вспомогательными функциями (сбор материальных и денежных пожертвований, формирование транспортов с бельем и подарками, уход за ранеными). Поэтому за деятельностью дамских комитетов осуществлялся строгий контроль, сотрудницы не имели права решать какие-либо вопросы по своему усмотрению.

Женщины работали добровольно, не получая материального вознаграждения за свой труд, и ожидали уважения и доверия, поддержки и сотрудничества с учетом взаимных интересов. Но встречали в ответ всеохватывающую опеку, контроль, что ограничивало и подавляло их инициативу. Их энергия не находила применения, и, как следствие, многие из них покидали дамские комитеты. Кроме того, сотрудницы дамских комитетов слабо различали разницу между стратегией Главного управления РОКК и личными инициативами руководителей местных отделов общества, вследствие чего их непонимание и недовольство обрушивались на головы последних.

Библиографический список

- Беженцы // Жизнь Алтая. 1915. 10 сентября. № 199.
 В Красном Кресте // Жизнь Алтая. 1915. 4 июля. № 145.
 ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 142. Оп. 1. Д. 2.
 Долидович О. М. Дамские комитеты Сибири в период Русско-японской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2013. № 8 (34), ч. 1. С. 82—85.
 Долидович О. М. Дамские комитеты Енисейской губернии в период Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX века: материалы Сибирского исторического форума, Красноярск, 3—6 декабря 2013 г. Красноярск: Резонанс, 2014а. С. 154—158.
 Долидович О. М. «Уж не репетиция ли это перед большим участием в общественной работе?»: дамские комитеты Енисейской губернии в войнах начала XX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2014б. № 31 (1). С. 32—37.

- К гражданам города Барнаула // Жизнь Алтая. 1915. 1 ноября. № 241.
- Местный дамский комитет Общества Красного Креста // Жизнь Алтая. 1914. 28 сентября. № 177.
- Оксенюк Е. В. Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX века (1903—1914 гг.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 132 с.
- Олешкова А. М. Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй половине XIX в. — 1917 г.: на материалах Урала: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2012. 305 с.
- Опять он же // Жизнь Алтая. 1916. 26 февраля. № 44.
- Отчет Барнаульского отдела Российского общества Красного Креста за 1904 год. Барнаул: Тип. Главного управления Алтайского округа, 1906. 81 с.
- Отчет Барнаульского отдела Российского общества Красного Креста за 1905 и 1906 годы. Барнаул: Тип. Главного управления Алтайского округа, 1907. 187 с.
- Письмо в редакцию // Жизнь Алтая. 1914. 17 декабря. № 240.
- Ростов Н. Д. Земли Алтайской верные сыны: из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 191 с.
- Трудовая группа дам // Жизнь Алтая. 1916. 20 апреля. № 85.

References

- Dolidovich, O. M. (2013) Damskie komitety Sibiri v period Russko-iaponskoï voïny [Siberian woman's committees during Russia-Japan War], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, no. 8 (34), part 1, pp. 82—85.
- Dolidovich, O. M. (2014a) Damskie komitety Eniseïskoï gubernii v period Pervoï mirovoï voïny [Women's committees in Yenisei region during First World War], in: *Sibir' v voïnakh nachala XX veka: Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma, Krasnoïarsk, 3—6 dekabria 2013 goda*, Krasnoïarsk: Resonans, pp. 154—158.
- Dolidovich, O. M. (2014b) “Uzh ne repetitsiia li èto pered bol'shim uchastiem v obshchestvennoï rabote?": Damskie komitety Eniseïskoï gubernii v voïnakh nachala XX veka [“Is it the rehearsal before participation in public work?": Woman's committees of Yenisei region during wars at the beginning of the XX century], *Bylye gody: Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, no. 31 (1), pp. 32—37.
- Okseniuk, E. V. (2014) *Deiatel'nost' Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta v nachale XX veka (1903—1914 gg.)* [The activities of the Russian Red Cross Society at the beginning of the XX century (1903—1914)], Moscow: Izd-vo PSTGU.
- Oleshkova, A. M. (2012) *Èvoliutsiia organizatsii i deiatel'nosti Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vtoroï polovine XIX v. — 1917 g.: Na materialakh Urala: Dis. ... kand. ist. nauk* [The evolution of the organization and activities of the Russian Red Cross in the second half of the XIX century — 1917: On materials Urals: Diss. (Cand. Sc.)], Nizhniï Tagil.
- Rostov, N. D. (2003) *Zemli Altaïskoï vernye syny: Iz istorii doblesti i chesti voïnskoï sibirskikh polkov* [Earth Altai faithful sons: From the history of valor and honor Siberian military regiments], Barnaul: Izd-vo AltGTU.

ББК 63.3(2)53-284.3

Е. А. Агеева

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ РОСКОШИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проводится анализ особенностей российского рынка роскоши в период Первой мировой войны и Февральской революции. Научная новизна работы состоит в оценке социального опыта представительниц высших слоев общества, в изучении их повседневности и поведения в чрезвычайных условиях.

Исследование выполнено на основе широкого круга источников, среди которых особенно важное значение имели мемуары и «женская» пресса. Работа носит междисциплинарный характер, написана на стыке социальных, исторических и экономических наук.

Ключевые слова: рынок роскоши, Первая мировая война, потребительское поведение, гендерные особенности, повседневность представительниц высшего общества, мода.

E. A. Ageeva. The peculiarities of women's consumer activity on the Russian luxury market during World War I

The article represents the gender analysis of Russian luxury market during World War I and February Revolution. The article contains analysis of social experience of upper-class society members, their daily pursuits and activities in emergency conditions.

The major conclusions are as follows. Luxury consumption by upper-class womenfolk increased. One can say that luxury in war time has distinct female feel about it. In a way it was a compensation for the toils of war as well as means of wealth accumulation.

Women psychology had a major impact on the market. The growth of luxury consumption may be explained not only by social but also by psychological reasons.

Gender peculiarities of consumer activities on Russian luxury goods market were as follows: feverish demand on luxury goods bordering on prodigality. Veblen effect was demonstrated. Customers selected goods that were more expensive and were in fashion.

The author explores the wide range of historical sources. The commentaries and “women” press were among the most important ones. This research represents a multidisciplinary approach drawing on social sciences, history and economics.

Key words: luxury goods market, World War I, consumer activity, gender-sensitives, daily pursuits of upper-class society members, fashion.

Женщины в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 147 — 158

© Агеева Е. А., 2015

Агеева Елена Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и истории экономических учений, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Economic History and History of Economic Thought, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia).

Тема «женщина и война» сегодня стала особенно популярна в связи с двумя значительными датами в истории — 1914 и 1945 гг. Написано множество работ, посвященных героизму женщин, ставших воинами, сестрами милосердия или труженицами тыла, работавшими вместо мужчин или наравне с ними. Историческая наука обогатилась анализом особенностей «женских батальонов смерти», деятельности августейших сестер милосердия, психологии женщины на фронте. Гендерный аспект чаще всего подчеркивался при сопоставлении «женского и неженского дела», отмечалось трагическое несоответствие предназначения женщины и реалий, в которые их ставила война. Практически во всех исторических исследованиях — это женщина во фронтовых условиях. Однако существовал и иной социальный опыт — повседневность женщин, которых война затронула не напрямую, материальный мир которых существенно не изменился.

Сегодня российское общество переживает кризис, несопоставимый, разумеется, с кризисом, вызванным Первой мировой войной. Но существенно ли отличаются социальные установки современной женщины от оценок, мотивов, потребительского поведения женщины начала XX века? Каково было отношение женщины к роскоши в военное и революционное время, в чем состояли особенности ее общественной позиции, специфика ее повседневности? Эти проблемы требуют осмысления современной исторической наукой.

Думается, что в анализе особенностей потребления роскоши женщинами следует исходить из максимы, предложенной выдающимся российским культурологом Ю. М. Лотманом. Он отмечал, что «...характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни» [Лотман, 1994: 46].

Это положение находит блестящее подтверждение и в современной общественной практике. Известны гендерные пропорции глобального рынка роскоши за период 1995—2012 гг. Они показали, что во время кризиса 2009 г. общее потребление роскоши снижалось, но потребление роскоши женщинами росло. Если в 2007 г. общее потребление составило € 159 млрд, женское — € 60 млрд, то в 2009 г. — соответственно € 144 млрд и € 62 млрд [Luxury goods... , 2012]. Женщина еще раз доказала, что ее эмоции, цели, поступки могут влиять на состояние рынка товаров, экономические показатели, формировать общественное мнение и повседневную культуру общества.

Анализ повседневной жизни людей, особенностей их поведения на рынке роскоши можно проводить на основе различных источников. Среди прочих особое значение имеют мемуары и периодическая печать, в особенности так называемая женская пресса, которая отражала взгляды, настроения, модели поведения современниц событий, выступала пропагандистом образа жизни, моды, идей, была источником рекламы.

Первая мировая война вызвала глубокий кризис российского общества, приведший к двум революциям, или, как в настоящее время считают многие историки, к великой российской революции. Как изменилось потребительское поведение, быт, мироощущение представителей высшего общества по сравнению с мирным временем?

Прежде всего следует отметить, что в военный период роскошь осталась — в одежде, интерьере домов, продуктах питания, досуге... Более того, стремление к роскоши даже усилилось [Агеева, 2014]. Многие исследователи считают это объективным процессом. «История не знала общества, которое при вопиющей нищете большинства населения... обходилось без роскоши... никогда люди не экономили меньше, чем во время, когда голод как массовое бедствие был обычным явлением», — отмечает современный немецкий писатель Х. М. Энценсбергер [Энценсбергер, 1997: 225—226].

Гендерные особенности рынка роскоши в период Первой мировой войны и революции включают в себя множество разнообразных проблем, одной из которых является *идентификация потребителей роскоши*, их социального статуса и особенностей психологии. О каких, собственно, женщинах идет речь? Предметом настоящего исследования не является история тех женщин, которые, как писал французский посол в России М. Палеолог, «в бесконечных хвостах, в дождь и в ветер ожидают у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и пр.» [Палеолог, 1991: 409]. Жизнь и деятельность женщин августейшей фамилии также остались за пределами нашего внимания. Думается, что объективная оценка потребительского поведения на рынке роскоши в этот период должна базироваться на анализе повседневности и социального опыта представительниц аристократии, жен богатых промышленников и торговцев, высшей бюрократии, высокооплачиваемых управляющих предприятий и банками, состоятельных представителей творческой интеллигенции. По оценкам Л. В. Милова, вместе с семьями это составляет около 5 млн человек из 170-миллионного населения России [История России... , 2006: 62].

С началом экономической модернизации в конце XIX в. в России появилась группа женщин, которые были не только потребителями предметов роскоши, но и их *производителями* или *распространителями*. В. И. Фирсанова, одна из первых российских женщин-предпринимательниц, открыла в 1906 г. в Москве огромный магазин-пассаж на Петровке. Этот роскошный комплекс со стеклянным потолком и электрическим освещением вмещал более 50 торговых павильонов, принадлежащих известным торговым домам — производителям предметов роскоши.

Знаменитый модельер Н. П. Ломанова создала в Москве свою собственную мастерскую на Тверском бульваре еще в 1885 г., имела колоссальную практику в обеих столицах, создавала модели не только для представительниц высшего общества, но для театральных постановок, например для Художественного театра.

Во время войны в российском обществе появилась еще одна категория потребителей товаров категории «люкс». Это представители предпринимательского сословия, разбогатевшие на военных заказах и получавшие сверхприбыли. Заметка в женском журнале военной поры иллюстрировала поведенческие особенности и быт этой социальной группы. На спектакле в одном из московских театров всеобщее внимание привлекла женщина, «вся усыпанная бриллиантами». Как выяснилось, эта дама с мужем — беженцы из Вильно, постоянно проживающие в Одессе. После бегства ее муж сделал миллионное состояние

на поставках железа. В московский театр эта семья приехала «на людей посмотреть и себя показать» [Борьба с роскошью, 1916: 13].

Очевидно, что в период кризиса *психология, стиль жизни и поведение* женщины изменяются. Течение мирной жизни нарушается, женщина вынуждена приспосабливаться к новым, неблагоприятным условиям. Высших слоев это тоже коснулось, хотя и в меньшей степени, чем основной массы населения.

Женщина ищет себя в новой обстановке: кто-то идет в сестры милосердия, кто-то к модистке. Ее привлекают покупки, устройство интерьера дома, развлекательные мероприятия: это помогает отвлечься от суровой действительности. Женщины, в отличие от мужчин, не столь широко и глобально смотрят на проблемы и явления, но они тоньше чувствуют мир, ориентируясь на детали и нюансы. Эти детали проще всего организовать в повседневной жизни, а притягательными они могут стать только в случае их оригинальности, изящности, красоты и, как следствие, дороговизны. Таким образом, роскошь компенсировала женщине тяготы военного времени, и чем дольше тянулась война, тем сильнее было стремление к роскошной жизни.

Общая ситуация в стране отражалась на поведении женщины, в частности как потребителя товаров на рынке роскоши. Эмоциональный компонент усиливается: мужчины заняты войной, женщина нервничает, в тылу господствует вакханалия, предчувствие «потопа», ощущение «пира во время чумы». Мотовство, как утверждали очевидцы, было безумное, особенно заметное в дамских туалетах, еде, формах проведения досуга [Бубликов, 1918: 63—65, 136]. Тем более что с начала XX в. расширились возможности и изменились формы распространения предметов роскоши: повысилась роль универсальных и специализированных магазинов, увеличилось число ресторанов, парикмахерских, салонов мод.

Повседневность представительниц высшего общества описывала «женская» пресса. Этот институт выполнял, помимо прочих, социальную задачу огромной важности — пытался влиять на стиль жизни представительниц высшего общества. Автор журнала «Дамский мир», раскрывая особенности жизни аристократок, в то же время давал рекомендации: в одежде использовать скромные цвета при минимуме украшений (один искусственный цветок, старинная камея, отложной кружевной воротничок). Журналист сообщал широкой публике, что современные женщины вместо собственного автомобиля стали пользоваться трамваем и поэтому часто опаздывают на званые обеды, за столом не обсуждают чужие туалеты и почти не обращают внимания на свои, сам стол перестали украшать розами и орхидеями. Идеал вырисовывался такой: «Оболочка женщины наших дней должна быть радостной и простой, сама женщина — бодрой и приветливой» [Нынешняя женщина... , 1915: 4]. Автор явно выдавал желаемое за действительное, выполняя социальный заказ на ограничение потребления роскоши и пропагандируя рациональное поведение в чрезвычайных условиях военного времени.

С другой стороны, «женская» пресса своими публикациями усиливала стремление женщины к потреблению роскоши в период войны и революции. Публикации «о красивой жизни» не были редкостью. Рассказывалось,

что российские женщины военной поры мечтали о путешествиях в горы Швейцарии, в долину Аризоны, в древний Киото. Они также желали «утопать в цветах», например лотосах и эдельвейсах. Предполагались и изыски в еде, скажем тюльпан, втыкаемый в телячью ножку, подаваемую на второе [О красивой жизни, 1916: 12—13].

Следует отметить, что цветы — особо любимый женщиной атрибут роскоши. Ю. М. Овсянников пишет о том, что в ресторанах Москвы исполнялся романс «Куст сирени». Для полноты ощущений состоятельной публики из оранжереи могли доставить ветку сирени даже зимой [Овсянников, 2000: 350].

В повседневную жизнь богемы война, естественно, внесла определенные коррективы. К примеру, знаменитая и приближенная к самым верхам российского общества балерина М. Кшесинская стала выезжать с концертами на фронт. Но дома, в Петрограде, потрясающая роскошь в ее жизни сохранялась до Февральской революции. Вот некоторые детали обеда на 24 персоны, устроенного балериной 22 февраля 1917 г., в условиях нарастающей революции. Обеденный стол был украшен ландышами (в феврале!) в серебряных вазах; десертный сервиз был точной копией сервиза Екатерины II, находившегося в Эрмитаже; рыбу подавали на привезенных из Дании тарелках с изображением разных рыб. Под каждым прибором лежала салфетка из настоящих кружев. Все блюда подавались с соответствующими винами [Кшесинская, 1998: 262].

Иррациональное отношение к роскоши, бездумное расточительство было свойственно не только женщинам. Судьба представителя богатейшей династии Рябушинских, Н. П. Рябушинского, тому свидетельство. Он уже в первые месяцы после вступления в наследство, оставленное отцом в 1900 г., промотал больше 200 000 рублей, жил на широкую ногу, был связан с богемой, издавал дорогой и престижный альманах «Золотое руно», построил в Москве в Петровском парке для себя роскошную виллу «Черный лебедь». Старшие братья вынуждены были даже установить над ним опеку, которое продолжалось до 1905 г. [Чумаков, 2008: 58].

Оценивая гендерные особенности потребления роскоши, следует признать, что *отношение российских женщин к роскоши в военное время* было неоднозначным. Часть из них даже пошла в отрицании роскоши дальше политиков-мужчин.

Известно, что депутат Государственной думы, член фракции прогрессистов А. А. Бубликов в 1915 г. внес законопроект о запрете ввоза в Россию предметов роскоши с 1 июня 1916 г. сроком на 3 года и предложил запретить выезд российских туристов за рубеж (на Принцесы острова, в Бискру, Геополлис и др.) [Стенографический отчет... , 1915: 50]. Законопроект вызвал значительный общественный резонанс. Отклоненный Государственной думой в августе 1915 г., он рассматривался еще раз в июне 1916 г. и тоже не был одобрен. Однако в октябре 1916 г. было принято два постановления правительства, в результате которых ввоз предметов роскоши на территорию России все-таки был запрещен.

Позиция определенной части российских женщин была более радикальной, чем постановления правительства. Женщины начали свою кампанию: последовало предложение учредить лигу борьбы с роскошью и мотовством с ношением специального нагрудного знака. Активистка В. Смирнова даже предложила обратиться к правительству с петицией следующего содержания: 1) запретить до конца войны производство дорогих роскошных тканей, модной обуви и аксессуаров дамского туалета; 2) запретить ввоз предметов роскоши для женской одежды; 3) наложить арест на оставшиеся на фабриках и в магазинах произведенные ткани; 4) закрыть на время войны все специальные модные журналы, как закрывают вообще все журналы вредного направления. Таким образом был фактически предъявлен ультиматум «бездушным, скучающим женщинам, живущим исключительно культом своего тела» [К вопросу о борьбе с роскошью, 1916: 12—13].

Возникли и другие женские проекты борьбы с роскошью. По инициативе княгини Е. П. Тархановой было создано «Всероссийское общество противодействия роскоши и расточительности». Аристократки Петрограда постановили носить костюмы упрощенного покроя; развивать сеть кооперативных лавок, торгующих тканями «по справедливой цене»; в общественных местах появляться в скромных платьях, отказаться от приемов, зрелищ, вечеров, не имеющих нравственно-воспитательного значения, воздерживаться от изысканных блюд, дорогих сигар, вин и покупать товары только отечественного производства [Модоборчество, 1916]. Подобное «модоборчество» патриоток не было реализовано: на устроенном ими вечере мод самое дешевое платье стоило 250 рублей, но демонстрировались и модели за 2 тыс. рублей.

Заметим, что патриотическая идея заменить импортные туалеты на отечественные гораздо раньше возникла в Германии. Берлинские газеты уже в начале войны «кричали о том, что немки собираются обходиться без парижских мод». Предлагалось заменить их национальной одеждой, не красивой, а гигиеничной. Для этого даже был создан союз художников и портних «Германо-гигиенически-национальный фасон» [Немецкие гигиенические моды, 1914].

У поборниц борьбы с роскошью появились противницы, которые тоже открыто заявляли о своей позиции. Их аргументы были далеки от соображений экономической целесообразности или политических мотивов, которые приводили мужчины — противники проекта А. А. Бубликова. Женщины просто заявляли, что лишение дам туалетов есть «посыпание головы пеплом», «смертный грех», т. к. вносит уныние, «ослабляет тело и дух, покрывает ранами женское тело» [В салоне светской дамы, 1915: 10—12].

Российский потребительский рынок и в военный период оставался разнообразным. Рассмотреть все сегменты рынка роскоши не представляется возможным. Так, общественная роскошь, рынок парфюмерной продукции или рынок золота и ювелирных украшений — темы отдельного исследования.

Важнейшей стороной повседневной жизни человека является удовлетворение потребности в пище, сохранение традиций в структуре питания и культуре потребления еды. Роль женщины в этой сфере особенно велика. В. Зомбарт даже утверждал, что имеется связь между общественным

потреблением сладостей и высоким статусом женщины. В странах, известных своими качественными кондитерскими изделиями (Италия, Австрия, Франция, Польша), заметна роль женщины в общественной жизни и в быстром распространении таких, связанных с потреблением сахара, продуктов, как какао, чай, кофе [Зомбарт, 1917: 50].

Сахар, как известно, является главной составляющей кондитерской промышленности, которая выпускала на рынок изделия, не относившиеся в военное время к продуктам широкого массового потребления. Конфеты, шоколад, торты, печенье, которые считались женским товаром, продавались по высоким ценам и были доступны состоятельному городскому населению. Однако потребление этих продуктов в условиях войны сократилось не настолько существенно, как других предметов «пищевой роскоши». С запрещением продажи спиртных напитков в России спрос на кондитерские изделия вырос [Кому нужна кондитерская промышленность, 1917: 67]. Известные производители кондитерских изделий Абрикосовы в военный период имели значительную прибыль и даже приобрели в октябре 1917 г. фабрику «Тиде», одного из своих главных конкурентов.

Еще в большей степени гендерный аспект проявился в потреблении одежды. Мода — это тот компонент в жизни женщины, который часто становится важнее продуктов питания. И даже мировая война не могла изменить мироощущение женщины. Ю. М. Лотман писал о стиле одежды и прическах времен Наполеоновских войн, но это оказалось верным и в начале XX в. «Мода эта перешагивает через границы, и, хотя между революционным Парижем и остальной Европой идет война, попытки остановить моду у политических границ оказываются тщетными. Женщины одержали здесь блестящую победу над политикой» [Лотман, 1994: 52].

Конечно, нельзя утверждать, что «победа над политикой» в начале XX в. была полной. Женщина очень пострадала в отношении возможности следовать моде. Особенно значительно война повлияла на производство модной одежды, аксессуаров к ней и обуви. В начале войны Польша перестала поставлять на столичные и провинциальные рынки Центра галантерею, ткани, парфюмерию. Кроме того, были практически полностью утрачены возможности импорта предметов роскоши из Франции и Италии, основных поставщиков предметов роскоши в Россию.

Тем не менее индустрия моды продолжала развиваться. Главным материалом, из которого шилось дорогое модное женское платье, был шелк. Особенности его производства и импорта в Россию — отдельная тема. Отметим, что шелк — «женский продукт», служит для изготовления особой одежды и создания уюта в доме. Известны свойства шелка, которые позволяют его считать «роскошным» продуктом: непрактичен, непрочен, не греет, сложен в уходе. Шелк — дорогостоящий, нарядный, блестящий, что важно для создания модных фасонов одежды. Этот материал демонстрирует чувственность, изящность и утонченность женщины.

Дефицит и, как следствие, дороговизна потребительских товаров позволяли их реализовывать не только для удовлетворения текущих потребностей

в роскоши. Женщины во время войны стали использовать ткани как средство накопления и сбережения средств. А. А. Бубликов в своих мемуарах описывал, как в Петрограде женщины в Гостином Дворе тюками скупали дорогие материи [Бубликов, 1918: 136]. Из дорогих сортов в свободной продаже были в основном легкие шелковые ткани, поскольку на них не было спроса у интендантства и общественных организаций. Цены на них постоянно росли. Но спрос вырос и на ворсовые шелковые ткани дешевых сортов, т. к. из-за отсутствия драпа и сукна плюш стали использовать как верх для шуб и пальто [Шелковый рынок, 1916].

Если на дорогие ткани, галантерею, готовое платье, обувь рост цен был устойчивым, а спрос ажиотажным, то поведение потребителя на пушном рынке было менее предсказуемо. На спрос влиял фактор сезонности, сорт меха, экспортно-импортные операции. Например, цены на каракуль, который не относился к ценным сортам меха, были неустойчивы: если цена в начале 1916 г. по сравнению с началом 1915 г. выросла на 30 %, то в конце 1916 г. спрос неожиданно упал, запасы сырья выросли в 5 раз [Конъюнктура пушного и мехового рынков... , 1917]. Скупать этот мех в больших количествах было рискованно. Нечто подобное наблюдалось и с товарами из овчины.

Однако в целом цены на пушном рынке по сравнению с мирным временем выросли в 5 раз, особенно быстро они росли на импортный товар и высокосортные изделия. В этом еще раз проявлялся «эффект Веблена»: потребитель традиционно скупал мех, который грел хуже, но ценился за бренд и дороговизну. Это позволило таким торговым фирмам, как «Торговый дом Павел Сорокумовский с сыновьями», отметивший в 1909 г. столетний юбилей, сохранить вплоть до 1917 г. свой бренд, магазины, склады, представительства за рубежом и звание «поставщик двора Его Императорского величества».

В период Первой мировой войны и революции в России более всего оказался подверженным росту цен и ажиотажному спросу рынок галантереи. К галантерейным товарам относят товары, применяемые для украшения человека, одежды и домашнего обихода. В дореволюционной России большое количество галантерейных товаров ввозилось из-за границы, из Польши, а отечественные изделия изготавливались в основном кустарным способом. В военное время способы поставки данных товаров на рынок серьезно пострадали. Галантерея стала самым уязвимым сегментом рынка потребительских товаров из-за запрещения ввоза предметов роскоши, к числу которых прежде всего она и относилась [О воспрещении привоза... , 1916]. Ввоз тех галантерейных товаров, на которые не распространялся запрет, также фактически прекратился из-за падения курса рубля. Кустарные изделия отечественного производства поступали небольшими партиями из-за недостатка сырья и рабочих рук.

Список галантерейных товаров, которые были в дефиците на потребительском рынке в период войны, значителен: подвязочная резина, кокосовые, костяные и перламутровые пуговицы, роговые и целлулоидные изделия, расчески, гребни, проволочные крючки, ленточный товар, французское и бельгийское кружево, изделия из кожи, катушечные нити, английские булавки, проволочные шпильки, тонкие перчатки, чулочные изделия. Проволочные платьевой

и шляпный корсеты, например, выросли в цене по сравнению с довоенной на 1000 % [На галантерейном рынке, 1917].

Но был товар, находившийся не просто в постоянном дефиците, его нехватка и дороговизна постоянно обсуждалась в прессе. Ажиотаж вокруг него подогревался, что не может не вызывать недоумение. Это — кнопка, аксессуар готового дамского платья. Проблема заключалась в материале, из которого была сделана кнопка. На рынке был дефицит импортной, серебряной кнопки, а медная и железная, хоть и росла в цене, из продажи до лета 1917 г. не исчезала.

На российском галантерейном рынке 1917 г. отчетливо проявился принцип демонстративного потребления, который отмечал Т. Веблен. Указанный принцип действует не только в отношении потребления, осуществляемого на глазах у наблюдателей. В потреблении, которое не становится заметным посторонним, также можно наблюдать значительный элемент предписываемой «дорогостояемости», например в потреблении предметов нижнего белья. В подобных товарах, как писал Веблен, будут обнаруживаться определенные свойства, повышающие цену рассматриваемых товаров, но не увеличивающие пропорционально этому пригодность этих предметов для служения материальным целям, которым они предназначены [Веблен, 2015: 143]. Зато подобные предметы удовлетворяют «чувство вкуса» потребителя, поэтому они более престижны и необходимы.

Серебряная кнопка на дамской одежде — предмет подобного демонстративного потребления, безусловной роскоши, т. к. она не видна на платье и о качестве и стоимости этого аксессуара знает только модистка и его обладательница. Тем не менее именно этот продукт был в самом большом дефиците на московском галантерейном рынке 1917 г. В этом и состоит истинная, не показная роскошь: все красиво, дорого, даже то, что не видно. Смысл потребительского поведения женщины в военный период таков: не хуже, чем раньше, до войны, а лучше — еще дороже.

Важнейшим сегментом потребительского рынка, связанным с торговлей тканями, одеждой и галантереей, является рынок обуви. Невероятный рост цен на обувь наблюдался уже в начале войны и был вызван не только военными условиями (нехватка мастеров, дороговизна кожи и подошвы), но и очередными веяниями моды, не способствовавшими рациональному поведению потребителей. Дело в том, что женская юбка стала короче. Это повысило требования к модельным туфлям и женской обуви в целом.

Положение на этом рынке к 1917 г. было критическим. Как сообщал «Коммерсант», все запасы исчерпаны, все оптовые склады пусты, из-за недостатка валюты прекратились поступления американской обуви. Еще в 1916 г. была введена таксированная цена на обувь, а в апреле 1917 г. государство ввело монополию на покупку кожевенного сырья.

Продавцы обуви нашли знакомый многим покупателям выход из положения, который не снижал их прибыль. Одна из фирм на Кузнецком мосту, торговавшая по преимуществу изящной импортной обувью, действительно продавала туфли по таксированной цене в 19 рублей, но при этом покупательницам предлагалось купить также шелковые чулки по цене, компенсировавшей цену

на обувь [Готовая обувь... , 1917]. Подобный прием не снизил покупательскую активность состоятельной женской части населения.

Эти и другие условия обеспечили неимоверный рост цен на потребительском рынке: если в 1913 г. женские ботинки стоили 4 рубля, то в 1917 г. их цена доходила до 125 рублей. Но, как отмечал Бубликов, поражаясь всеобщему мотовству, на столичных улицах не встретишь женщину в стоптанных сапогах [Бубликов, 1918: 135].

Итак, роскошь — социально-экономический феномен, связанный с процессом потребления дорогостоящих и «элитарных» материальных и духовных благ. Он означает совокупность социальных практик, которая выражается в традициях, нормах, образе мыслей и жизни.

В период Первой мировой войны и революции потребление роскоши в российском обществе сохранилось, а у некоторых групп населения даже возросло. Роскошь в военное время — это в основном «женская роскошь» состоятельных кругов общества, которая выступала в качестве компенсации женщине за ужасы военного времени.

Гендерный анализ потребления роскоши показал, что на этот рынок серьезно влияла психология женщины и рост потребления роскоши объясняется не только социальными, но и психологическими причинами. Эмоции женщины — катализатор потребления роскоши. В российском обществе всегда было сильное влияние женского культурного начала, в чрезвычайных условиях оно усиливалось.

Отношение российских женщин к потреблению роскоши было неоднозначным. Возникли дискуссии в обществе, в периодической печати в частности. Были созданы радикальные проекты борьбы с расточительностью и мотовством в соответствии с идеями патриотизма, рационального поведения, бережливости в условиях военного времени.

Особенности потребительского поведения женщин на российском рынке роскоши выражались в следующем:

- ажиотажный спрос почти на все предметы роскоши, временами перераставший в безумное мотовство;
- попытки быть патриотками (носить отечественную недорогую одежду), но при этом одеваться красиво и элегантно;
- проявление эффекта Веблена, когда выбираются те предметы, которые стоят дороже, т. к. считаются престижными и статусными;
- скупка нетрадиционных для кризисного времени предметов (помимо ювелирных изделий и золота, как средство накопления использовались дорогостоящие ткани и аксессуары к одежде);
- стремление следовать моде, которая не стала рациональнее.

Настроение потребителя, особенно женщины, во многом определяет поведение рынка и производителя. Индустрия роскоши не исчезнет, не зачахнет никогда, поскольку она удовлетворяет насущные потребности человека — стремление к комфорту, красоте, получению удовольствия.

Библиографический список

- Агеева Е. А.* Роскошь в российском обществе в период Первой мировой войны: экономический и социальный аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 9, ч. 2. С. 12—17.
- Борьба с роскошью // Женщина и хозяйка. 1916. № 8. С. 13.
- Бубликов А. А.* Русская революция. Впечатления очевидца. Нью-Йорк: б. и., 1918. 160 с.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 368 с.
- В салоне светской дамы // Мир женщины. 1915. № 14. С. 10—12.
- Готовая обувь в итогах 1916 года // Коммерсант. 1917. № 2074. 3 января.
- Зомбарт В.* Любовь, роскошь и капитализм / сокр. пер. Н. И. Суворова. Пг.: Благо, 1917. 72 с.
- История России XX — начала XXI века / под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 768 с.
- К вопросу о борьбе с роскошью // Женское дело. 1916. № 16. 15 августа. С. 12—13.
- Кому нужна кондитерская промышленность // Промышленность и торговля. 1917. № 3 (247). 21 января. С. 67—69.
- Конъюнктура пушного и мехового рынков в 1917 году // Коммерсант. 1917. № 2070. 10 января.
- Кшесинская М.* Воспоминания. Смоленск: Русич, 1998. 416 с.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
- Модоборчество // Солнце России. 1916. № 329 (23). С. 12—14.
- На галантерейном рынке // Коммерсант. 1917. № 2203. 8 июля.
- Немецкие гигиенические моды // Женская жизнь. 1914. № 1—2. 7—22 октября. С. 10.
- Нынешняя женщина и ее костюм // Дамский мир. 1915. № 8. С. 4.
- О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1916. № 348. Ст. 2970—2971, 3797—3798.
- О красивой жизни // Солнце России. 1916. № 304 (49). С. 12—13.
- Овсянников Ю. М.* Картины русского быта. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. 351 с.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. 493 с.
- Стенографический отчет заседаний соединенных комиссий бюджетной и финансовой 4, 5 и 6 августа 1915 года // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Пг., 1915. Вып. 1: 19 июля — 3 сентября 1915 г. С. 1—121.
- Чумаков В.* Русский капитал от Демидовых до Нобелей. М.: ЭНАС, 2008. 336 с.
- Шелковый рынок // Коммерческий телеграф. 1916. № 948. 23 июня.
- Энценбергер Х. М.* Роскошь прежде и теперь, или Кое-что об излишествах // Иностранная литература. 1997. № 9. С. 225—226.
- Luxury goods worldwide market study // Bain&Co. 2012. Milan, 2012. 15th October.

References

- Ageeva, E. A. (2014) Roskosh' v rossiiskom obshchestve v period Pervoï mirovoï voïny: èkonomicheskii i sotsial'nyi aspekty [Luxury in Russian society during the World War I: economic and social aspects], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, no. 9, part 2, pp. 12—17.
- Bublikov, A. A. (1918) *Russkaia revoliutsiia. Vpechatleniia ochevidtza* [Russian Revolution. Impressions of the witness], New York.
- Chumakov, V. (2008) *Russkii kapital ot Demidovykh do Nobelei* [Russian capital from Demidov to Nobel], Moscow: ÈNAS.
- Èntsensberger, Kh. M. (1997) Roskosh' prezhe i teper', ili Koe-chto ob izlishestvakh [Luxury before and now, or Something about extravagancy], *Foreign Literature*, no. 9, pp. 225—226.
- Kshesinskaia, M. (1998) *Memories*, Smolensk: Rusich.
- Lotman, Iu. M. (1994) *Besedy o ruskoï kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture], St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
- Milov, L. V. (ed.) (2006) *Istoriia Rossii XX — nachala XXI veka* [The history of Russia XX — early XXI century], Moscow: Èksmo.
- Ovsyannikov, Iu. M. (2000) *Kartiny russkogo byta* [Pictures of Russian life], Moscow: AST-PRESS.
- Paleolog, M. (1991) *Tsarskaia Rossiia nakanune revoliutsii* [Imperial Russia just before the revolution], Moscow.
- Veblen, T. (2015) *Teoriia prazdnogo klassa* [Theory of the leisure class], Moscow: LIBROCOM.
- Zombart, V. (1917) *Lyubov', roskosh i kapitalizm* [Love, luxury and capitalism], Petrograd: Blago.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Н. А. Пушкарева

**Конгресс в конгрессе:
о работе секции «Женское vs мужское в культурах мира»
на XI конгрессе антропологов и этнологов России
(г. Екатеринбург, 7–10 июля 2015 г.)**

2—6 июля 2015 г. в Екатеринбурге состоялся традиционный, уже одиннадцатый, конгресс антропологов и этнологов России. Самой многочисленной секцией конгресса оказалась секция «Женское vs мужское в культурах мира. Русская культура и женская история сквозь призму мужского и женского», доклады которой охватили более чем три века российской и мировой истории. Работа секции была нацелена на обсуждение проблем, связанных с влиянием фактора пола на конкретно-исторические формы коллективных и индивидуальных изменений, на разговор о влиянии гендерного порядка на факты событийной истории, на дискуссии о связи проявлений гендерных асимметрий с принадлежностью к социальному слою, конфессией, политической и конъюнктурной составляющими.

Организаторы секции «Женское vs мужское в культурах мира» получили свыше 150 заявок, в том числе из европейских стран и стран СНГ. По сути, образовался своеобразный конгресс в конгрессе — столь многочисленны были желающие приехать и поучаствовать в обсуждении этой традиционной для этнографии, но вечно живой темы. После отбора и экспертизы заявок решено было организовать две подсекции: «Русская культура и женская история сквозь призму мужского и женского (XVIII — начало XXI в.)» и «Женское vs мужское в культурах мира с древности до наших дней: культура этноса сквозь призму мужского и женского» и выделить для их работы три дня в рамках конгресса. Немалый труд по систематизации заявок и проблем для обсуждения взяли на себя руководители подсекций — автор этого материала, бессменный председатель межрегиональной общественной организации «Российская ассоциация исследователей

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 159—163

© Пушкарева Н. А., 2015

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

женской истории», объединяющей сторонниц нового подхода к изучению роли пола и гендера, и ее ученица, ныне также доктор исторических наук, профессор А. В. Белова (Тверской государственной университет).

Сторонницы традиционных — дескриптивных и агрегативных — подходов в атмосфере благожелательных дискуссий смогли обсудить проблемы интерпретации методологии и историографии женской и гендерной истории России и зарубежных стран, соотношения гендера и власти, осмысления женщинами и мужчинами перемен в истории, будь то структурные или ментальные изменения, политические или бытовые, экономические, социальные, конфессиональные и другие, в том числе обусловленные культурно-историческим развитием России, ее символическим местом между Западом и Востоком, особенностями смыслополагания женского и мужского в российской культуре.

Доклады, представленные в рамках подсекции «*Русская культура и женская история сквозь призму мужского и женского (XVIII — начало XXI в.)*», охватили особенности гендерных отношений на протяжении более чем трех веков и дали возможность охарактеризовать особенности гендерных контрактов у разных категорий населения (дворяне, мещане, крестьяне, аристократия, студенты, рабочие и др.), социальных групп (морячки, солдаты, казаки). В докладах участников подсекции были проанализированы гендерные асимметрии, возникающие в зависимости от места рождения и жизни героев: город/деревня, столица/провинция. Большое внимание было уделено, как всегда в последнее десятилетие, особенностям жизни образованного сословия — женщин-дворянок, их повседневности (А. В. Белова), роли матери в воспитании российской дворянки (О. И. Лисицына), в том числе религиозном (В. А. Верременко), своеобразию процесса родовспоможения в дворянской среде (Н. А. Мицюк). Подобный интерес обусловлен наличием многочисленных источников личного происхождения, оставленных представительницами образованного сословия: именно они и позволяют реконструировать повседневные практики и воссоздать живую картину обыденности.

В связи с растущей популярностью гендерных исследований и углублением проблемного поля, многие доклады оказались посвящены анализу кризисных переходных этапов в истории нашей страны и зависимости восприятия текущих событий от гендерной принадлежности: женщины и мужчины (как взрослые, так и дети) по-разному воспринимают различные исторические события. Эта проблематика освещалась в докладах И. В. Виниченко «Травматический опыт и практики переживания войны в традициях служилых сословий России (На примере донского казачества)», Н. С. Нижник «Гендерная специфика ментальных установок и самомотивация женщин в годы Первой мировой войны», О. В. Шныровой «“И девушка наша проходит в шинели”: трансформация гендерных ролей в период революции и Гражданской войны в России 1918—1920 гг.», И. В. Синовой «Гендерные особенности повседневной жизни детей в условиях войны и блокады Ленинграда» и др.

Весьма широко участницы подсекции трактовали и сам исторический источник. Т. А. Мищенко в докладе «Игрушки для мальчиков и девочек: из воспоминаний о советском детстве» рассматривает информативные возможности

игрушек (прежде всего кукол) как исторического источника, ведь они отражают не только технические достижения общества, но и гендерные стереотипы.

Среди докладов важное место заняли выступления, освещающие наиболее актуальные проблемы современности в русле гендерных исследований, связанные с самоидентификацией личности, пересечением понятий культуры, этноса и гендера, размышляющие над вопросом о месте и роли женщины в обществе XXI в. Неудивительно, что на обсуждение оказались вынесены такие вопросы, как женские и мужские названия профессий и статусов (И. В. Баданина), гендерные стереотипы в современной молодежной среде (А. А. Гизуллина), представление об идеальном муже и идеальной жене (М. А. Жигунова), о женской дружбе (Н. И. Журавлёва), положение женщин на рынке труда (Т. С. Лыткина, В. В. Фаузер, Г. Н. Фаузер). Современные гендерные стереотипы и пути их преодоления проанализированы в докладах о женщине за рулем (Г. А. Ельникова), о женщине в научном сообществе (Т. В. Разина) и др.

Докладчики затронули ряд особенно обсуждаемых ныне в СМИ тем, отражающих неоднозначность современного общественного дискурса. Например, в докладе «Будущее материнства и отцовства в контексте новых подходов к пониманию семьи и развития биотехнологий» (Р. Ю. Шульга) изучены последние тенденции в изменении подходов к пониманию семьи и роли родителей в воспитании детей (автор полагает, что современное родительство, в соответствии со старыми стереотипами, до сих пор приравнивается к материнству и лишь развитие биотехнологий, возможно, откроет путь к «новому отцовству»), когда мужчины по-иному отнесутся и к самому процессу родов, и к помощи в воспитании ребенка). В другом докладе — «Генетические и социальные факторы трансгендерности и интерсексуальности» (С. В. Шихова) даны дискуссионные ответы на еще более злободневные вопросы. Какой вклад в половую самоидентификацию вносит социум? Каким образом гены формируют наш биологический пол и пол нашего мозга? Существуют ли физические различия в работе мозга людей, чей биологический и социальный пол различаются? В докладе «Гендерная перестройка в российской культуре (свободный выбор или современные технологии “промывания мозгов”» (Н. В. Шалыгина) обсуждались и конкретные технологии, известные под общим названием «промывание мозгов», и их интерпретации применительно к современным теориям социального конструирования гендера в условиях глобального культурного обмена.

Как обычно, часть времени работы секции была отдана обсуждению проблем методологии и историографии женской и гендерной истории, гендерной антропологии и этнологии. Доклад Н. Л. Пушкаревой «Женщина-интервьюер перед женщиной-респонденткой: особенности сбора полевого материала» явил размышления о том, насколько аналитик и его индивидуальное (в том числе личностное) гендерные характеристики влияют на содержание собираемого им материала, о важности эмоциональной эмпатии и доверия в процессе реконструкции современной женской истории. В выступлении Т. И. Зайцевой «Концепты “женщина”, “мужчина”, “гендер” в современной российской историографии» прозвучали выводы о лингвокультурологическом аспекте проблемы, а в сообщении Л. В. Лебедевой «Источники личного происхождения в исследовании проблем женской повседневности», по сути, «реабилитированы» женские

эго-документы, в которых всегда меньше говорится об общественно значимых событиях, а больше о семье, чувствах, переживаниях по поводу любви и детей.

В ходе работы подсекции *«Женское vs мужское в культурах мира с древности до наших дней»* состоялось обсуждение докладов, освещающих различные аспекты гендерных отношений в культурах мира, репрезентирующих компаративное изучение диалектики мужского и женского начал в национальных культурах. Как научная тема этот сюжет имеет давнюю историографическую традицию, однако именно гендерная этнология поставила под сомнение традиционный описательный подход и выдвинула на повестку дня проблему мужской и женской культур как взаимодействующих, но не обязательно взаимодополняющих.

Среди участников этой подсекции преобладали исследовательницы из стран СНГ. Представленные ими доклады отразили сложные и порой противоречивые изменения в гендерных отношениях на постсоветском пространстве, связанные с поисками национальной идентичности, подавляемой советской идеологией. Так, Ж. С. Тлеукенова (Республика Казахстан) в докладе «Особенности гендерной социализации казахской семьи: традиция и современность» подняла проблему разрушения традиционных культурных связей и семейно-брачных отношений в казахских семьях, настаивая на необходимости возрождения прежних семейных традиций. В разрезе исследований, посвященных соотношению гендера и власти, Г. Т. Уранхаева и А. Джумахан (Республика Казахстан) подготовили доклад «К вопросу о перспективах продвижения женщин на госслужбу», предложив путь к созданию эффективной системы кадровой политики, учитывающей фактор пола, а не пренебрегающей им (как это сейчас бывает). Исследование гендерных отношений с точки зрения института государственной службы пока еще является новым проблемным полем. В докладе О. И. Урсан (Республика Молдова) «Евгения Остапчук — первая женщина в парламенте Молдовы» рассмотрена роль женщины в политике этого постсоветского государства начала XXI в. В странах данной группы сложились различные модели трудового поведения женщин. Л. С. Спанкулова (Республика Казахстан) провела исследование, направленное на выявление изменений в структуре женской занятости, показав изменения в трудовом поведении женщин на протяжении их жизненного цикла. Многие участники подсекции акцентировали внимание на том, что говорить о гендерном равенстве в современном обществе, как на территории Российской Федерации, так и в странах СНГ, пока не приходится. Ярким примером борьбы за него стало украинское женское объединение «Фемен», феномен которого раскрыт в докладе К. Кюн (Германия) «Фемен, или Является ли каждая женщина воплощением бунта?». Скандальная репутация этой группы сделала ее самой известной феминистской группой Европы. Истоки провокационной деятельности «Фемен» К. Кюн увидела в ее желании освободиться от советского прошлого через возвращение к биологическому понятию пола. Она охарактеризовала ее как постсоветское, пост-постфеминистское украинское женское объединение.

Другую часть докладов представляли исследования роли и образа женщины в различных культурах, отражающих яркую национальную гендерную идентичность: «Таджикская женщина на рубеже XIX—XX веков»

Ф. А. Ахмедовой (Россия), «Гендерный аспект в традиционном воспитании девушек в Казахстане» Г. К. Бектургановой (Республика Казахстан), «Женщина в семье и домашнем хозяйстве: соотношение традиционных установок и унификационных процессов (На примере Кабардино-Балкарии)» М. Х. Гуговой (Кабардино-Балкарская Республика), «Казахская женщина — хозяйка домашнего очага» З. М. Кодар (Республика Казахстан).

Необычным в плане выбора исследовательской задачи можно считать доклад «Гендерные аспекты поведения в музее» Е. Ф. Плошниц (Республика Молдова). Ею были проанализированы мотивация посещения музеев, время, проведенное у музейной экспозиции, а также время, проведенное в музейном магазине, и иные вопросы, которые она увязала с фактором пола. Эти сведения позволили определить существенные различия в интересах мужчин и женщин при посещении музеев и сделать вывод о том, что их привлекают разные категории музейных экспонатов.

Умелое владение приемами и методами гендерной экспертизы социальных явлений, отличное знание классических работ современных теоретиков феминизма позволило П. Ёвичич (Сербия) подготовить доклад «Женское и мужское в изобразительном искусстве». Убежденная сторонница феминистского видения истории изобразительного искусства, П. Ёвичич предложила выйти за рамки традиционного искусствоведческого исследования и применить мультидисциплинарный взгляд при оценке визуального нарратива. Феминистское направление в гендерных исследованиях заставило апробировать новые методы в изучении женской субкультуры как культуры Другого со своей аксиосферой, иерархией ценностей и особым тезаурусом, языком самовыражения. Участники конгресса сошлись во мнении, что от того, какие проблемы мужской и женской субкультур в национальной культуре оказываются в фокусе внимания и как они интерпретируются, зависит оценка основных трендов общественного развития, приемлемость или отчуждение новаций.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее, а следовательно, объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Хасбулатова О. А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918—2015 гг.: историко-социологический анализ	3
Шведова Н. А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика	17
Васильченко Э. А. Женщины Дальнего Востока в современных условиях	31
Будник Г. А. Высшее инженерно-техническое образование женщин: история и современные тенденции	37

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Саралиева З. Х., Щекотуров А. В. «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z»	45
Васильченко О. А. Материнский капитал в условиях Дальнего Востока	59
Гафизова Н. Б., Смирнова Д. И. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода) (На примере г. Иваново)	67

ПОЛИТОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России	78
Гнедаш А. А. Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты	96
Прокопенко Л. Я. Жены президентов: африканский вариант	109
Рябова Т. Б. «Родина-мать» в практиках политической мобилизации современной России	124

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Долидович О. М. Дамский комитет Барнаульского отдела Российского общества Красного Креста в период войн начала XX в.	138
Агеева Е. А. Особенности потребительского поведения женщин на российском рынке роскоши в период Первой мировой войны	147

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Пушкарева Н. Л. Конгресс в конгрессе: о работе секции «Женское vs мужское в культурах мира» на XI конгрессе антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 7—10 июля 2015 г.)	159
<i>Информация для авторов</i>	164

CONTENTS

SOCIOLOGY

HUMAN CAPITAL

Khasbulatova O. A. Professional education of men and women in Russia: socio-historical analysis	3
Shvedova N. A. Human capital development and gender equality: smart gender politics	17
Vasilchenko E. A. Women of the Far East in modern conditions	31
Budnik G. A. Higher engineering education of women: history and current trends	37

SOCIOLOGY OF FAMILY

Saraliev Z. H., Shchekoturov A. V. “I don’t want to be a girl who always washes dishes”: the institutional analysis of “Z” generation adolescents’ gender sensitivity	45
Vasilchenko O. A. The maternal capital in conditions of the Far East	59
Gafizova N. B., Smirnova D. I. The fatherhood as a social phenomenon in complete and incomplete (due to divorce) families (The example of Ivanovo)	67

POLITOLOGY

POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS: GENDER ASPECT

Riabov O. V. The «Motherland» in the symbolic politics of the post-Soviet Russia	78
Gnedash A. A. Family policy in the regions of modern Russia: institutional and policy aspects	96
Prokopenko L. Ya. Presidents’ wives: an African way	109
Riabova T. B. The “Motherland” in the practices of political mobilization	124

HISTORICAL STUDIES AND ARCHEOLOGY

WOMEN’S HISTORY

Dolidovich O. M. Ladies’ committee of the Russian Red Cross Society Barnaul division during early XX c. wars	138
Ageeva E. A. The peculiarities of women’s consumer activity on the Russian luxury market during World War I	147

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Pushkareva N. L. A congress within the congress: panel “Feminine and masculine in the world cultures” at the XI All-Russian congress of anthropologists and ethnologists (Ekaterinburg, July 7—10, 2015)	159
<i>Information for the authors</i>	164

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3/4 (76/77) — 2015

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.12.2015 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 287. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru